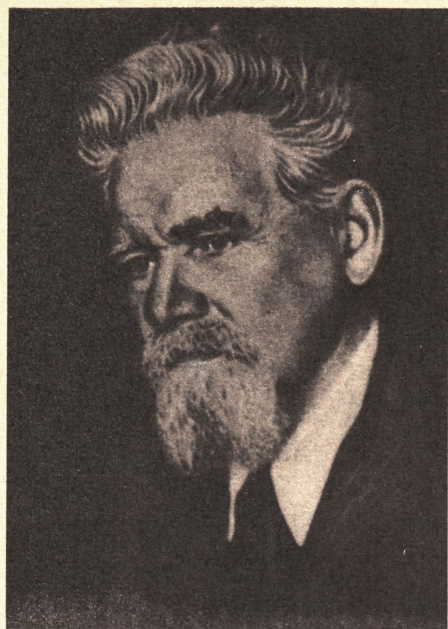

уральский

следопыт

№3 **** 1982

Л. С. Берг

Почти в каждой семье сохраняются записные книжки, дневники, фотографии, документы дедушек, бабушек, отцов, именуемые личными архивами.

После Великой Отечественной войны, когда вновь начались экспедиционные исследования в отдаленных уголках страны, известный советский ученый академик Л. С. Берг, возглавлявший Географическое общество СССР, написал обращение к молодым географам Сибири и Дальнего Востока. Тогда, минуя печать, оно попало в рукописном варианте к ученым. Подлинник обращения за подписью академика Л. С. Берга, к счастью, сохранился в одном из семейных архивов в Ленинграде.

Мы впервые публикуем в журнале это обращение.

«От души желаю Вам наследовать энергию, настойчивость, героический дух наших знаменитых исследователей Дальнего Востока и быть продолжателями их славных дел. Берите пример как с пионеров географического изучения берегов Тихого океана — Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, — так и с ученых натуралистов

«Желаю вам наследовать...»

и моряков — С. П. Крашенинникова, В. М. Головнина, Г. И. Невельского, В. К. Арсеньева, В. Л. Комарова и многих других, чьи труды прославили русское имя во всем свете.

Всегда помните, что смознал знаменитый путешественник XV века Афанасий Никитин, который провел много лет в странствиях по Персии, Индии, Турции: «Русская земля — на этом свете нет страны лучше ее».

Эту землю мы должны не только любить, но и изучать ее на благо нашей дорогой Родины. И в этом деле первое место принадлежит географам.

Академик Л. БЕРГ».

В. КРИВОШЕИН

Оформление
С. Малышева

в номере:

Ю. Борисихин ОТВАГА	2
Н. Широкова ПИСЬМО ДОБРОГО СКАЗОЧНИКА	9
Д. Лившиц У МЕНЯ ЕСТЬ ТРИ ЖЕЛАНЬЯ...	10
Ю. Алан НЕРАЗГАДАННЫЙ ПОРТРЕТ	17
Е. Новоселов ТВОРЕЦ ВОДЯНОЙ ТУРБИНЫ	18
Н. Берсенев ПРО ФЕДОРКИНА-МЕНЬШОГО. Рассказ	20
Я. Андреев МСЪЕ ОРЛОВ ИЗ СВЕРДЛОВСКА	31
С. Мельников СКАЗКА В МЕТАЛЛЕ	32
В. Гребенников МОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ НЕБО	33
И. Малахеев Я ПО ЗЕМЛЕ ИДУ... Стихи	37
Е. Пинаев ЧТО ИМЕТЬ ЗА ДУШОЙ!	38
К. Некрасова «И НЕТ НАСЫЩЕНИЯ ЖИЗНЬЮ...»	41
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	44
А. Коваленко СБИТЬ... БЕЗ ПАТРОНОВ	46
А. Коцеев ЦАРСТВО ФЛОРЫ. Окончание	51
Е. Наумов ПЛЕМЯ МУДРОГО РО. Повесть	60
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА	77
В. Козлов РАССКАЗЫ О ЧАПАЕ	78
МИР НА ЛАДОНИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь)

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.10.81.
НС 11008
Подписано к печати 27.01.82.
Бумага 84×108^{1/2}/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,0
Тираж 256 000.
Заказ 412.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк О. ЗЕМЦОВА.

© «Уральский следопыт», 1982 г.

№3 * 1982

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

*Нравственные
уроки
«Уральского следопыта»*

ОТВАГА

Адрес четвертого урока:
Памир, пик Коммунизма —
самая высокая точка
СССР (7495 м)

*Держайте Отчизну
отвагою прославить!*

М. В. ЛОМОНОСОВ

*Урок ведут:
А. К. КИКОИН,
председатель Свердловской
Федерации альпинизма,
основатель уральской школы
горовосхождения,
кандидат физико-
математических наук;
Сергей ЕФИМОВ,
член советской
экспедиции на Эверест;
Валерий БРЫКСИН,
Евгений ВИНОГРАДСКИЙ,
Алексей ЛЕБЕДИХИН,
мастера спорта,
трижды чемпионы СССР
по альпинизму.*

«...Громадная трещина. По мостику переползаю на противоположную сторону. Беру резко вправо. Траверсирую над трещиной с большой осторожностью. Боюсь делать большие остановки. Солнце уже опустилось низко! Тяжело лезть по крутому склону в глубоком снегу. А вершина зовет и требует все новых усилий. Поднимаюсь на острый гребень. Все же высота сказывается: шагов двадцать сделаю и отдыхаю. Гребень как нож. На восток почти полный отвес, около километра. Последний крутой тяжелый кусочек преодолен. Вершина!.. Вот она! Не выдержал, от волнения и радости на четвереньках вполз и лег на защищенные от холодного ветра плиты...»

Штурмовой дневник
Евгения Абалакова,
3 сентября 1933 года.

Так был впервые покорен самый высокий из четырех семитысячников страны — пик Коммунизма. Этот успех советского горвосходителя стоял в ряду с мировыми альпинистскими достижениями. Только в 1950 году человек проник на вершину за пределы 8 тысяч метров — французы М. Эрцог и Л. Лашанель покорили гималайскую вершину Анапурну (8078 метров). Правда, еще в 1924 году за достижение высоты 8565 м при попытке восхождения на Джомолунгму участникам английской экспедиции вручили золотую Олимпийскую медаль, но в альпинизме все-таки больше ценятся вершины!

А советские альпинисты имеют более 1500 восхождений на семитысячники у себя дома и на многих материках мира, но пик Коммунизма, дыбющийся над вели-

Посвящается первому советскому восхождению на высочайшую вершину мира Эверест (8848 м)

чайшим на земном шаре ледником Федченко, опирающийся плечом на уникальное, площадью, в 29 квадратных километров фирновое плато, остается эталоном, испытывающим высшую квалификацию альпиниста.

Небольшая экспедиционная группа «Уральского следопыта», проехав три тысячи километров через Урал, степи, пустыни, предгорья Памира, выгрузилась в городе Ош Киргизской ССР — отсюда начало покорения пика Коммунизма.

Наша задача скромней: пробиться к базовому лагерю Ванч-Даре, где сборная команда страны готовится к гималайской экспедиции, совершает восхождение на высшую точку страны...

Но горы есть горы: эта скромная наша задача поставлена под угрозу — пылающее зноем небо Оша вдруг морщится, и серый плотный дождь загудел по дыням опустевшего базара; повис над подбеленными хлопчатниками.

Даже нам, не знатокам азиатской погоды, ясно: циклон... И еще ясно: на пике Коммунизма альпинисты дают настоящий урок отваги. Три уральских парня — свердловчане Михаил Самойлин, Евгений Виноградский, Валерий Брыксин — добиваются редкого в мировой альпинистской практике результата — покорить за сезон три семитысячника, а Сергей Ефимов, единственный от Урала член гималайской экспедиции, делает восхождение по сложнейшему маршруту на пик Коммунизма... Он запишет в штурмовом дневнике:

«...К часу дня подошли к лагерю «5600». Дальше идти бессмысленно. Можно заблудиться в висячем леднике. На рюкзаках, касках, ботинках ледовоснежная корка. Отряхивать ее бесполезно. Так и вваливаемся в палатку. Кажется, что отсырели до костей. Пространство между палаткой и ледовой стеной заносится снегом. Уже не хватает сил, чтобы оттолкнуть эту текущую массу. Надо вылезать и отгребать снег, иначе он сдвинет палатку с площадки. Защелкиваю карабин на веревке, проходящей сквозь палатку. Пора развязывать рукав входной палатки. Тут же получаю в лицо заряд снега. Разворачиваюсь и вперед ногами начинаю выскальзывать вниз по склону...

Вышли на связь, слышим:

— Карат-3, Карат-1, я — база. Ребята, прогноз такой — плотный циклон захватил весь Памир и Казахстан. Ветер до 25 метров в секунду, понижение температуры, снег. Улучшения не будет до 26 числа. У нас идет дождь. Позвалило ветром два кемпинга...

Нам все ясно: погоды не будет до конца восхождения, надо двигаться в такую.

...Восхождение мы все-таки сделали. Видимо, непогода решила передохнуть полдня.

Вот и скалы вершины. Видимости нет. Облака. Высота 7495 метров. В спокойном состоянии дышится нормально. Интересно, как же будет дышаться там, на высоте 8848 метров...

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ АЛЬПИНИЗМА СССР № 28/487 от 22.09.81.

«...Включить в основной состав экспедиции на Эверест в 1982 году В. С. Балыбердина [Алма-Ата], С. И. Бершова [Киев], К. Ш. Валиева [Алма-Ата], С. Б. Ефимова [Свердловск], В. А. Смирнова [Ленинград], Л. А. Трощиненко [Ленинград], М. М. Туркевича [Донецк], В. И. Хрищатого [Алма-Ата], Н. Д. Черного [Москва].

Вот так примерился к высочайшей точке земли уральский альпинист Сергей Ефимов. Он, спортсмен мирового класса, не сказавший ни в дневнике, ни в беседе со мной ни слова впрямую о личном мужестве и сверхчеловеческих усилиях, какими только и достаются такие вершины, дал знать, что уральская школа альпинизма создавалась трудом и опытом нескольких поколений горовосходителей...

А. К. КИКОИН, основатель альпинистской секции на Урале:

— Четверть территории страны — горы. Осваивать эти труднодоступные районы, исследовать, обживать — задача для альпинизма на необозримо долгие годы. А путь преодоления, самопознания человеком самого себя, испытание трудностями, зов первопрохождения попросту бесконечны. Так что празден вопрос о том, надо ли человеку ходить в горы... Да они и зовут — только на Приполярном Урале 80 процентов вершин еще не имеют названий, не ступала нога человека на сотни вершин Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Якутии...

Во время войны я служил на Тянь-Шане. Научные дела в 1943 году привели меня в Свердловск. На всякий случай зашел в спортобщество «Наука» (теперь «Буревестник»), сказал, что имею звание инструктора по альпинизму. «Не знаем, что с вами делать, — улыбнулись в спортобществе, — но адрес оставьте». Я понял, что представление об этом виде спорта здесь более чем скромное.

Но вот в 1945 году получаю записку: «Пришли путевки по альпинизму в лагерь на Тянь-Шане. Помогите разобратся...»

Повесил объявление. Пришли люди, собрали кое-что: ледоруб, веревку, понятно, взяли гужевую — специальных еще не было.

Восемь пиков тогда покорили за смену. Неплохой показатель, если считать, что снаряжение было далеко не совершенно, питались на продуктовые карточки, которые привезли из дому.

В горах побеждает тот, кто все умеет делать хорошо. Никогда не забыть одного случая. Внезапно принесли известие: на перевале получил травму участник восхождения. Путь из лагеря через припущенный снегом ледник, ночью.

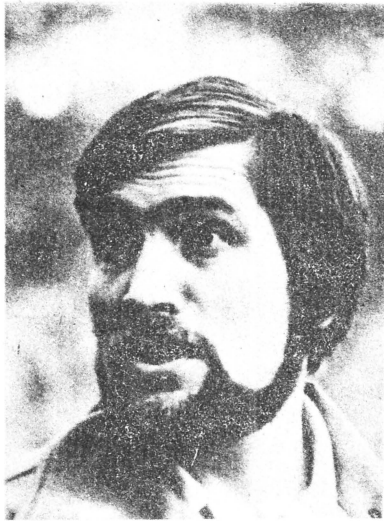
Попади в трещину, и шансов остаться целым — мало. Но женщина-врач, выпросив про характер травмы, решила пойти к больному — транспортировать его было нельзя. Мы начали отговаривать. «Даже подготовленным альпинистам трудно, — говорили ей, — снег, большой набор высоты. Мы принесем сами больного». «Вот и хорошо, что вы подготовлены, — сказала она спокойно, — вернее доберемся». Не буду говорить, что ей стоило это ночное восхождение. Конечно, она шла из последних сил. Мужество, отвага врача поразили всех. Два часа в холодной палатке делала она операцию. Потом рядом с больным спустилась в лагерь.

Так обживают вершины.
Сергей Ефимов — член первой советской экспедиции на Эверест.

Алексей Лебедихин

Валерий Брыксин

Евгений Виноградский

Да, ее вел профессиональный долг, но и личное мужество. Она не случайно оказалась в горах. Смелые души не обходят их стороной...

Через двадцать с лишним лет после организации секции обозначил себя уральский альпинизм и на союзной арене: в 1967 году команда Свердловской области (А. Земеров, Т. Вольнец, П. Егоров, В. Кушнарев, А. Михайлов, Ю. Смирнов, В. Шкодин, П. Шулин) в классе траверсов завоевала золотые медали чемпионов страны.

Еще десять лет понадобилось, чтобы в 1977 году под пиком Россия одолеть сложнейшую километровую ледовую стену и получить бронзу на Чемпионате СССР. Но это была уже другая команда. Вел ее нынешний член экспедиции на Эверест Сергей Ефимов...

СПРАВКА ОБ ЭВЕРЕСТЕ.

Эверест (8848 м) представляет собой пирамиду не совсем правильной формы с тремя сходящимися гранями — северо-восточного, юго-восточного, западного гребней. На вершину уже проложены семь маршрутов, первые — в 1953 году первовосходителями Э. Хиллари и Н. Тенцингом. Наша сборная избрала для штурма вершины совсем новый маршрут — по юго-западному контрфорсу (ребру), насыщенному скалами, снегом, льдом. Пожалуй, выбран самый трудный из маршрутов, по которым когда-либо поднимались на Эверест.

1977 ГОД. ЛЕДОВАЯ СТЕНА ПИКА РОССИЯ.

Сергей ЕФИМОВ:

— Никто никогда командой не ходил на такие ледовые стены. Американец профессионал Генри Барбер один, без страховки, совершил нечто подобное. Он молодец, но покорять ледовые стены в одиночку — его личное дело. Он рискует только сам. Мы не имеем права подвергать риску команду. Команда — это, если хотите, особое существо. Там нет «я», там есть «мы». Одна особенность стены — ее нужно пройти за световой день. Ночевка исключена — может убить камнепадом. Мы выбрали отрезок

метров в сто, прошли его на время. Высчитали: успеваем и километр. А хватит ли сил? Десять часов, практически на одних передних зубьях кошек — сможем ли? Никто не знал. Мы только были обязаны надежно пройти ледовый отвес за световой день. Я считаю основой личности способность ставить задачу. Есть задача — твои способности и качества или позволят или не позволят ее решить. Стена была проблемой, до нас никем не решенной. Наша команда ее решила.

Команда — это Алексей Лебедихин, Евгений Виноградский, Валерий Брыксин, Сергей Абрамов, Михаил Самойлин...

Кстати, все из той секции, которую организовал еще в 1945 году Кикоин. Это было первовосхождение. Правда, из тех, на которое второй раз не сильно хочется.

СПРАВКА ОБ ЭВЕРЕСТЕ.

8000 метров — граница риска, которую, как заколдованную, не могли переступить многие альпинисты мира. Этот шаг необходимо будет сделать нашим спортсменам. 8500 — высота, выше которой не рекомендуется подниматься без кислородного оборудования. Наши альпинисты раньше не пользовались им. Единственному в мире горовосходителю А. Месснеру, покорившему семь восьмитысячников и побывавшему на Эвересте без кислородного прибора, говорили: «Самое лучшее, если вы не дойдете до вершины Эвереста. Если дойдете, то не вернетесь. Если вернетесь, то не человеком...» На такой громадной высоте лютый мороз, неистовый ветер, сухость и разреженность воздуха действуют необратимо на мозг и психику человека... Что противопоставить Эвересту, отбившему десятки экспедиций с исходом иногда трагическим? 111 человек покорили его, десятки — погибли... Суровая арифметика!

К 1936 году советские восходители вышли на первое место в мире по числу победителей вершин выше 7000 метров. Более пяти тысяч советских спортсменов имеют в активе восхождение на семитысячник. Покорены по

сложнейшим маршрутам пики Коммунизма (7495 м), Победы (7439 м), Кунгур Тюбе Таг (7595 м), Музтагата (7546 м), Хан-Тенгри (6995 м), самый северный в мире шеститысячник — пик Мак-Кинли на Аляске.

1977 ГОД. АЛЯСКА. ПИК МАК-КИНЛИ.

Алексей ЛЕБЕДИХИН:

— Сергей потом признается, что Аляска его глубоко поразила. Чем? Это не просто объяснить. Просто чувствуешь глубокое внутреннее удовлетворение, эмоциональный подъем. Мы приехали на Мак-Кинли по приглашению американских коллег. У нас с ними хорошие отношения. Однажды пришлось спасать одного из них на восхождении у нас. Да, подъем на самый северный шеститысячник планеты входил в план подготовки к Эвересту. Морозы здесь с ветерком, иногда до 60 доходят. Покорили мы вершину. Пришлось поработать. Но не об этом речь. Спустились в лагерь, у нас, подсчитываем, два дня есть в запасе. А тут ледовый пик торчит перед лагерем. Он названия не имеет, просто в футах высота записана. Но мы слышали — «Комикадзе» его американцы в шутку зовут. Стена гладкая, ледовая.

Ни души в горах. Мы вдвоем с Сергеем. В то время уже мечтали о ледовой стене пика Россия.

Отговаривать от восхождения нас некому было.

В пять утра собрались. За полтора часа достигли льда. Удивительная крутизна. Прошли пять веревок. Картина завораживающая. Вышли на скалы — этикие бараньи лбы, потом провал, опять скалы. Лезть тяжело — все же два рюкзака. Мы, в общем-то, готовы и ночевать были, пока этот ледовый кусочек метров в 50 не встал на пути. Гладенький! Сергей пошел. Крутит ледовый крюк и какое-то мгновение висит на одном молотке. Восемь метров хода — прием, я пошел... Дальше — купол ледовый. В три часа дня вышли на вершину. Мы не боялись темноты — стояли великолепные белые ночи. Кому-кому, а альпинистам природа дарит сокровенные минуты свои. Возвращались другим путем, в 3 часа ночи были в лагере. Получилось двадцать часов ходу. Такой вот экспромт. Можно сказать, проходить Россию учились в Америке... Конечно, мы знали слова индийского альпиниста М. Кохли, достигшего вершины Эвереста: «Любой, кто осмеливается вступить в борьбу с Эверестом, претерпевает огромное духовное потрясение. Стремясь в борьбе достичь самую высокую вершину мира, человек завоевывает самого себя».

Мак-Кинли помог нам серьезно поверить в себя.

Сергей ЕФИМОВ:

— Альпинист высокого класса прежде всего профессионален в том смысле, что должен знать свое дело в связке. У нас Женя Виноградский выбивает крючья. Утомительное дело. Железо, когда поднаберется в рюкзаке, ой-ей как весит. Прошли бы мы «зеркало», не умей мы исполнять собственные расчеты?

Командой ходим более пяти лет. И без происшествий. Состав неизменный. Готовим потихоньку молодых, — критерии, по которым отбираем, жесткие. Вернее, их не мы даже ставим, горы. А в горах все ненадежно: камень, снег, лед. Лавины, ледопады — кто их предугадает? Хотя стремиться предугадать нужно. Всю коварность гор должна предупредить надежность друга в связке. Это ведь не только альпинистский принцип, в жизни разве иначе?

Но горы не принимают благих намерений. Альпинист высокого класса должен иметь квалификацию, ставящую его выше мелочей в обычном понимании. Раз ты идешь в связке с другом, ты доверяешь ему все, ты принимаешь его всего.

1981 ГОД. ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ. ЧЕМПИОНАТ СССР ПО АЛЬПИНИЗМУ. «ЗЕРКАЛО».

Сергей ЕФИМОВ:

— «Зеркалом» мы окрестили абсолютно гладкую стену между двумя маршрутами. Ее даже не заявляли. Слева, справа — пожалуйста. Мы вытянули жребий — идти вторыми за москвичами. Это ж проигрыш — вторые... Чтобы выиграть, надо идти по зеркалу. Мысль мелькает: «Мы ж не мухи! Стена даже после дождя сухая...» Рассматриваем в трубу — зрде есть трещина. Если трещинка — прорвемся! А вдруг просто полоса. Но мы прошли. Оказалось, все ж трещина там была. (За прохождение скального маршрута команда Свердловска получила золотые медали.)

Кто он, восходитель! Перед штурмом Эвереста врач-психологи гималайской экспедиции составили на основе исследования всей группы портрет советского альпиниста высокой квалификации. Вот эти черты:

Упорство и настойчивость, обостренная интуиция и уверенность в успехе предстоящего дела, неудовлетворенность и самокритичность. Это упорные в достижении поставленной цели скляные, спокойные люди. Среди них нет ни одного с повышенным уровнем тревоги. Они не очень общительны, неожиданно то, что у опытных альпинистов повышенная чувствительность, они придают значение самым тонким нюансам человеческих отношений.

А. К. КИКОИН:

Можно дополнить портрет чертами, отмечающими чисто уральскую школу альпинизма. Наша команда одна из самых организованных. У нее прекрасные бойцовские качества. Если график прохождения намечен — как бы ни было трудно, идут упорно, не останавливаясь ни перед чем. Строго распределены обязанности. Все отработано. И, конечно, прекрасный лидер — Сергей Ефимов. И замыкающий Евгений Виноградский — сильный скалолаз, человек поразительного спокойствия... Уметь делать все хорошо, повторяю, ключ успеха. В смелости, когда надо побороть себя, в отваге, когда надо решиться на дерзкий шаг, в мужестве, когда надо идти до конца.

1981 ГОД. АВГУСТ. ПИК КОММУНИЗМА.

Валерий БРЫКСИН:

— Первое мое восхождение на этот пик. Что буду вспоминать из семи дней снега, холодных ночей, тесных палаток? Пещеру на 5700 метрах под фирновым плато, вырытую чехами, очень нам пригодившуюся? Само фирновое плато — совершенной белизны поле длиной 12 километров, шириной — 2 километра?

Испортилась погода, снегу сразу навалило по грудь. Топчем его вверх и вверх... На нашу команду обратили впервые внимание под пиком Свободной Кореи. На его мощной стене терпела аварию группа — у одного участника перелом основания черепа. В таких случаях спасти может только быстрота... Сумели тогда пройти участок стены до пострадавшего за три часа, тогда как сама команда шла день. Спасли человека...

А сейчас сами тонули в снегу...

Евгений ВИНОГРАДСКИЙ:

— После 6500 метров силы человека не восстанавливаются. Надо уметь пройти эти опасные высоты до 7000 метров и выше быстро. Как врач, я это понимал, может, лучше других. Был случай, когда одна наша команда ви-

села на стене больше двух недель. Потом альпинисты начали погибать. Шли и падали... Физическое истощение. Трагедия разыгралась недавно и на Эвересте. Западно-германская альпинистка погибла, долго спускаясь с вершины. Причина — физическое истощение, переохлаждение. Выше 6900 метров нам повезло с погодой. В горах это не бывает надолго. Использовали момент — набрали высоту. 31 июля вышли в 9.30 на штурм. Задуло. Очень холодно. Одели все, что было. Но на вершинах тепло не держит ничто. Скоро и видимость исчезла. Из базового лагеря спросили: «Сильные снежные флаги, может, не пойдете?»

А мы уже не могли стоять. Ветер просто разрывал связку. Ползли на четвереньках...

Валерий БРЫКСИН:

— Пик мой! Ветер сбивал. Мы искали записку, не могли ее оставить — она была написана бывшим здесь до нас за три дня капитаном нашим Сергеем Ефимовым...

Ветер свистел, самого себя не слышно. Спускались на прочной страховке — сорвешься, крик твой не услышат, искать бесполезно. В такой круговерти главное — найти поворот на высоте 6900, иначе — ледовый сброс. Видимость пропала. Исчезло ощущение верха и низа. Быстро темнело. Мы потеряли ориентировку. Не дойти до палатки в такую погоду — гибель...

Евгений ВИНОГРАДСКИЙ:

— Все помним трагедию восхождения, когда на семитысячник пошли одни женщины. Разыгралась пурга, унесло палатку. На какое-то время растерялись девушки — и уже советы по радию не помогали. Альпинистки не смогли спуститься. Каждая начала действовать сама по себе. Ни одна не вернулась.

Горы суровы. Теряли и мы друзей. Это невыносимо горько. Особенно, когда вина лежит и на тебе.

...Холод чувствовался все сильнее. В такие минуты спасают только действия! Стали рыть пещеру. Но лопаты нет. Работаем руками. Примуса нет. Что делать? Раз есть пещера, надо попробовать заснуть. Удалось. Хотя похвалить меня за это нельзя. Разбудил меня Сергей Абрамов: «Идем!» Я понял, что он замерзает... Вдруг — проблеск! Мы увидели гребень, а за ним — палатка. Два часа пили и пили чай...

Валерий БРЫКСИН:

— Женя пытался пить чай с огромной сосулькой на носу. Погода снова испортилась. Надо спешить. Пробились через ледопад. Снег все валит. Уминаем под себя совсем глубокую траншею, иным способом идти нельзя. Двести шагов — норма каждому... Устали. Вырыли пещеру. Просторная, снежная. Закрыли вход изнутри.

Евгений ВИНОГРАДСКИЙ:

— Я проснулся от удушья. Нашарил в рюкзаке ножовку, стал выпиливать выход. Трудно дышать, потеряна ориентация. Вдруг режу вниз? Только через полтора часа вылезли на чистый воздух. Какое это блаженство — свободно вдохнуть! Снегу навалило столько, что лыжные палки по макушку ушли в него. С 6300 метров, с плато, за один день решили дойти до лагеря. Сережа Абрамов вывернул ногу. Темп сбавили. А надо спешить: утром вертолет. Предложил Сергею поставить обезболивающий укол — панически боится. «Лучше боль в ноге!». Долго бредем по морене. В два ночи являемся в лагерь. За-

столье ждало нас до часу. Зато у поварахи Светы Лукашенко все было в порядке — она нам еще в Нуреке, где мы склоны ГЭС укрепляли, готовила... Да, после трех семитысячников за сезон — пика Ленина, пика Коржневской, пика Коммунизма — сами понимаете, предпочтительнее тепло живое, тепло людское, чем камень, пусть и твердый...

...Поразительные тайны открывают ночи в горах. Тихина была абсолютная. Угадывалась в черной темноте густота еще более плотная — вершинная гряда Бакташ-Ака. Теперь мы были у самой кромки кружащего над Памиром циклона, не пустившего нас к пику Коммунизма. Но не могли же мы уехать без восхождения! Мы — это маленькая экспедиция «Уральского следопыта» — Валерий Доронин, его жена художница Нэля и в последний момент примкнувшая к нам журналистка Наташа Веркшанцева из Оренбурга. Как все-таки равнозначно духовное восприятие идущих в горы познать момент преодоления, ощущения под сердцем будоражащего чувства отваги. «Когда человек исчерпал свои физические силы, единственное, на что он сможет рассчитывать, — это его дух, возможности которого еще до конца не исследованы, но я полагаю, что предел им никогда не будет найден. Никакими физическими исследованиями нельзя точно установить, на что способен человек как восходитель», — это сказал всемирно известный альпинист Нойс. Хорошие слова!

После четырех часов изнурительной переброски через перевал мы были у скал. Быстро поставили лагерь. Я натянул под анорак футболку с изображением нашего следопыта. Где он только не бывал: Кавказ, Тянь-Шань, Приполярный Урал... Вот и скалы. Вщелкиваю в карабин веревку. Шаг, два, три — я чувствую, как живет страховка в руках Валерия. Дошел до карниза. Закрепился. Принимаю сам.

Здесь, на краю отвеса, нет ничего святей надежности страховки, бегущей с ладони к другу, связанному с тобой воедино...

Записал Ю. БОРИСИХИН,
спец. корр. «Уральского следопыта».

Фото
А. Лысякова

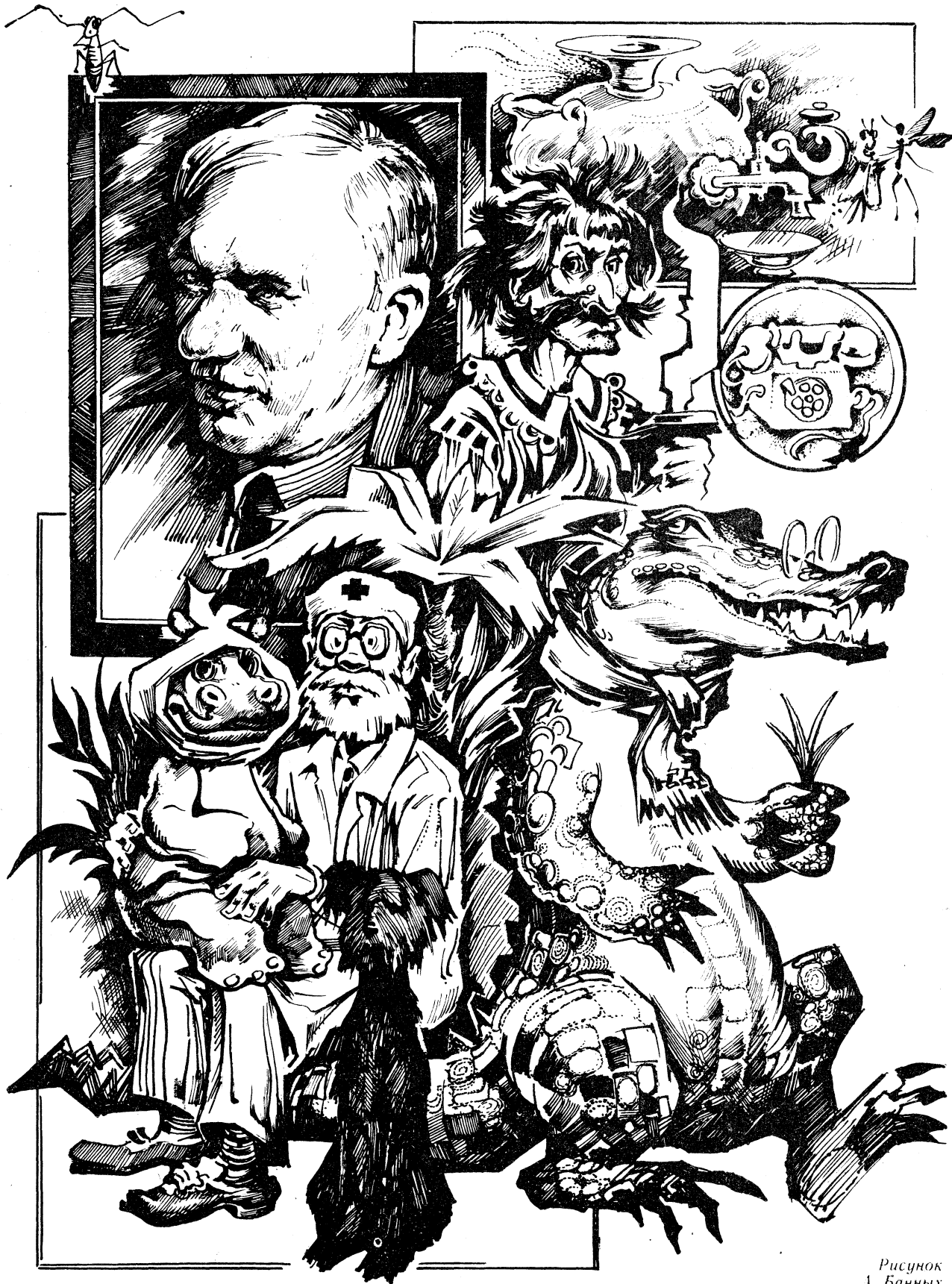

Рисунок
А. Банных

ПИСЬМО ДОБРОГО СКАЗОЧНИКА

К 100-летию со дня рождения

К. И. ЧУКОВСКОГО

— Тебе сколько лет, восемь? А мне уже пол-девятого...

— Баба, баба, а в Швеции все шьют, да?

Ну, кто не слышал этого великолепного детского языка? Когда он уже не лепет, когда реальный мир начинает в нем просвечивать ярко и неожиданно, что впору и посмеяться, и глубоко задуматься над связью, казалось бы, совсем не связуемых вещей...

Есть мамы, которые любовно заносят детские фразы в памятные тетради. Есть педагоги, которые в детской речи усматривают первое восприятие человеком мира. Есть писатели, познавшие духовный мир ребенка, когда он еще далек от реального, и все окружающее для него — открытие и сказка.

Но есть один писатель, который мог говорить с детьми на их языке, как равный, как никто другой. Корней Чуковский. Его «Тараканище», «Доктор Айболит», «Муха-цокотуха», «Бармалей» и другие сказки получили вечную прописку в стране, именуемой Детство.

«Муха по полю пошла, муха денежку нашла...» Добрый сказочник, волшебник, придумщик, он, наверное, жил в каком-то особом мире, раз видел то, что другие взрослые люди давно перестали видеть.

Ну, что ж, представим Корнея Ивановича Чуковского реального, не книжного. Все дни, все часы расписаны. Стопы писем лежат на столе. Ведутся переговоры и переписка с издательствами. Сколько книжек было у Чуковского — столько и редакторов, и с каждым надо хотя бы переговорить...

Вышла переизданием новая книжка в Свердловске. «Недавно мне прислали мои «Сказки» с отличными рисунками П. Эппле. Прошу Вас, передайте тов. Эппле мой сердечный привет за его умные талантливые иллюстрации». Одно деловое письмо, другое... И вдруг обнаруживает редактор Средне-Уральского книжного издательства И. А. Круглик приписку вовсе не по делу: «Если что-то у Вас будет интересное, пришлите, с удовольствием посмотрю».

«Это знаменитый Корней Чуковский?! — удивляется Ирина Алексеевна. — разве есть у него время?..» Только что поступил сигнальный экземпляр новой книжки молодого свердловского писателя Владислава Крапивина. И Ирина Алексеевна посылает в Москву «Палочки для Васькиного барабана».

Вместо вежливого «Получил. Спасибо», отстуканного секретаршей на машинке, вдруг приходит целый отзыв, написанный писателем от руки.

«Многоуважаемая Ирина Алексеевна!

Спасибо за книгу Крапивина. Автор отлично знает психику советского школьника от 8 до 12 лет и мастерски передает его своеобразную речь. У него чуткое ухо ко всем интонациям этой грубоватой, но выразительной речи. Больше всего пришелся мне по сердцу рассказ «Подкова» — очень трудная тема, разрешенная без фальши и ошибки. Язык у автора (его собственный) лаконичен и точен, и я нашел всего один сомнительный оборот: «Ему больно ладонь» (стр. 199). Описания природы даются ему легко, они всегда у него поэтичны — особенно когда изображается лес. Хороши рассказы «Львы приходят на дорогу» — о романтичности этого милого возраста, и «Палочки», и «Капитань». «Белый щенок» кажется мне немного растянутым... — но и этот рассказ обнаруживает высокую квалификацию автора, его умение справляться со сложным и многоплановым сюжетом. Мне кажется, он мог из материала «Белого щенка» построить хорошую детскую пьесу. Вообще все его рассказы так драматичны, что ясно: быть Крапивину драматургом. Словом, очень хорошая, свежая, талантливая книга. Не нравится мне только манера автора давать своим вещам длинные заглавия. Вместо «Львы приходят на дорогу», право, лучше бы озаглавить рассказ «Львы». Вместо «Белый щенок ищет хозяина» — лучше: «Белый щенок». Есть что-то провинциальное в этих навязчивых фразах вместо одного скромного слова. Вспомните у Чехова: «Ванька», «Тиф», «Детвора». Нельзя и представить себе, чтобы он написал: «Детвора играет в лото», «Ванька пишет письмо».

Но, конечно, это мелочь. В общем же, книга прекрасная, и я горячо благодарен Вам, что Вы познакомили меня с нею.

Всего доброго.

Ваш Корней Чуковский.
21 апреля 1966 г.»

Опытный редактор И. А. Круглик удивилась неподобающей вежливости именитого писателя. А мы, прочитав эту давнюю рецензию, отдаем должное широте кругозора Корнея Ивановича Чуковского, его вниманию к молодым, начинающим писателям.

А насчет драматургического прогноза маститый писатель не ошибся. По книгам лауреата премии Ленинского комсомола В. П. Крапивина уже снято несколько фильмов.

Н. ШИРОКОВА

У меня есть

Давид
ЛИВШИЦ

ВОЛШЕБНИКИ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

Они выросли.
Окончили среднюю школу.
Получили аттестаты зрелости — свидетельства совершеннолетия и достижения многих наук.

Правда, среди пройденных дисциплин нет Магии и Волшебства.

Это значит, что овладели они вполне земными знаниями.

Но, по крайней мере, дважды в жизни они примерили плащ волшебника.

Более пяти лет назад корреспондент нашего журнала пришел в школу к пятиклашкам и сказал: «Представьте себе, что вы — волшебники. Что бы вы наволшебствовали?»

Так родились сочинения: «Если бы я был волшебником...»

«Уральский следопыт» напечатал отчет об этих волшебствах. (Смотри заметку «Все, что пожелает человечество» во втором номере за 1976 год.)

Ребята мечтали:
«чтобы люди жили дольше»
«чтобы родители всегда были живыми»

«чтобы все люди любили животных»

«чтобы все национальности дружили и чтобы все сладости стоили подешевле»

«чтобы Мария Пантелеевна ставила поменьше двоек»

«чтобы на земле не было браконьеров и уличной шпаны»

«я бы оживила Женю, моего родного брата»

«чтобы я был отличником. А еще лучше, чтобы не только я, а все дети были отличниками»

«чтобы папа сделался высоким, а у мамы появилось красивое пальто»

«чтобы с земли исчезла вся пыль и грязь, а выхлопные газы из фабрик и машин превращались в чистый воздух»

«чтобы 20 миллионов солдат снова стали живыми»

«я бы для всех выпускала волшебные палочки»

«я бы сделала, чтобы в Свердловске скорее было метро»

и т. д.

В 1976 году журнал обещал: встретимся через пять лет, когда наши волшебники из пятого «а», «б» и «в» будут на пороге новой жизни сдавать экзамены на аттестат зрелости.

Путь длиной в пять лет пройден. Повзрослели, изменились волшебники. Изменилось и многое вокруг за эти годы, как они того и хотели.

Принят закон об охране окружающей среды. Вроде поубавилось на уральской земле браконьеров. В Свердловске стали строить метро. Папа не сделался высоким, зато у мамы появилось новое пальто. Массовый выпуск волшебных палочек пока не налажен, и, может быть, поэтому не все дети стали отличниками, выхлопные газы еще выхлопываются, и сладости пока не подешевели...

всего остального (уничтожение пьянства, или освобождение зверей, или воскрешение мертвых).

Сейчас у нас другие взгляды и другие желания. Очень трудно их выразить даже в мечтах.

Михаил Л.»

Сегодняшние сочинения — это не только разговор по душам, но и разговор о душе: какой ей быть...

«Что бы я сделал, если бы был волшебником? А черт его знает, что бы сделал!..»

Когда дали тему сочинения, то у меня было такое ощущение, как будто я держу в руках волшебную палочку и не знаю, как ее употребить. Вот сижу и думаю, вспоминаю, что и когда я хотел сделать, но не смог, потому что не волшебник.

Иду как-то по улице. Жара невыносимая. Вот, думаю, хорошо бы, чтоб рядом ящик с мороженым

шей тренировки испытываешь к себе большое чувство уважения за то, что не отстал от других. А так, не тренируясь, прийти и всех победить? — не много чести.

Немецкий язык тоже надо самому учить, хоть это трудно и скучно. Себя преодолевать, заставляя добиваться цели — в этом смысле нормальной не волшебной жизни.

А если быть волшебником, то сделать то, что хотят все нормальные люди, — предотвратить войну. Еще бы я сделал так, чтобы люди не болели, то есть не ощущали физической боли. Еще хотел бы, чтобы средний возраст хороших людей был сто тридцать — сто сорок лет. Не хватало бы пищи людям? Но я ж волшебник! Я сделал бы так, чтоб в пищу можно было бы употреблять все: морскую воду, водоросли, кору деревьев, нефть, известняки...

Самое мое большое желание — коммунизм на всей планете.

Писать о личном не совсем хорошо, но если бы я был волшебником, то я сделал бы себя поэтом, художником и певцом. Чтобы все-

Три желанья...

Рисунки
Р. Атлас

Мы обещали встретиться через пять лет, и мы встретились. В тех же классах те же ребята писали такое же сочинение. Как будто ничего не изменилось... Только теперь за партами сидели акселераты — юноши с пушком на верхней губе и девушки с бездонными глазами.

Взгляд в мечту произрастает теперь из опыта, пусть и небольшого. Изменилась «точка отсчета». Не безмятежным — но смятенным, не бездумным — но активно мыслящим возникает юный волшебник на пороге самостоятельной жизни...

«В классе пятом или шестом мы писали сочинение на такую же тему. Я часто перечитывал номер журнала, в котором были помещены эти сочинения. Нам было 11—12 лет. Мы видели разные недостатки мира и легко искореняли их в наших мечтах. Но двенадцатилетние — еще дети. В своих желаниях мы брали что-то «вырванное» из

ехал или автомат с газированной водой.

Или, помню, в лагере, в спортивном, была очень трудная тренировка — темповый кросс на два часа. Бегу, бегу, бегу — уже сил нет, а до лагеря, в котором ждет прохладный душ и вкусный обед, еще пятнадцать километров. И думаю я: оказаться бы сейчас в лагере, а не корячиться здесь, по лесу, запинаясь за корни и пни.

Помню, в школе, на уроке иностранного языка, вызвали меня к доске, а я не знаю ничего. Ох, как мне тогда хотелось быть волшебником, чтобы в совершенстве владеть иностранным языком! Таких случаев в моей жизни очень много.

А как посидишь, подумаешь, держа в руках волшебную палочку, то что делать, сразу и не знаешь.

Ну зачем мне мороженое и пирожное, все равно больше десяти штук не съест. Ну сделал бы я так, что, не тренируясь, всех бы обогнал на соревнованиях. Тогда бы и спортом заниматься стало неинтересно. Потому что после трудней-

ло шагать по просторам, чтобы рассказывать людям о родной земле.

Алексей ПУТИЛОВ».

Из жар-птицы жаркого не делают...

Разные желания посещают начинающего волшебника, в том числе и совсем не выдающиеся.

Иному, например, охота заметить такую «Волгу» (не реку Волгу, а «Волгу» — машину), чтобы в ней никогда не кончался бензин. Другой мечтает о миллионе. И хотя дальше приобретения джинсов «левис» и японской нейлоновой куртки фантазию развить не может, мечта остается устойчивой — «занимает миллион». У третьего желание — заколдовать преподавателей, чтобы получить одни пятерки; у четвертого мечта скромная вовсе — пятерки необязательно, лишь бы никогда не вызывали к доске.

можно попробовать

«В прошлом я мечтал о многом. Теперь, хотя по-прежнему люблю сказки, мне, по правде, не очень охота стать волшебником. Но можно попробовать.»

Итак, первое желание — хочу стать киноактером, эта профессия по мне, я не люблю повседневность, а тут каждый день открывается по-новому. Все равно что стать сказочником. Каждая роль — новая личность, я бы каждый раз был разным, значит, на самом деле волшебником.»

Вторым я бы пожелал, чтобы не было войны. Потому что хоть какие желания ни придумывай, а если начнется война, то никакие волшебства не помогут.»

Так как третье желание последней, я бы его оставил на конце жизни, чтобы, когда умирать, то сделал бы так, чтобы стать молодым снова.»

И. МАТВЕЕВ.

«Хорошо стать волшебником! Какие неограниченные возможности, можно сделать, что хочешь: изменить весь мир, приблизить вселенную... Много зависит от человека, на долю которого выпадет счастье стать волшебником.»

«Вселенная таит много загадок: летающие тарелки, радиосигналы из Космоса, внеземные цивилизации. Что это: явь или сон? Вот как раз для ответа на эти вопросы я использовал бы волшебное желание.»

«Волшебник может все! Создать и разрушать. Даже бог, по Библии, создал этот мир, благодаря своей волшебной силе. Я простой землянин, к тому же атеист. Я не хочу создавать какой-то новый мир, а хочу сделать счастливым тот, который есть.»

«Да, когда у тебя в руках волшебная палочка, можно сделать все. Впрочем,»

«обойдемся без палочек!»

Так считают некоторые.

Один любитель парадоксов сказал: люди, придумавшие разные изобретения для облегчения труда, все эти маги-чародей мысли и промисла просто были... лентяями. Не хотелось им ломаться, шалеть на изнурительном трудообразии, вот они и изобретали себе в облегчение разные штуки-дряки, именуе-

мые рационализацией в тряской колеснице прогресса. Так появились колесо, стул, рычаг, мельница, экскаватор — вплоть до роботов.

Так это или не так, но иные склонны и волшебникам приписать лентяйское ловкачество. Хотят-де они не естественной силой, то есть мыслью и руками что-то переделать и достигнуть, а сверхъестественным фокусом, мановением палочки. Из тыквы ладить кареты, из гороха — жемчужное ожерелье, из мышей — скакунов.

И к сказкам у таких отношение двойственное. Одни видят в Емеле удачливого молодца, наделенного за ловкость и широкую натуру волшебной силой, другие нет, не торопятся высказывать восторг. Они даже знаменитый заговор-приговор «по щучьему велению, по моему хотению сделайся то-то и то-то», даже эту присказку в обычной жизни окрасили в ёрническую интонацию. Иному ловеласу в сердцах так и отрежут, намекая на ленивость: «Ты чего, мол, ждешь, что твоя работа сделается по щучьему велению?»

У сердитой точки зрения есть союзники. Такие авторитеты, как Пушкин. Не зря же он оставил у разбитого корыта героев, потерявших во взаимоотношениях с волшебной золотой рыбкай всякую совесть.

Гордую и независимую позицию обнаруживаем мы у молодых ребят. Может, в этом проявление сознательного понимания сути Труда? Может, чувство такта, нежелание, как говорят, проехаться на дармовщину, за чужой счет? Может, просто неприятие легких путей в жизни? Так или иначе, — нетерпимость к соблазну легкого успеха.

Волшебных палочек на свете нет, и — не надо!

Обойдемся своими силами!

«Я хочу, чтобы люди стали чуткими по отношению к другим. А то сейчас все очень заняты своими делами. Мы не замечаем, например, что у нашего товарища случилось горе. Лично для себя я не воспользовалась бы волшебной силой. Я считаю, что всего в жизни должна достичь сама.»

«Я хочу стать экологом, защитить биосферу. Дело, правда, обстоит так остро, что похоже, чтобы сохранить природу, без волшебной палочки не обойтись. Попробуем, однако, справиться своими силами.»

«Не хочу быть волшебником, не надо, чтобы люди жили за счет кого-то, все у них, волшебников, так гладко, так прекрасно... Если бы все люди надеялись на волшебников, они обнулились бы, сперва перестали бы работать, а потом и мыслить.»

Да и многие желания трудно

Немного таких желателей среди авторов наших сочинений, совсем немного — два-три на сотню, и это замечательно. Случались они во все времена, эти волшебники-эгоисты. Тут дело не в жадности даже, скорее — в единице измерения, в мере вещей... Точка отсчета: все — от себя. Немало еще их с острыми локотками — тех, кто все ценности и явления постигает через «а как это будет мне». И способности у них особенные — большое расчленять на составное: иначе им не охватить, не переварить — масштаб постижения не позволяет. Как в одном смешном мультфильме — помните? — «Сорок попугаев». Определить длину змеи попугай может только высчитав, сколько раз он, попугай, укладывается в ней, в змее; огромный живой мудрый змей — это всего лишь сорок попугаев в переводе на попугайную метрическую систему.

Собрание сочинений Толстого для таких — это красивая деталь интерьерера...

Озеро — место, где рыба.

Незнакомый город — возможности промтоварных магазинов...

Не будем слишком строги — каждому свое.

Кто ищет жар-птицу, чтобы познать неведомое, а кто — чтобы ее зажарить. Для одного волшебная палочка — ключ к счастью всего человечества, другой употребит ее на лучину — растопить персональную печку.

Словом, как сказал поэт, хотя и по другому поводу, «некоторые употребляют штык, чтоб им в зубах ковырять...»

Иному дай хоть десять ковров-самолетов, он все десять повесит на стены.

Среди семнадцатилетних таких немного. Волшебники восьмидесятых готовы направить свои сверхъестественные возможности только на высокие цели.

Им, стоящим на пороге выпуска, было, конечно, не до абстрактных размышлений, но коль скоро в руках волшебная палочка, то

осуществить — все написали, я знаю, чтобы всегда жила мама, чтобы не было войны. Но ведь это невозможно, ведь это жизнь, природа, и ее не исправить, не переменить».

«Что сейчас говорить о волшебстве! В пятом классе мы еще надеялись встретить волшебника, или найти волшебную палочку, сейчас эти надежды уже рассеялись. Хотя желания, конечно, остались, да еще сколько!»

Хочу, чтобы вся жизнь, которая еще только предстоит мне, была интересной, бурной, наполненной. Чтобы специальность, которую я выбрала, навсегда осталась любимой, чтобы я приносила пользу людям. Чтобы — и это главное! — никогда не очерстветь душой!»

«Желаний много, а я один!»

Хочется хорошо кончить школу, поступить в институт, стать хорошим специалистом. Но все это я могу достигнуть и сам. Если все это делать с помощью волшебства, то зачем тогда ум и способности человеку? Разрешение таких желаний с помощью волшебства не имеет никакого смысла.

По-моему, волшебную силу в настоящее время можно использовать в общественной жизни. Чтобы отстоять мир. Перевоспитать людей. Если бы эти два желания исполнились, остальные проблемы люди смогли бы решить сами.

Конечно, быть волшебником хорошо. Но все же быть простым человеком и делать все своими руками во много раз лучше.

«Что бы я сделал на месте волшебника? — вопрос этот не из легких. Возьмем ребенка, который не знает о сложности этого вопроса, и у него во власти три всеильных желания. Ребенок добр, он хочет, чтобы всем людям было хорошо. Он завидывает первое желание, скажем, чтобы у каждого на земле было по автомобилю. Представьте, что бы из этого получилось при сегодняшних дорогах и топливных проблемах. Но у малыша есть второе желание, и он делает дороги достаточной ширины, а топливо в баках нескончаемым. Опять возникает вопрос: как отреагирует на это природа? Плохо реагирует! Дороги теснят леса, а выхлопные газы губят человека».

Словом, я хочу сказать, что применение волшебной силы отдельными лицами нарушает все законы природы и общества, законы равновесия, сохранения энергии и так далее. Волшебством нельзя достичь равновесия и счастья, это по силам только людям простым, если у них будет разум и мера».

«Писать о том, как я хотела, чтобы не было войны, чтобы все лю-

ди были счастливы и были братьями, по-моему, не стоит, ведь я не исключение из правил и хочу того, чего хотят все мои товарищи. Иногда думаю, что без волшебства мир не отстоять. А война — это же все, это конец жизни, это тебя нет, как будто и не было...»

А счастливыми можно быть без волшебства. И надо для этого мало — всего-то понимания, сострадания, доброты. Почему же так мало минут, которые можно назвать счастливыми? Вот сегодня двойку получила по литературе, впервые за десять лет. Такое несчастье. Мелочь, может быть, кому-то и смешно, а вот уже без волшебника мне пять по литературе не получить. И вот какая мысль мне приходит в голову: без личного счастья мы не добьемся общего, а личное счастье добывать надо без волшебника, своими руками.

Если ты не волшебник, — к счастью путь проторим. Тут не нужен волшебник, тут надо самим!

Люда ГИЛЕВА».

И все-таки!..

Для работы в бюро волшебных услуг требуются квалифицированные волшебники

«Чем взрослее мы становимся, тем тверже ходим по земле и тем реже летаем в облаках мечтаний... Это очень печально, что люди не думают о волшебстве и чудесах».

Да, делать чудеса охота!

Ради этого мы готовы даже на раздувание штатов — создание дополнительных учреждений...

«В каждом городе или деревне я бы открыла «Бюро волшебных услуг», где работали бы квалифицированные и грамотные волшебники, получающие специальное образование в «Институте волшебных искусств». Эти волшебники должны исполнять текущие пожелания посетителей, но не больше трех. Если бы я работала в таком бюро, первое, что бы я сделала, — это наделила бы всех людей счастьем».

Открыть контору волшебных услуг — это, оказывается, еще не все. Надо, как говорится, подобрать соответствующий штат.

«Нужны ли волшебники? Разумеется. Надо только, чтобы все волшебники были добры».

Только так! Ведь

«Волшебники, как известно, тоже бывают разные: добрые и злые, честные и лживые. Если бы я стал волшебником, я бы выбрал профессию доброго волшебника, хотя это много работы. И прежде всего сделал бы, чтобы не было людей, ищущих легкой работы, жизни «как по волшебству».

Я знаю, немало людей на свете хотело бы стать волшебниками, но если бы такое вдруг осуществилось, случилось бы непоправимое. У людей, ставших всемогущими, — разные характеры, разная жизнь и среда, в которой они выросли, и разные мысли. Какой же выход? Волшебником, я считаю, должен быть тот человек, который хочет сделать что-то хорошее не себе лично, а человечеству».

Словом.

«Если уж быть волшебником, то надо быть уважаемым волшебником, то есть делать только добрые дела».

Желающих на эту должность — сколько угодно, есть кандидаты даже с готовой программой:

«Волшебником? Я бы не отказался, хотя речь идет всего о трех желаниях».

Прежде всего, я вспомнил бы, что ежедневно в мире одиннадцать тысяч людей умирают от голода, голода и болезней. Я бы сказал: «Пусть исчезнет неравенство, пусть исчезнет капитализм, да здравствует социализм!»

«У меня есть три желания...»

Три желания...
Первое — одно на всех: чтобы не было войны.

«Пусть будет мир. Потому что, какое желание ни придумывай, а если начнется война, то никакие волшебства не помогут».

Так пишут те, кому семнадцать. Кто родился почти двадцать лет спустя после войны.

...Молодой композитор сочинил о войне песню. В первый раз исполнили ее в годовщину Победы, на встрече ветеранов. Люди, прошедшие фронты и окопы, потерявшие друзей и госпиталя, седоволосые мужчины, которые знают, что почем и которых не возьмешь на пустынную романтическую красоту, эти солдаты не удержались от слез, когда звучала песня.

Поражали в ней, в этой песне, не сам факт творческой удачи автора, искренность, мужественная простота интонации, хотя все это было. Удивиться можно было бы другому: как в композитора, юного, в сущности, человека, проник дух великих потерь и обретенный давно отшумевшей поры, как сумел выразить боль, которой не болел, печаль, которой не печалился, трагизм тех, кто перенес войну на себе и в себе? Талант? Да.

Но дело все в том, что росток этот — талант — рос не в оранжевое, а на земле, вспаханной историей и обильно удобренной пеплом воспоминаний.

Детство — вот источник, из которого черпает человек всю жизнь.

И если верно, что многое впитывается с детства, как говорится, с молоком матери, то у матерей, вскормивших наши поколения, — у всех матерей! — кто-нибудь да остался на той войне навсегда: отец ли, брат, муж, дед...

«Что я хочу?»

Конечно, чтоб не было войны. Это желание вполне выполнимо и без волшебных палочек, но люди, от которых это зависит, должны справляться получше.

Если будет война, то уже никакие желания не исполнятся.

ЛЯПУНОВ».

«За пять лет я убедился, что чудес не бывает. Но все же давайте пофантазируем. Будь я волшебником, я бы уничтожил империализм — это ведь бесконечные войны и страдания».

Для юношей, «обдумывающих житье», это не вопрос, а мотив собственной биографии: место в этом мире. Что ты можешь? На что ты способен, каким пребудешь в биографии времени?

Кто мы? Лишь дети матерей, что вечно ждут нас у дверей

в слепой боязни не успеть нас приголубить и пригреть? Мы кандидаты теплых мест? И весь наш мир — тахты насест, мирок, где нам знамен пурпур заменит томный абажур? Быть может, баловни удач, мы, мальчики с отцовских дач? И что нам светит? Где наш свет?

Он весь в окошке личном? Нет! Мы входим в этот мир в долгу, чтоб старый долг вернуть —

врагу, который, может, не добит отцами в схватках прежних битв.

Мы перед Родиной в долгу за это солнце на лугу, и перед тем, что через год придет.

и через сто придет. И перед теми, кто в рассвет, закрывши грудью черный дзот, свои все восемнадцать лет швырнул на вражий пулемет!

Личная удача — в возможности улучшить мир для всех. Архимеды XX века, они не требуют — «дайте рычаги!», они понимают, что надо делать будничное дело. Куда двинуть главные усилия, что сделать прежде всего, где «переворачивать мир» — легко вычислить по «волшебным желаниям».

Когда-то поэт сказал: следовать за мыслью великого человека есть наука самая занимательная. Но не так ли интересно следовать и за мыслью юности, вступающей в жизнь? Это — как открывать малоизученный материк. Или заглянуть в завтрашний день.

Будем творить чудеса

«Крибле...

крабле...

крум!

Может, когда я вырасту, мои желания станут другими... но сейчас — самое время творить чудеса.

И. МАТВЕЕВ»

Самое время:

ЗАЩИЩАТЬ ПРИРОДУ

«В одном красивом месте на берегу реки заложили коллективный сад. Со всех сторон был красивый нетронутый лес. Но какой-то человек, занимающийся высокой пост, велел вырубить лес и сделать дороги. Эти насчет сделанные подъязные пути изрезали, искромсали

всю рощу. Теперь, куда ни пойдешь, одни колдобины, а леса нет.

Это необходимо сделать волшебнику — уберечь природу, так как людям не до этого, они мало думают об общих богатствах».

«Главное сейчас — спасти родную природу. Если и дальше «использовать» богатства земли так, как сегодня, то скоро на земле будут не полезные ископаемые, а одни отходы».

«За природу надо заступиться!.. После школы я поступил в Уральский лесотехнический институт».

«Люди используют богатства природы не по назначению, Д.И. Менделеев говорил: «Нефть — не топливо, топить можно и ассигнациями». Я бы сделал так, чтобы люди поняли, что губить природу — это варварство. Чтобы потомки не говорили: до нас жили варвары».

Андрей ЛИХОДЕД».

СТРОИТЬ КРАСИВЫЕ ГОРОДА

«У меня есть три желания, нету рыбки золотой», — поет Алла Пугачева. К сожалению, а может быть к счастью, я не верю в волшебную силу. И все-таки... Я бы хотела увидеть природу и архитектуру других планет, чтобы затем лучшее, что на них есть, воплотить в архитектурные сооружения на земле. Ведь людям так надоело задания-коробки».

«Будь моя воля, я б сделал так, чтобы из заводских труб, откуда черными столбами валит дым, выходило дождевое облако и орошало землю. Посмотрите вокруг — природа гибнет. Наши белоствольные березки уже не слепят белизной стволов — они посерели от заводского дыма!»

«Я бы занялась реконструкцией родного города и прежде всего

все дома покрасила в голубой и желтый цвет. Заводы переселила бы за город. Построила много гостиниц, чтобы к нам приезжало много гостей».

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО

«Хочу, чтобы сердца людей были добрые. Я бы приготовила такой элексир, чтобы одного грамма хватало зажечь добром охладившие сердца. Элексир добра! Подумайте! Не надо бояться темноты, идущей за тобой незнакомой тени, удара в спину. Взрослые, а за ними и дети, забыли бы слова, от которых их ближним бывает больно. Мальчишки называли бы девочек только по имени, они, наверное, не знают, как это чертовски приятно. Да и не по выбору, а всех подряд, тогда ушло бы ложное превосходство и зависть».

Элексир помог бы любить природу, стать добрее.

Но есть люди, сердца которых не спасет мой элексир».

ПОДПИСАЛА ДЕВОЧКА, КОТОРУЮ ОКЛИКАЮТ ТАК:

«ЭЙ, ТЫ, КОРОВИНА!»

«Я бы изобрел вакцину, которая делала бы прививки «Воли и терпения». Тогда бы люди и со средними способностями добились бы многого».

КОЗЕНЦЕВА».

«Я бы сделал всех людей образованными. Ведь образование — это свобода».

«Сделал бы, чтобы на земле не было границ, а было бы одно большое государство, где ни бедных, ни богатых».

«А я бы научила людей летать. И каждый, взлетев в небо, утратит в себе все плохое и вернется на землю новым человеком — смелым и добрым».

«...я бы переделал самого человека... Я бы лишил человека тяги к возвышению над другими, к наживе, накопительству. Я бы сделал так, чтобы каждый человек заботился не о себе, а о своих друзьях и о своих близких».

САФРОНОВ».

«Перевоспитал бы туеядцев, пьяниц, вымогателей, взяточников, хулиганов, спекулянтов, грабителей... Тогда советское общество будет развиваться намного быстрее. Затем я бы занялся устройством международных дел».

Я бы покончил с гонкой вооружений».

«А я бы очистил нашу планету от людей, которые мешают нашей жизни. Многие еще живут за счет других, воруют, совершают аморальные поступки. Если б не стало таких субъектов, люди перестали бы опасаться друг друга, исчезли бы засовы и замки, недоверие, все стало бы общим, то есть практически наступил бы коммунизм».

Сергей ЯРУТИН».

СДЕЛАТЬ ВСЕХ СЧАСТЛИВЫМИ

«Если бы я была волшебницей, я бы сделала так, чтобы не было брошенных детей, чтобы у всех ребят, что живут в детском доме, нашлись родители и любили их».

«Я бы сделал так, чтобы каждый человек занимался делом, которое доставляет ему удовольствие и радость».

«Самый счастливый человек тот, кто дает счастье наибольшему числу людей, — сказал Д. Дидро. Мое желание — чтобы все были счастливы. А это без волшебника как сделаешь?»

«У меня большая программа, и когда я ее осуществляю, то все на земле будут счастливы. А потом, когда все исполню, я сложу с себя ответственность волшебника».

...И СОВЕРШИТЬ МНОЖЕСТВО ДРУГИХ НЕОТЛОЖНЫХ ДЕЛ

«Я бы оживила всех людей, умерших от голода в блокадном Ленинграде. Об этом я думаю, когда вижу, как, поев досыта, оставшуюся еду мы выбрасываем на помойку».

«А я хочу, чтобы не стало безлезней, а врачи чтобы пошли к детям воспитывать в них гуманизм».

ЛЯПУНОВ».

«Надо, чтобы дети не смотрели на лошадь, как на чудо».

«Сделать бы так, чтобы учителя понимали своих учеников, а ученики понимали учителей, тогда станет интересно учиться».

«Чтобы взрослые жили мирно и не ругались, а для этого надо из продажи убрать водку. Ведь есть же хороший напиток газировка!»

«Я хочу попасть в сказку и чтобы эта сказка была с хорошим концом».

«Я бы встретила с Пушкиным, Лермонтовым и Некрасовым и поговорила бы с ними о жизни».

«Я хоть немного облегчила бы труд наших учителей. Создала бы такое электронное устройство, которое проверяло бы наши контрольные работы, ведь в них, наверно, так нелегко разобраться. А учителя вместо этого ходили бы с нами в походы, в театры. Было бы просто здорово!»

«В 5 классе, я помню, писала, что больше всего хочу, чтобы был жив мой старший брат Женя... Я и теперь этого хочу, хотя мы повзрослели и у нас появились и другие желания...»

Ольга КУРКОВА».

«Если бы волшебницей была я, я бы сделала так, чтобы в школе работала баскетбольная секция».

Пять лет назад мы писали: они жаждут волшебства, чтобы свершить будничные дела. Они вырастут, писали мы, и поймут: чтобы делать простые вещи, не надо быть магом».

Увы, минули годы, а у иных все еще ностальгия по «несбыточному» — по прикладному чародейству. Вот придет волшебник и отменит дым из заводской трубы, наколдует в школе бассейн, а во дворе нагадает баскетбольную площадку».

Мечтатели из выпускных десятых знают: эти чудеса по плечу должностным волшебникам районных масштабов — директорам заводов, заведующим районо, председателям спорткомитетов и управдомам, которые, увы, иногда оказываются в стороне от детских забот».

Почему? Может быть, они просто не знают, что они волшебники?.. Что им эти чудеса по плечу?

Или их заколдовали и они думают про себя, что они никакие не волшебники, а самые обыкновенные служащие, которым ничего совершить не дано?

Третье желание Сани Григорьева

Третье желание все прибегают напоследок. Мало ли что...

«Уже сейчас между странами разной системы есть трения. Что произойдет? Кто знает! На всякий случай и останется третье желание».

Да и последнее — оно ведь самое заветное.

«Я бы сделала Ленина вечным, бессмертным. Пусть бы он жил и творил мудрые дела».

«Третье мое желание — это чтобы все люди стали братьями, потому что это хуже всего на свете, когда один человек ставит себя выше другого».

ЛЯПУНОВ».

«Я бы исполнила мечты всех своих друзей, отвела бы их от беды. Я бы дала возможность всем возвращаться в свое детство».

В 20-х годах, к 10-летию Советской власти, ученые опросили 120 тысяч учащихся: ваша мечта, ваши желания? Юность высказалась за то, чтобы уничтожить буржуазию и кулаков, убрать частные лавки, изжить попов и религию, сделать всех коммунистами.

Высокая степень общественного, коллективистского самосознания отличала советскую молодежь во все времена. И тогда, когда страна лежала в разлуке. И тогда, когда возрождалась к новой жизни. И когда отстаивала свободу.

Хотя во все времена находились носители единственной мечты — «победить, пообедать, быть сытым», «погулять, повеселиться, поразвлечься» и т. д.

Из не так давно опрошенных двух тысяч молодых людей одного города на вопрос «Что вам нужно для счастья?» 76,6 % ответили: «Иметь интересную любимую работу».

На последнем месте были те, кто на этот вопрос ответил: «Иметь деньги».

Один из анкетированных откровенничал: «Мечтаю, чтобы водка

стала вдвое дешевле. Хотелось бы бесплатно посидеть в ресторане».

У этого за плечами — 5 классов образования.

Специалисты считают, что и нравственный, интеллектуальный уровень личности зависит от степени образованности.

С этим хочется согласиться...

Из 35 выпускников только одного нашего «волшебного» класса 25 (!) поступили в высшие учебные заведения.

Хорошо! Для свершения волшебных дел волшебникам необходимо законченное высшее образование.

Авторы наших сочинений станут инженерами, юристами, офицерами, архитекторами, экологами (из 25 — пятеро поступили в Лесотехнический институт).

И все-таки образование — это еще не вся мера. Всею мера — душа, — говорит народная мудрость. Даже — работе. Не зря гласит пословица: добрый скорее дело делает, чем сердитый.

«Если бы я был волшебником, я бы оставил людям их индивидуальность, но сделала бы всех добрыми».

БАУТИН».

Все дети хотят работать только добрыми волшебниками и пока неясно, откуда берутся злые поступки.

Может быть, оттого они, злые поступки, что доброе делать труднее, а трудное мы нередко оставляем на потом, на потом, на потом...

«Если все поручить волшебникам, то люди перестанут стремиться к лучшему».

Наступает момент, когда и волшебнику приходится делать выбор. Между возвышенным и земным, между мечтой и реальностью.

Контрольная на волшебную тему сдана, выпускной вечер остался позади, начинаются будни.

А в буднях не всем выпадает счастливая лотерея. Не каждый вытягивает и проходной вузовский балл.

Но не всякий и стремится к этому.

Саня Григорьев из тех, кто после школы не стал поступать в институт.

После школы он пошел на завод. Выучился на слесаря, стал рабочим. Дождался призывной повестки и ушел в армию.

В сочинении — еще в том, до завода и до армии, — он писал:

«Будь я волшебником, я бы покончил с капитализмом и войной».

Я бы уничтожил все болезни. (Хоть врачи у нас опытные, но не все внимательны — тут без волшебной палочки не обойтись»).

Мне хватило бы двух желаний».

Третье я бы отдал хорошему человеку. Может, тому человеку очень нужно желание».

Это символично. Солдатом, человеком, охраняющим покой, жизнь, учебу других, стал юноша, чье третье, последнее, самое заветное желание прибережено не для себя, а для другого, для того, кому оно, может быть, окажется нужнее.

Неразгаданный портрет.

В квартире свердловчанина Н. Шибанова висит неразгаданный портрет Льва Николаевича Толстого, вырезанный на березовых досках. Видна и подпись автора, сделанная по-венгерски. Из музея писателя мне ответили, что такого изображения не знают и о таком авторе не слышали...

Каким изображен великий писатель? Это мятежный мудрец, поведавший правду о себе и о людях. Мастерски воспроизведены складки толстовки, их словно бы смял вихрь. А над всем этим смятением — скорбящие глаза. Большой рельефный портрет в черной раме имеет по углам накладные листья. Внизу врезана пластина с надписью: «Лев Толстой. (Род. в 1828 г.)». Написано с ятями, и дата смерти не указана. Похоже, портрет сделан еще при жизни Льва Николаевича.

А вдруг портрет сделан с натуры? Была же в Ясной Поляне столярная мастерская, а в ней — мастера. Одна-

ко человека по имени Гьори Ямош (он оставил свою подпись на одной из складок толстовки) в окружении писателя как будто бы не было. Потом выяснилось, что портрет был резан по не очень-то широко известной фотографии, сделанной в 1896 году. Через четыре года писатель подарил фотокарточку с автографом Ф. И. Шаляпину.

Итак, в Свердловске есть толстовский портрет, искусно вырезанный на березовых досках неким Гьори Ямошом. Возможно, еще удастся найти сведения об авторе и обстоятельствах создания портрета.

На снимках: фотография, подаренная писателем Ф. И. Шаляпину; портрет Льва Николаевича Толстого, вырезанный на березовых досках.

Ю. АЛАН

Фото
А. Лысякова, Е. Левикова

ТВОРЕЦ ВОДЯНОЙ ТУРБИНЫ

Евгений
НОВОСЕЛОВ

В уральском городе Алапаевске установлен памятник. На высоком постаменте, в котором угадываются детали какой-то машины, — рабочий человек. Его волосы подстрижены в кружок, борода — лопатой, рукава блузы закатаны по локти. Это — памятник Игнатию Евстафьевичу Софонову, изобретателю первой водяной турбины в России. Имя этого человека по праву стоит в одном ряду с именами таких выдающихся сынов Отечества, как К. Д. Фролов, И. П. Кулибин, Е. А. Черепанов, М. Е. Черепанов.

Недавно найдена метрическая книга архива Алапаевска за 1873 год. А в ней — запись: «Мещанин Алапаевского завода Игнатий Евстафьевич Софонов умер 9 февраля, 73 лет». Следовательно, талантливый изобретатель родился в 1800 году. Отец его — крепостной мастеровой Нижне-Алапаевского завода, построенного на Урале в петровскую эпоху. Чтению и письму Игнатий учился в Алапаевской горнозаводской школе, организованной В. Н. Татищевым. В 1820 году двадцатилетнего юношу определяют учеником к отцу, который считался на заводе первейшим плотинным мастером. Это явилось технической школой для будущего изобретателя.

В те годы плотинный мастер на заводе являлся весьма заметной фигурой. Он ведал не только водным хозяйством, но и строительством заводских сооружений. В круг его обязанностей входили перевозка тяжестей, подъем маховиков прокатных станов и водяных колес с помощью простых рычагов и полиспастов. Кроме того, они должны были лучше заводских людей знать технику горнозаводского дела.

Водное хозяйство Алапаевского завода, когда ведал им Игнатий Евстафьевич, не удовлетворяло по-

требностей производства. Особенно мало энергии получали заводы в феврале — марте, когда приток воды в реках почти прекращался. И. Е. Софонов с болью видел: недостаток энергии владельцы заводов стремятся компенсировать за счет мускульной силы крепостных людей. Он начинает заниматься усовершенствованием металлургического производства. Вместо подливных водяных колес появляются полуналивные верхнебойные. К листопрокатным станам ставится по второму водяному колесу. Верхнебойные молоты заменяются хвостовыми. Для повышения квалификации Игнатий Евстафьевич командирован в Петербург, где проходит стажировку на Ижорском заводе. Большое влияние на Софнова оказало знакомство с трудами русских ученых-гидротехников, и прежде всего с книгой М. В. Ломоносова «Первые основания металлургии и рудных дел», изданной в 1763 году.

Гидротехники того времени стремились к усовершенствованию водяного колеса. Софонов же, понимая все его недостатки, мечтал о другом — о создании более современного водяного двигателя. На обдумывание и предварительные расчеты ушел не один год. Наконец,

в 1835 году. Игнатий Евстафьевич предложил управлению Алапаевско-го горного завода разработанный им проект устройства «горизонтального водяного колеса» (так назвал он свою водяную турбину). Тут вода действовала одновременно на все рабочие лопасти. Ничего подобного в мировой практике не было.

К началу 1837 года первая водяная турбина была готова. Она с честью выдержала испытание. Ее мощность составляла 34 лошадиных силы, — этого оказалось достаточно, чтобы заметно поднять производительность труда. Так, если раньше плющильные станы завода прокатывали в сутки до 575 пудов болваночного железа, то с установкой турбины каждый стан смог пропускать 1000 пудов. Если раньше как болванки, так и листы окончательно выдвигались с семи и более нагретов, то сейчас оказалось достаточно трех. При турбине вдвое меньше расходовалось топлива и потреблялось воды.

Представление о первых турбинах, построенных И. Е. Софоновым, дают их описание и чертежи, сделанные известным русским инженером-гидротехником В. И. Рыжковым и опубликованные в 1842 году. Он писал: «Первая турбина, устроенная на Урале, есть алапаевская. Она построена... плотинным мастером Игнатием Софоновым. Хотя устройство этой турбины касательно правил наиболее выгоднейших отношений между частями машины, преподанным самим изобретателем и другими механиками, очень несовершенно, однако это не должно вредить полезной предприимчивости и славе строителей ее, особенно, если обратить внимание на то, какими средствами они руководствовались при построении... Отметим: на Ирбитском заводе И. Е. Софонов подключил к турбине изобретенную им плющильную машину, которая так и называлась: «софоновская плющильная машина». Она была более производительной и по конструкции напоминала некоторые прокатные станы, работающие ныне.

Следовательно, новаторство Софопова не ограничивалось сооружением водяных турбин. Он успешно улучшал воздуходувное и молотовое хозяйство заводов. В 40-х годах Софонов построил на Алапаевском заводе воздуходувную цилиндрическую машину собственной конструкции. «Горный журнал» в 1844 году по этому поводу писал: «Доменная воздуходувная машина отстроена и помещена очень хорошо, да и действует прекрасно; ее строил здешний механик И. Софонов. Эта машина может даже называться образцовой. Воздуходувная машина о четырех однодувных деревянных цилиндрах, что чрезвычайно способствует легкому ходу поршней...»

«Надобно упомянуть,— писал далее «Горный журнал»,— еще об одном, в некотором отношении новом, устройстве: в 1848 году в Нейво-Алапаевском заводе построено два новых хвостовых молота, приводимых в движение турбиною».

Простой русский человек, уральский плотинный мастер Софонов, построил водяную турбину, далеко обогнал зарубежных техников, которые многие годы работали над этой проблемой. Водяная турбина, созданная им, выгодно отличалась от подобных машин, появившихся почти одновременно с ней за границей. Софоновский двигатель отличался большой мощностью, приводил в движение тяжелые заводские механизмы. Турбины же, создаваемые в Западной Европе, не выходили за пределы производственного опыта. Так, французскому инженеру Фурнейрону, которому зарубежные историки техники совершенно необоснованно отдают приоритет в создании водяной турбины, удалось в 1834 году построить пригодную к эксплуатации водяную турбину, но ее мощность была невелика.

Изобретение И. Е. Софопова официальная печать замалчивала четыре года. Зато в 1838 году «Московские ведомости» опубликовали сообщение, а в 1840 году «Горный журнал» напечатал статью «Турбины в великом герцогстве Баденском». В начале 1841 года со статьей о достоинствах турбины Фурнейрона выступила газета «Мануфактурные и горнозаводские известия». О турбине же уральского мастера Софопова русская общественность узнала лишь в 1841 году. 21(9) мая в № 19 газета «Мануфактурные и горнозаводские известия» опубликовала письмо из Тюмени, автор которого скрывался под инициалами С. С. Оно было озаглавлено «Несколько слов о турбинах в России». С. С. писал, что он в № 5 «Мануфактурных и горнозаводских известий» прочел желание сочинителя о турбинах, чтобы... изобретение Фурнейрона ввелось у нас в России с какой-нибудь технической целью». Отвечая сочинителю, С. С. указывал, что надеется «сделать нечаянность не только сочинителю статьи о турбинах, который полагает, что турбин нет еще в России, но и многим просвещенным любителям всего полезного, которые вероятно будут довольны известием». Далее С. С. сообщает, что в Алапаевском заводе турбина уже «построена простым мастерским плотником Игнатием Софоновым». «Я очень рад,— заключает С. С.,— сообщить просвещенным читателям, вполне умеющим ценить все полезное, об Алапаевских турбинах, которые, по моему мнению, первые не только на Урале, но едва ли не по всей России построены с технической целью».

Игнатий Евстафьевич Софонов, построив первую турбину, положил начало развитию русского турбиностроения. В период с 30-х по 80-е годы появляется целый ряд турбин различных систем. Поборником их строительства на уральских заводах по софоновскому примеру выступил еще при жизни изобретателя В. И. Рожков. Уже в первой статье об алапаевском новшестве он высказался за замену водяных колес турбинами, предлагая это сделать на передовом по своим гидротехническим сооружениям Нижне-Исетском заводе. Не умаляя значения лучших нижеисетских колес, В. И. Рожков видел огромные преимущества турбин. Однако сила привычки, рутинная тормозили внедрение новых водяных двигателей.

Что же получил за свое изобретение И. Е. Софонов? Он ждал освобождения от обязательной заводской работы, но этого не произошло. Власть имущие наградили изобретателя почетным кафтаном, плюсовыми шароварами и шляпой, обшитой золотым галуном. Потом расщедрились на серебряную медаль. Управляющий Алапаевским горным округом И. П. Чайковский (отец великого композитора) увеличил его годовой оклад с 500 до 700 рублей...

Игнатий Евстафьевич жил в центре города в собственном одноэтажном домике. Из личных вещей сохранились массивные часы, которые показывают число, месяц, год и фазы луны. Их общий вес 45 килограммов,— сейчас это экспонат краеведческого музея. Рядом с домиком изобретатель строил двухэтажное, просторное здание, но не достроил,— упал с крыши, поломал два ребра и стройку забросил. Уже после его смерти дом был достроен,— ныне в нем контора отдела рабочего снабжения металлургического завода.

Игнатий Евстафьевич, как свидетельствуют современники, был человеком простым и сердечным. Известно, например, что в 1841 году при наводнении напором воды начало разрушаться плотину. Софонов вместе с плотниками ринулся ее укреплять, но вал смыл людей. Выбираясь из водоворота, Игнатий Евстафьевич заметил, что один из плотников выбился из сил и начал тонуть. Не задумываясь, он бросился в воду и спас человека...

Алапаевцы, земляки изобретателя, чтут его память. Как мы уже отмечали, в городе воздвигнут памятник, есть улица Софопова. В краеведческом музее экспонируются не только часы, но и чертеж первой водяной турбины И. Е. Софопова — основоположника современного гидротурбиностроения...

Про Федоркина

**Николай
БЕРСЕНЕВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Южноуральское село Егино лежало близ прямоезжего большака, скреплявшего равнинное Приуралье с центральной Россией, и не миновали его бурливые волны гражданской войны, катившиеся по всем дорогам государства.

К тому времени фронт отодвинулся далеко на юг, но по ночам гремели кулачи обрезы, горели избы активистов, по задачам сел мотались шайки беляцких недобитков. Обычно к ночи сельсоветовцы, комбедовцы, комсомольцы сбивались в один цетинившийся железом кулак, чтобы удержать власть на местах. Да как-то осенью тихомолкая черная ночь над Егино разлетелась в куски от конского тона и выстрелов...

Все эти целасковые годы ходили сельчане в обнимку со смертью и голодом, немало выпало им увидеть огня и горя. Так что теперь не сильно они перепугались и, привычные ко всему, только перебрались, волоча за собой одеяла, кто в подвалы, кто в чуланы...

Примолкло и затаилось село, а наутро, кое-как скоротав шумную ночьку, осторожные егинцы вызнали, что пожаловал к ним на село есаул Терех с казаками. Был, видимо, это какой-то небольшой клоч, вырванный красными из волчьей шубы атамана Дутова, да улетевший от возмез-

Николай Владимирович Берсенев родился в Златоусте в 1936 году. Получив неполное среднее образование, пошел работать учеником электрика на машиностроительный завод имени Ленина. Затем — годы службы в Советской Армии и возвращение в родной город, работа электриком на металлургическом заводе. В это время Берсенев начинает публиковаться в периодической печати.

Сейчас Николай Владимирович работает в комбинате строительных материалов и изделий.

«Про Федоркина-меньшого» — первое крупное произведение автора.

— МЕНЬШОГО

Рассказ

дия. С замиранием пялился егинский люд из окон, из-за плетней на гарцующую по сельской площади разномастную толпу вооруженных всадников, перетолковывался меж собой:

— Чернющий, чисто ворон... С кинжалищем на боку... Кто такой?

— Аристарх Терех... Али зенки полонались?

— Гутарят, в Ярмовке ихнего кузнеца на воротах распял...

— А еще ране деревеньку на Лысой горе усю перещелкали...

— Его дело... Усом шевельнет — и голова с плеч, ровно пуговица...

В глаза бросался толстобрюхий всадник на мухортой кобылке, сидел он избоченясь, и все к нему ценко приглядывались, чтоб сразу скакать по его знаку.

Был Аристарх Терех, красною пулею мечен — колупнула она ему скулу и слегка к уху вздернула. От волчьих ли скитаний своих, от подпирающей ли старости, от винопийства ли великого и грубой случайной еды, а только безобразно был толст есаул. Кажись, только френч да переносавшие его вдоль и поперек ремни поддерживали в нем вид человеческий, а не то расползся бы есаул по сторонам, как тесто из разбитой квашенки...

Узналось, что недобитый есаул, отрезанный от армии, очутившись во главе бездомовных, отчаявшихся людей, не хотел ни оружие сложить, ни кому-либо подчиниться. «Мы вольные казаки, мы сами по себе, мы изволим гулять!» И это, пожалуй, были единственные крепки, державшие в куче его щипанную конницу сабель в сорок, превращавшуюся мало-помалу в обыкновенную банду. Оборонял Терех — и сам, верно, не знал — то ли

безвозвратно рухнувший великорусский престол, «добрый» старый режим, то ли собственное предсмертное разгулье...

— Гли, гли, — резанул из-за плетня женский голос. — Егор-то, кривой черт! Ишь выпялился!

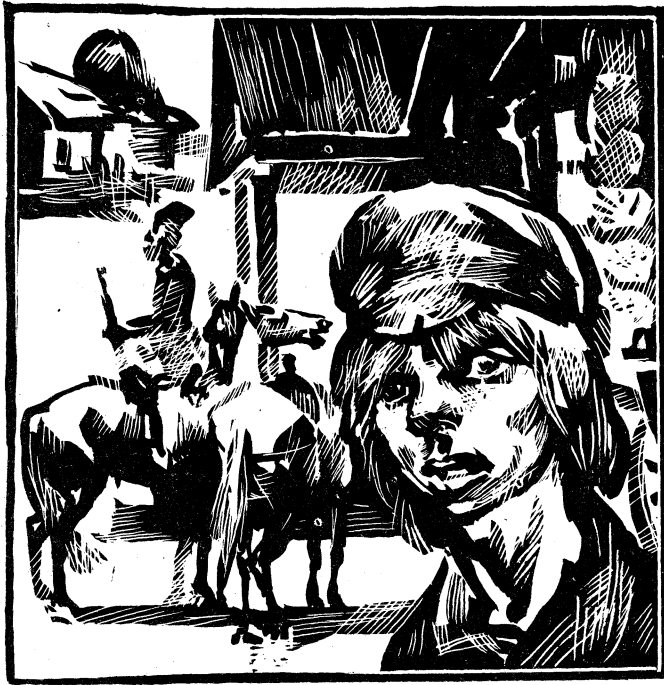
Один из братьев-поддучачников Истоминых, одноглазый Егор, бывший сотский, вертелся среди казаков. Успел, проныра! Орава есаула вошла в село поздней ночью, а наутро прифранченный Истомин уже ручкался с самим атаманом...

Кучая есаулова вольница держалась кучно, заняв для жилья школу и огромный — на отшибе — поповский дом. Вели себя казаки так, будто по ним тут крестьяне до смерти истосковались и все глазоньки просмотрели, их поджидаячи.

Спрос на самогон и харчи сам говорил, что за войско привалило в село. Долгое время рыскали казаки по степи, уходя от погони, было туго с провиантом, и теперь, по выражению егинцев, они «обжирались до не могу». Начали казаки шакалить по селу, не спрашивая хозяев, лезть во хлев, в подполье, выскивая, что получше. А к вечеру были разлюли-пьяны, горланили песни, пластались в карты, дрались — сверкали ножи, дело доходило до пальбы.

В школе поселился сам есаул с близкими ему казаками, видимость штаба там создавал, только какой там штаб — притон воровской! В штабе те же карты, в нос шибало махрой, перегаром си-вушным. Сам Терех тоже был до хмельного охоч, только пил больше в одиночку.

Откуда-то приволокли в каморку есаула пухлую купеческую перину, швырнули ее на нары: «На, ваше благородие! Отдыхай от ратных тру-

дов...» Но Терех тот пуховик за насмешку посчитал, забросил в угол, вместо него две казацкие шинельки: одна на себя, другая под себя — мол, воин я или дрофва подбитая?!

Окружение его — человек восемь, а приближенных только двое: урядник Семенов, пожилой сивоусый мужчина, дальний свойственник Аристарха Тереха, и, как его прозвали сами казаки, есаулов мопс — татарчук Маратка, будто бы сын владетельного бека, большого азиатского начальника.

Щеголял Маратка в коротенькой серой шинельке, из-под нее выглядывала гимназическая тужурка со стоячим воротником, офицерская фуражка и желтой кожи австрийские сапоги дополняли его пестрый наряд. Татарчук ловко сидел на красной лошадке и зло позыркивал раскосыми смоляными глазами по сторонам. Он тенью крался за есаулом и, как говорили, был безрассудно жесток, готовый по любому поводу, а тем более по знаку Тереха в кого угодно пальнуть. Его побаивались самые отчаянные головы, а есаул был снисходительно ласков с ним.

Вот и вся головка полусотни...

Прошло два-три дня, и объявился на селе еще один невиданный доселе чудной гость. Лобастенький, чуть больше метра ростом, серые саленные волосенки шее позакрыли, в сосульки свились. Одет был хлопчик в дырявый малахай со взрослого плеча и такой длины, что ходить неспособно, хоть и подхвачено случайное платье льняной опояской. На голове картуз не картуз, а так — воронье гнездо, к ступням голых, черных,

погрескавшихся от грязи и солнца ног подвязаны кусками бечевки порванные по бортам бабьи чоботы. Под глазами, как у махонького старичка, синие горестные мешочки, лоб избородила совсем мужицкая складка, глаз не подымает от земли, глядит сердитышем, а может, лютое горе затаил его взгляд. За спиной торбочка, с кусками или еще с чем...

Был недоросточек юрок, на ножки поверток и, подхватив полы своего трепаного балахона, таскался по всему селу, задерживаясь в местах полюдней, где галдели, роились казаки, где терпко и вкусно пахло. Долше всего застревал он на сельской площади под тополями, как раз напротив школы, где прежде было что-то вроде майдана: тут тебе и шумный торжок, тут тебе и развеселый шинок — и текли сюда со всех концов села и других мест землепашцы, чтоб обменяться новостями, перекинуться словечком-другим и пропить завалившийся грош, а не то и урожай на корню...

Теперь тут суета другого рода: у входа в деревянную школу стоял бородатый казак — часовой, и еще два или три казака толклись возле крыльца, слышались их грубые толоса, конский переступ и сап — тут же и коновязь, пара всегда заседланных лошадей для нарочных.

Сидел хлопчик под тополями, копался бездумно в дорожной пыли и собственном грязном носу, когда кто мимо проходил, будь то мужик или женщина, бросался с криком:

— Деинька, дай грошик!

Это было, видно, все, чему научила бедного малого беспритульная, бродячая, голодная житуха.

И крестьяне признали в нем дурачка, блажененького, богом обиженного и заброшенного к ним волею неразборчивой военной судьбы, и стали подавать кто что мог. Дурачок повеселел, был приветлив с егинцами и скалился, строил рожи, когда мимо косолапили казаки.

Вздыхали над ним с причетом жалостливые егинские женщины, горюнились:

— Для нас — дурачок, а для родимой-то матушки, небось, ягодка боровая...

— Был, поди, и у него дом — теплая пазушка... Ныне три кола вбито да небом покрыто...

Босота сельская увязалась было за ним, завывала, заулюлюкала на все голоса, но знакомства близкого, как ни силилась, свести не смела. Оборвыш или деревянно молчал, или неожиданно, вдруг обратя к ним страшное свое сморщенное лицо, протягивал черную, сложенную в горсть ладонь:

— Деинька, подай грошик!

Ребятишки кидались врассыпную, напуганные неизвестно чем. Так и отстали от него, а как чужака забижать не смели, страшила их, внушала жалость и уважение тайна происхождения оборвыша и появления его у них в селе.

Думали, что ночи он коротал в овине за селом, на самом же деле никто не знал, куда смывала его сгустившаяся темнота и откуда чуть свет он брался под тополями. В поле под шанкой, поди, ночевал...

— Эй ты, сверчок! — кричал порой ему сивый истопник Петрович со школьного двора, где он жил и вел хозяйство, и махал рукой, пока побирושка не замечал его.

Радостно лопоча, бросался мальчишка со всех ног к старику. Такое приглашение сулило ему сытный горячий обед, а Петрович в свою очередь за миску похлебки и ломоть хлеба с мякиной получал дарового; хоть и малопонятливого помощничка. Поев и объяснившись где знаками, где словами, а где и тычком, старый и малый шли на задний двор «дров потюкать»...

Все так бы и шло своим чередом: казаки по-маленьку обирали бы мужиков, докапываясь до их потаенных запасов, кутили да шалаберничали по селу, а те бы злились про себя, скребли в затылках да сдерживали б неумные бабьи языки, чтоб не накликать беды покрупнее.

Вспоминали про своих ныне отсутствующих молодцов. Эх, кабы был тот, да кабы этот! А чаще всего приходили на ум местный сорви-голова Сенька Тарасов, заблудившийся где-то на дорогах германской войны, и покойный весельчак и агитатор Пашка Чугуев... Уж эти б что-нибудь да придумали!

Серчали: где же она, та самая власть? Куда она смотрит? Где комитет, почему не шлет войска, чтоб окоротить вора-есаула?

И все так бы и шло своим чередом, не начни с некоторых пор совершаться на селе загадочные беспорядки...

Началось с малого. Как-то рано поутру взбесилась есаулова мухортая кобыла.

Вышел росистым утром Терех на скрипучее школьное крыльцо, потянулся со сна до хруста в костях, посмотрел из-под руки без видимой цели в осеннее стальное небо, поправил на грузных плечах окрестившие его ремни и, приняв из рук молодого черноватенького казачка поводья, прямо с крыльца плюхнулся в седло, намереваясь дозором объехать окрестности.

Лошадь взвилась на дыбы, поддала крепко задом, и только наезднический опыт позволил остаться есаулу в седле. С кровавой пеной у рта взбеленившееся животное понесло его за край села, и что там было — неизвестно, только вернулся вскоре ездок весь в пыли и на своих двоих. Тройка верховых помчала в открытое поле и зарканила зауросившую кобылу. Расседлав, отыскали пару острейших колышков, стоявших торчком под седлом и коловших лошадь до одурения...

Своего вестового есаул избил до крови и обеспокоился: полусотня переживала дурное время,

стенные плутания давали себя знать, полтыщи верст рысили, и все крюком, заматавая следы. До смерти надоела болтанка в седле, затощали без воды, без еды, завшивели, с оружием, коньми тоже было не густо — оттого и забежал есаул на дневку в село, чтоб подновить коней да подкормить людей, которым на голодное брюхо и воевать совсем расхотелось... А в селе застряли, повелось пьянство, непочитание чинов, грызня пошла прежде казаков — при таком положении дел эта злая шутка с колышками могла быть равносильна полному подрыву авторитета Тереха как начальника.

«Кто-то дует губу на мое, есаула, место», — так мыслил про себя честолюбивый есаул.

Не забылся и тот случай, как в середине ночи сразу в двух местах загорелся поповский дом. Деревянные постройки сгорели дочиста, прихватив с собой заодно двух пьяных казаков в конюшнях и несколько лошадей.

Ночь была тихая, поповские хоромы стояли на отлете, и егинские мужики шибко не беспокоились за огонь: сбившись в кучу поодаль и разинув рты, они со скрытым злорадством глазели, как языкастое пламя лижет стропила, как в одних исподниках прыгают возле огня в бессильной злобе встрепанные, растелешенные вояки.

Крестились богомольные, видя беду своего духовного поводыря, в жаркой полосе света снова-ла, кувыркалась ребятня, что-то бестолково визжал, вьюном вился в толпе дурачок...

Только разошлись люди с пожарища и подушки головой еще не коснулись, как были снова согнаны к школе. Гуртились, шушукались. Когда толпа загустела, на крыльцо вышел есаул и, зло дымя носогрежкой, долго манежил, мучил людей тяжелым молчаньем. Потом урядник Семенов, видимо, ранее наученный им, стал рядом с есаулом и, взглянув на лес шапок и платков, стащил с головы свою, баранью, попросил толпу:

— Крещеные! Выдайте поджигателей, не то роспуску вам не будет.

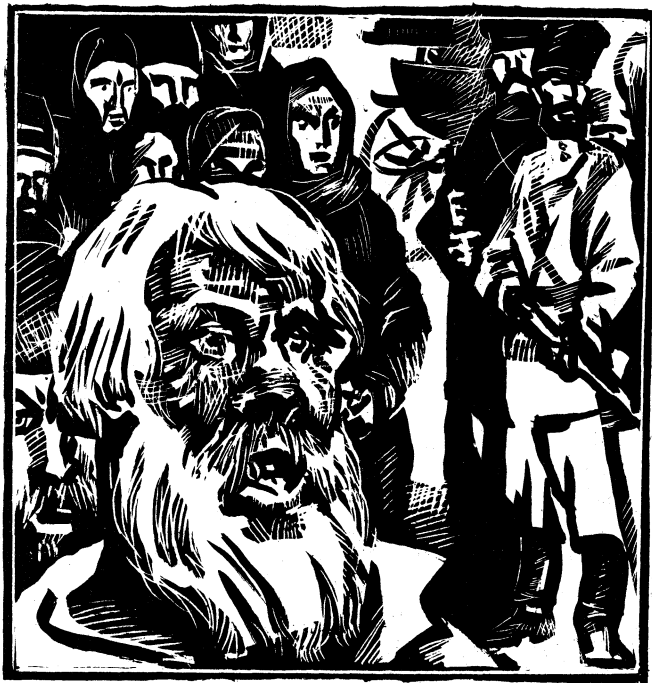
Егинцам сказать было нечего, шепот недовольства разъедал толпу.

«Оказывается, сивопаны не осчастливлены моим гощением на селе», — с ядовитой усмешкой подумал про себя Терех и взмахнул нагайкою:

— Молчишь?! В таком разе потолкуем с тобой в открытую, люд крестьянский...

И стал есаул сиплым голосом швырять в грудь егинцев скучными, затертыми словами.

— Казацкая доля, — дудел он, как поп с амвона, — от мужиков разнится разве тем, что, окромя пахать да сеять, казак может крепко сидеть в седле и владеть пашкою. Казак сумеет всегда за себя постоять и за всех хлебопашцев. Это вы должны всегда понимать и держать их сторону, а они за вас живота не пожалкуют...

— Деинька, — вдруг пискнуло в толпе, — дай грошик!

Волна осторожного смеха колыхнула сходку. «Вот-вот, — закивали друг дружке кудлатые головы стариков, — ты нам для начала дай хотя бы на грошик, а там уж и бери!»

Двое-трое ретивых казаков вроде б пырнулись в народ, взмахнули прикладами, но старики и женщины сбились поплотней, незаметно отпавляя в задние ряды неизвестно откуда вынырнувшего малого.

— Советская власть, — мелко затрясся жирный подбородок есаула, — власть рабочих и городских, а для казаков и крестьянства надобна своя власть, особая, земельная...

Думал есаул Терех, ломаясь сюда через степь, что он на верном ходу, обнадеживал казаков — ждет их богатый приуральский приемистый крестьянин, и им снились рубленые, полные зерна амбары, гладкие кони, а тут... Вот уж поистине вышло: видел во сне кисель, да ложку не взял!

Рассчитывал Терех на свою сторону с десяток молодых богатеньких мужиков склонить, под ружье поставить, а тут на тебе — одна дремучая голытьба, старики да женщины. Теперь он и хотел вызнать, где крестьянский молодняк, стариков сыны, женины мужья и мальцов отцы. Если где в степных балках хоронятся, для них лучше будет выйти к нему с повинной, а уж его воля будет, голову ли сечь, за честь ли в недостающее многих сил конное войско.

— Молодой мужик весь ушел кто куда. Если б он был на местах, не было бы ни у тебя казач-

ков и у других солдатиков, — так напрямки высказался угрюмый старик Тарасов, неписанный верховод в селе, выступив вперед и стянув с головы заячий треух. — А что до коней, какие у нас кони, если лежим мы на прямоезжке шляху, а по нему идет и едет гибель народа, и всем коней треба!

Как только Тарасов начал говорить, кривой Истомин посунулся к есаулу, желая, видимо, Тереха на старика разгорячить:

— Старый своебышен. Скажет, бывало, ему староста слово, он ему три. Семенко же, щенок его, пуще того смутьян, задериха и бражник. По причине войны в селе отсутствует...

— Мой Сенька, — хрипло крикнул Тарасыч, видно, почувяв, что там такое мог кривой Егор нашептать про него есаулу, — мой Сенька полный георгиевский кавалер, а не то, что ты, пес... Мой Сенька, если он сгиб, так сгиб храбро, а не то, что ты, пес... Мой Сенька, если он чью сторону взял, так будет крепко ее держаться, а не то, что ты, пес!

Надо было видеть, как подпрыгнул Егор, как подлетел к старику с развернутой рукой, а тот только так слегка глаза на сторону свел да и спокойно вполголоса кинул:

— Мой Сенька, если он только жив, из-под земли тебя вынет и из пушки смольнет...

И отступил Истомин, помрачился, видно, еще свежо ему помнился отчаянная голова Тарасов Семен, его острый, как коса, язык и увесистый, как булыга, кулак.

Народ долго не распускали. Даже самые спокойные из сельчан потеряли всякое терпение и выдержку. Женщины, наругавшись вдоволь на позевывавших в ладони усачей, заголосили. Их рев подхватили малые ребятишки, поднялся невообразимый шум. Неизвестно, чем бы все кончилось, не раздайся с краю села выстрел.

— Геть! — взвизгнул есаул и, шлепнув в седло мешок своего тела, поскакал на стрельбу, его шакалы — за ним. Люди кинулись по домам.

Тревога оказалась напрасной. Разгоряченные поисками казаки стреляли в удиравшего борова...

Как-то утром, поживаясь от холодка, протопал к себе есаул. Последовало приказание, и истопник Петрович с охапкой березовых дров пошел в кабинет к начальству.

Вскоре задымила одна из труб школы, а через несколько минут ударил взрыв. Когда куча казаков, давась и панически крича, вломилась в дверь, там стоял густой столб дыма и пыли, печь была разворочена, а сам Терех торчал посередине комнаты на коленях и корчился от жестокой боли, держась за низ живота.

— Истоминка! — рявкнул есаул, увидев казаков и по возможности принимая приличную позу. — Сволочь!

Петрович ни жив, ни мертв стоял за дверьми. Его схватили и поставили перед грозными очами атамана. Перепуганный насмерть старик едва держался на ногах, Терех дико глянул на него и только слабо махнул рукой — жалкий вид старика говорил сам за себя, страх его превосходил намного испуг и боль самого есаула.

— Выпороть... Чтоб умней наперед был, си-
вый мерин!

Истоппика двое дюжих, вдруг повеселевших казаков поволокли на задний двор и, разложив на бревнах, без жалости отодрали нагайками.

По селу учинили сыск, это ничего не дало, повальные обыски тоже. Полсела за грудки перехватал есаул, смертной карой грозил, но и из этого ничего не вышло. Никто ничего не знал.

Петрович лежал у себя в боковушке и только мычал. Истомин Егор, как местный и вхожий в штаб человек, был с пристрастием обыскан и при этом сильно помят казаками.

Угрюмился атаман, по целым дням молча посогрейку сосал, страшно дергалось после взрыва его правое веко. Кто-то ненавидящий до безумия старался всеми силами извести со света есаула.

Диковинно получалось. Вошли в село казаки, как в свою вотчину, а угодили будто в засаду. Где только можно, оцетинились штыками охраны.

По избам ходили казаки, те, что позлей, были люты на расспросы, допытывались про коней, про хлеб, а больше всего про комитетчиков, про тех, кто кумился с красными. При этом не бил и не грабил только ленивый.

Заарестовали старого Тарасыча, с ним — местного чеботаря Алексашку: не стерпел и брякнул заковыристое слово егинский книжник-грамотей. Взяли замахнувшегося слугой на мазурика-казака мужичонку, заеденного нуждой и всю жизнь ишачившего на богатеев Истоминых. Взяли и еще троих пожилых, смиренных, лапотных мужиков, по доказу — комбедчиков. А еще — крикастую бабу, солдатскую вдову и «незаможенницу» Польку Батищеву. Отвели их в школу и тычками в спину впихнули в угловую комнатушку, до поры заперли...

Только отзоревали егинцы — глядь, под окнами опять казаки: марш, марш на сход!

И снова гуськом потянулся люд к площади, а сзади казачки с плетками — для тех, кто нерадиво ноги переставляет. Когда люди затопили площадь, начался правей. Маратка одним движением бровей есаула был приведен в действие, и из-за дверей и окон школы раздались мученические стоны, вопли, брань и пронзительный вой, резавший сердца и уши сельчан. Самых наказуемых не было видно, и тем мучительней слушались их голоса, полные боли и страдания...

С неподвижной бурой рожей, как идол, стоял есаул на крыльце, жутко моргало его синее веко,

он пощелкивал в такт по черному яловому сапогу плеткой, точно гвозди вбивал в гробы истязуемых.

Люди стояли, низко нагнув головы, были подавлены. Среди них убивался, заливался слезой, бил себя в грудь маленький оборвыш. Женщины плакали, кричали из толпы:

— Опаматуйтесь, злыдни! Что вам женката сделала?!

Наконец, Терех махнул плетью, расправа закончилась, и на крыльце, как кули, стали выкидывать несчастных.

Толпа подхватила их и бросилась по домам...

Не ел, не пил есаул, злая дума грызла засившую его голову. Чуял Терех — дни его сочтены, уж и казаки доносили, что красного войска идет — страсть...

В полусотне и плохонького распорядка не было, фуражом, провиантом никто не занимался, пробавлялись кто чем мог. А чистка, седловка, переключка — все это как давно позабытые игры детства, хоть разорвись надвое есаул. А тут еще посланные в разъезд казаки не вернулись, по домам «втикали»...

Когда мрачный, с наморщенным лбом Терех переходил через площадь, мальчонка лохматым шаром ему под ноги:

— Деинька, дай грошик!

— Геть! — рыкнул занятый неисходными мыслями есаул и по привычке кинул правую ладонь на эфес шашки, висевшей у него сбоку.

— Ты-ы,— показалось это забавным дурачку, и его рот растянулся в ухмылке, а из-под свалывшихся в комок грязных косм злой, пытливейший зрачок уколол.

«Экий звереныш,— подумалось есаулу,— дурак дураком, а глазищами-то как стрижет!»

Вошел к себе и освободился от ремней, размундирился, а все не мог отделаться от занозы острого, неприязненного взгляда недетских, холодных глаз. Есаул подошел к окну и стал смотреть на площадь.

— Так то ж Винька, малец пристальный,— сказал пожилой казак с длинными вислыми усами, ожидавший у дверей приказаний есаула.— В Новоглинке его можно было возле поварни угладеть... В Смоленке то же... Опять же, если Креценскую взять... Всякая животина исть хочет!

— Стоп! — хлопнул ладонью о стол есаул и гаркнул в дверь, за которой кто-то подобострастно скребся.— Истомин, а ну входи!

Вошел в суконной поддевке подхалимистый Егор и уставился единственным глазом на Тереха: что тот скажет.

— Егор, это вашего села «животина» возле штаба пасется?

Недогадливый Истомин ответил не сразу, а сначала подумал, о ком это так не просто изво-

лили выразиться их благородие, и, наконец, расчухав, доложил:

— Никак нет... Если правду молвить, оно появилось сразу же с вами... Разве что на другой день... Черт-те что! Балахон какой-то, не поймешь — то ли девка, то ли парень.

— Вот что, — ласково, по-кошачьи улыбаясь, сказал есаул, о чем-то, видно, про себя догадавшись. — Ты мне его приведи сюда... Тихо-мирно чтоб!

И когда Егор ушел, выштившись в дверь задом, Терех, раздувая щеки в игривом посвисте, подошел к окну. Открывшаяся перед его глазами площадь с тополями была пуста. Рванулся от окна озверевший вдруг казачий главарь, закричал во всю свою немеренную глотку — полетели во все концы села конные казаки, но мальчонки и след простыли...

«В Новоглинке у нас казаки животами дюже маялись... В Смоленке четверо коней ни с того, ни с сего пали... Опять же в Соловках на засаду напоролись, едва живы ушли... Эко оно как ладно выходит!» — так раздумывал Аристарх Терех, запершись у себя в комнатухе.

Наступила ночь. Есаулу не спалось, мучительно дергалось веко, он ловил себя на мысли, что постоянно чего-то боится. Перед отходом ко сну пропустил стакан самогону — не взял...

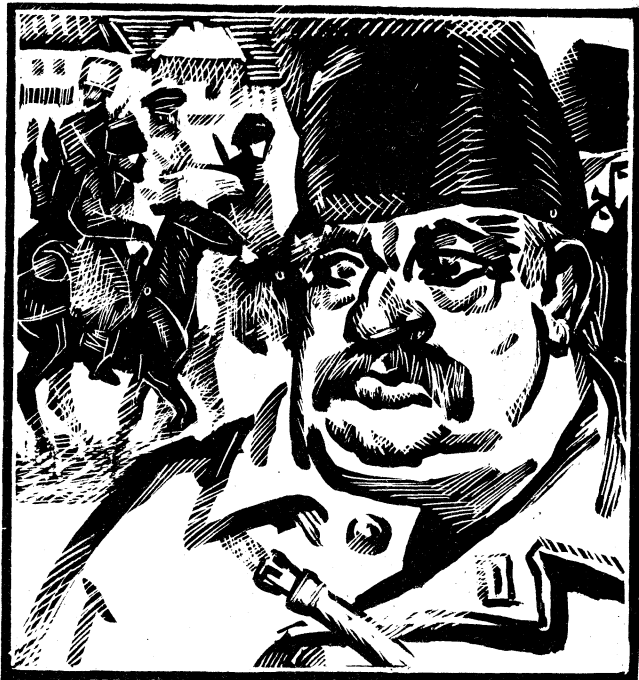
Не в ладах был с собственной памятью есаул, и все-то ему мерещилось, что еще раньше где-то его жалил такой же вот колючий, полный вражды взгляд. Вспомнить он никак не мог, и было у него на душе погано, будто на пирушке чаркой обнесли.

А чуть развидняло, прихватив семерых казаков, поскакал есаул в близлежащую Курносовку «красную чуму шукать». Был он зол и так издерган, что при посадке сильно вытянул по спине нагайкой замешкавшегося казака и всю дорогу срамно ругался. Побитый же им рыжий рослый казак так осердился, так посмотрел на офицера и с таким видом поправил за спиной австрийский карабин, точно боролся с желанием снять с плеча оружие и проделать дырку в жирном затылке есаула.

— Не надобно ль еще ребяток прихватить? — спросил Семенов, самый старший и осторожный среди них, видимо, зная хорошо, что Курносовка место хитрое и несмирное.

Но Терех только брови покрепче сомкнул, еще больше насытился и при бешеной скачке ненасытно и хищно смотрел вдаль, в степь, словно сиюминутно хотел напиться крови курносовских комитетчиков...

Вот и Курносовка, десятков восемь разбросанных как попало изб, крытых соломой. Только казаки в деревню, а с другого ее конца трое конных высочили и надали ходу. Казаки забоя-

лись преследовать, знали — в поле две воли, чья возьмет!

Проскакали сквозь немотствующую деревеньку и, словно в землю врытые, встали у большого старого дома с вылинявшим розовым флажком на коньке крыши. В доме было пусто, противно скрипнули под ногами половицы, хрустнуло под сапогом битое стекло, щелкнула от ветра перекошенная рама окна, и все вздрогнуло. Терех узнал почерк своих — и здесь побывали громы есаула.

Вернулись к коням и медленно потянулись по тихой желтой улочке деревушки.

— Где старшой? Есть у вас на деревне голова? — стукнул в синие ставни одной из ближайших изб есаул.

— Нету... Никого у нас нема! — через стену зло крикнул бабий голос, и слышно было, как заверещал ребенок.

— Комитетчики в деревне есть? — стукнулись во вторую.

— Каки-таки комитетчики? — охотно зашамкал уморенным ртом высунувшийся из окошка худощавый дедок, словно желая поговорить со свежими людьми.

— Староста?

— Был да сбег...

— Чего так? — вызеялся на старика Терех.

— Был он того... Суеслов... И много себе от нашего темного люда требовал. Поклоны его особе чтоб при встрече клали али того хлеще.

— Ну и... — есаул нетерпеливо шевельнул коня.

— Чести ему не воздали, он и утек, — мягонь-

ко улынулся дедко, явно издеваясь над казаками.

Облаив старика, отряд запыллил дальше. Терех ко всему приглядывался и принюхивался, и во всем ему виделось, даже в молчании и безлюдности деревеньки, упротивность и злой умысел.

Колыхнулась за одним окном ситцевая занавеска, с криками ворвались казаки в домишко и снова осрамились. Перед очами храбрых вояк, обвешанных оружием, предстала пара едва живых от перепуга старушонок...

С проклятьями вскочили на коней и ударились в обратном направлении. Не утолив жажды мести и боевого пыла, атаман сделался еще сумрачней, молчал, пряча от казаков глаза. Рыжий казак тишком усмехался в усы.

Когда уже вдалеке завиднелось Егино, из придорожных кустов хлопнул оглушительный выстрел. Лошадь есаула взвилась, а сам он едва не вывалился из седла. Пока осаживал коня да поправлялся в седле, спешившиеся казаки, щелкая затворами, хватаясь за сабли, продирались сквозь кусты.

— Лови! Имай его! — орали они.

Крики их становились все глуше и скоро совсем замолкли. Есаул не последовал за ними, а горяча коня, нетерпеливо крутился на дороге и все хватался рукой за левое бедро, видно, выстрел угодил ему в ногу.

Появились ловцы не скоро и не без улова. Двое взмокших казаков, держа за запястья и вывертывая руки в ключицах, вели меж собой маленького оборвыша с площади, третий за ними нес дробовик.

— Эге,— сказал Семенов, выйдя на дорогу и вертя в руках ружьецо.— А попенюк-то даве, как уезжать, вот убивался... Где да где тятькин подарок... А оно вона как обернулось!

Терех медленно сполз с коня и, припадая на подшибленную ногу, с жутким видом приблизился к парнишке. Ждали, что малец взвост, бросится бухать головой в ноги есауловы. Но тот держал глаза опущенными и громко сопел, пот выступил у него на лбу, да не мог он унять прыгающие губы.

Чертом надвинувшись на малого, Терех огромной, изуродованной в сече лапой хватанул его за подбородок и вздернул вверх. Глаза мальчишки были холодны, сухи, и если брызнули из них на есаула, то не слезы мольбы и боли, а ненависть, да такая, что есаул поежился. Рванул за ворот своего маленького враженка — и расползся надвое созревший малахай, и зарябило в казачьих глазах от полосатого морского тельника, облепившего узкую детскую грудку...

— Ну вот, господа казаки,— сразу как-то успокоившись, торжественно произнес Терех,— еще

с одним Федоркиным встренуться нам довелось! Разве что калибр не тот...

Изумленные казаки загалдели...

Как пузатый собор, сложенный из крупных кусков несвежего, бурого мяса, возвышалась над Федоркиным Винькой брюхатая туша казачьего офицера.

— Везуч гад! — сдавленно выкрикнул мальчик. — Везуч! Не то б давно тебе карачун вышел, контра!

Ткнул по-медвежьи в грудь маленького Федоркина есаул, и пал тот на песок плашмя. Но ни секунды не пролежал парнишка на земле, словно ветер поднял его и бросил вслед уже подхлотившему к лошади есаулу. Пока расчухали неладное запаренные погоней казаки, волчонок клыками впился в руку офицера. Удар сапога на этот раз оказался едва не гибельным для мальчишки, он упал и больше не двигался.

Татарчук Маратка, холодный и молчаливый, как оловянный солдатик, вдруг озлился и ощерился усатым ртом:

— Собакин морда! — выругался и попросил: — Батка, дай он мне. Я знай, как нада, читоб щенка мягкий стал...

Подбежал Маратка к поверженному мальчишке и с изуверским удовольствием на желтой роже стал крутить, винтом выворачивать его правое ухо, потягивая вверх и приговаривая:

— Подвигай маленько языкой, малышка... Скажи, пожалустай, какой-токой дядя тебя научил плохо?

Отворил заволоклиеся мутью глаза Винька, сплюнул на сторону кровавую слюну.

Есаул, уже сидя в седле и отирая тряпицей окровавленную руку, обронил глухим голосом, слегка скривив губы:

— Семенов, возьмишь гаденыша... Спрошу!

Бородатый урядник вытянулся. Но мальчик начал биться у него в руках и боднул головой в живот. Пришлось дьяволенка перевязать: играючи, будто тюк, бросил Семенов пленника поперек коня... И снова конные загарцевали по дымящейся пылью дороге, увозя на этот раз с собой преважную добычу. Зол, ярится пуще прежнего есаул, зубами скрипит, так, что и казакам страшно. В голове его новая забота: «То ль научен кем? То ли самостийничает Федоркин-малый?»

Но по приезду не пожелал возиться со щенком есаул, пораненную крупной дробью ногу раздуло, и, сойдя с коня, он подымался на крыльцо своего штаба раскорякой.

Двое казаков, оба рослые и здоровенные дяди, повели маленького пленника по коридору школы в поисках места, куда бы можно было его впихнуть и до поры запереть крепко-накрепко. Казаки были столь велики ростом и широки в плечах, что мальчишку меж них не было видно.

Места не находилось. Была в школе одна кладовка, надежное место, да вот беда — хранились в ней кой-какие припасы съестные.

— И подевать-то тебя некуда, — ворчливо заметил один из охранников.

Вышли из школы. Тут на глаза бородачам попался неказистый сарайчик на заднем дворе, они его обследовали недоверчиво, и тот, что постарше, качая головой, заключил протяжно:

— Убегнет! Чтоб меня черви слопали, убежит...

Но все же втолкнули мальчишку в сарай и еще раз обошли кругом, выстукивая коваными сапогами стены, пробуя на крепость его старые толстые горбыли...

Эта сараюшка была известна Федоркину, было в ней темно и пахло березой — березовые дрова до половины заполняли новоиспеченную его кутузку. Охапка соломы, помет на земляном полу говорили, что раньше здесь вместе с дровами держали овец, может, даже из хозяйства Винькиного доброго знакольца — истопника Петровича.

Похрустал Федоркин-меньшой оказавшимся за пазухой сухарем, изладил место для спанья на соломе, повозился маленько — нет, сон не брал его, болел бок — сильно жажнул гадина есаул. В животе бурчало, губы и рот сниклись, страшно хотелось пить, и, как нарочно, всплески недалекой речки разжигали это желание.

Отуманился мальчик думкой о доме своем. Пришли на память добрая мамка, отец родной...

Федоркин-старшой был рослый, мосластый мужик, широкоспинный, с руками длинными, клешнятыми, и на левую ногу хром. Он в восемнадцатом воротился с флота, попав под разрыв германского снаряда, долгое время валялся по госпиталям и вот, чиненый-перечиненный, вышел подчистую.

Первое дело — по дому озаботился, подопревшее бревешко, другое в избе заменил, крышу, горюжу поправил и с жадностью оборотился к кузне. Подкрепил подмытую ливнями каменную стену, долго возился внутри кузни, раздул горн и взялся за привычное ремесло.

С фронта Федоркин принес оружие и пачки трепаных газет, на сходках кричал до хрипоты и все тянул своих деревенских за большевиками. Чем хороши были «большаки», он не мог землякам растолковать в тонкостях и твердил одно, что все они за полную справедливость — с ними деревня будет сыта и в сохранности. В подкрепление своих речей он помногу рассказывал о некоем Шурке Стрепетове, черномазом пехотинце, с которым лежал в госпитале и имел долгие, душу разворачивающие беседы.

— Ну и парень... Парень-гвоздь! — не уставал восхищаться им матрос и бесповоротно верил, что такой человек не мог стоять за никчемное дело...

И кто знал, что лихо учинится однажды на деревне...

Пальба застала Виньку на озерке за рыбалкой. Бросив все, он припустил в деревню. Стреляли уже режее, и, как успел заметить Винька, одиночные выстрелы били из их избы, а с дюжины вооруженных карабинами людей в панахах и козакинах, таясь за углами соседних изб, пуляли в ту сторону и перебегали поближе...

Когда Винька, захлебываясь в глухом реве, огородами прокрался домой, мать в горячих слезах сидела в простенке на сундуке и, содрогаясь всем телом, бездумно твердила:

— Как же так... Как же так...

Отец, лягнув затвором, метил в окно, выбирая цель.

— Сынок, — сказал он, увидев меньшого, — попробуй задами прошнырнуть к Семену Галкину... Еще к Куделькину... Ну, да ты сам знаешь, к кому! Если целы и невредимы, скажи, чтоб бежали в Маврин лесок да оттуда б постреливали, страх нагоняли...

Винька ткнулся в мокрое лицо ревущей маманьки и побежал. Вымахнул через окно подыбицы, ползком меж грядок проворной мышкой прошмыгнул к домам бедных мужиков, составляющих деревенскую дружину, которой уже не раз приходилось отбиваться от бандитских шаек. Но было поздно — Семен и другие были взяты под стражу или застрелены.

Кончились патроны, Федоркин в окровавленной холстяной рубахе не спеша вышагнул за ворота и, сторожко поводя глазами и держа винтовку, как дубину, за ствол, стал ждать, когда к нему подойдут.

Но его ловко сшибли с ног со всех сторон набежавшие беляки, насели беспорядочной орущей кучей. Кузнец все же оторвался от земли, ворохнул плечми, и поразлетелись по сторонам казаки, сунул одному под нос — покатился воющим шаром неосторожный молодец, однако тут же напали многим числом, прижали силача к земле, мазнули для порядка прикладом по голове и, оглушенного, повиснув по двое на руку, повели к есаулу.

— Слыхал, хотишь весь белый свет в красненькое переладить?

В миг разлетелись в разные стороны казаки, есаул не успел поднять руки для защиты, как кузнец ударил. Здоровый, немалога веса и силы был Аристарх Терех, а удар Федоркина точно сколупнул его. Пока что-либо успели сообразить казаки, кузнец сидел верхом на есауле. Силача еле оторвали от полузадушенного Тереха...

Отдуваясь и держась за воротник зеленого френча, с синюшным лицом, есаул едва сил набрался, чтоб отрешенно махнуть своему охвостью: зараз кончайте!

Осыпая ударами и бранью, с улюлюканьем поволокли окровавленного Федоркина во двор. Рубаха на нем была испластана, из-под нее бил в глаза, полосатил морской тельник.

Тут же, не выбирая средств, распяли его казаки на тесовых кулацких воротах и пробили пулей могучий, в суровых складках дубленой кожи лоб непокорного деревенского вожака.

Прокрался ввечеру обезумевший Винька в дом, боязливо огляделся. В простенке, странно вытянувшись во весь рост, лежала убитая маманька. Лицо ее было покойно и холодно, пуля ударила ей в горло, и тоненькая ниточка крови опоясала ее белую длинную шею.

Пал Винька на материну застывшую грудь и так замер. Слез не было, один неподвижный большой камень лежал у него в сердце...

Только на третьи сутки Федоркина-старшего сняли с ворот и где-то зарыли пьяные казаки. Алену Степановну похоронили по доброму христианскому обычаю ближние соседи и родичи, они же отходили и вернули к жизни обеспамятевшего Виньку.

Отлежавшись и едва помня себя, Винька ушел прочь из родной деревни. Он на первое время как бы тронулся в уме: брел куда глаза глядят, ел в пути что придется, спал — где застигнет его ночь.

Тащился из села в село маленький горюн с окаменевшим, убитым сердчишком. Горе великое лоб иссекло и застряло в горьком изломе бровей, в страшном, могильном молчании крепко запертых, запекшихся, искусанных губенок...

Так за недолгое время, переставляя под солнцем свои необутые, потрескавшиеся от грязи и солнца «ходилки», очутился он за много верст от родного места — где-то в низовьях реки, как он знал со слов отца, рубился в рядах красных конников его старший братан Пантелей Федоркин. Нес ему Винька страшную весть...

Как-то, почуя в овине одного села, он был разбужен казачьим пьяным гиком и трескотней перепалки. Винька еще не знал, что будет дальше, но когда поутру увидел на коне казнителя своего отца, его свинячье рыло в черной щетине, шевельнулось в Виньке холодное злое чувство.

И посыпались в чан с варевом из дырявого Винькиного рукава порошки «убойных» трав, заблестел при луне остро отточенный ножик. И занедужили казаки животами, стала лопаться сбруя, теряться начали кони...

Теперь арестантик лежал неподвижно на том же клочке соломы и, обратя лицо к потолку, дал волю слезам. За три месяца в первый раз... Когда же, облегчив сердце, вернулся Винька к действительности, то озабочился: «Кокнут сразу или шомполами вздрючат? — Не обманывая себя надеждой, решил: — Надо быть, порубают без милости...»

Но размокать слезою не стал, а побрел в сероватой мгле вдоль стенки, беря на ощупь каждую тесину, едва отставший горбыль, еле примет-

ную щелочку. Не было сил, чтоб разболтать подгнившую доску, выдрать гвоздь. Сел Винька на сырую землю, зарылся головой в руки и так замер.

Тут, как по волшебству, закинул ветерок в щелку чей-то робкий, колеблющийся шепоток: «Эй, эй... эй!»

Винька молчал, окаменев от неожиданности.

— Эй-эй! — скреблись, настаивали с задов. — Не бойсь... Это я, Петька... Петянька я, сын Пелагеи Батищевой, что казаки ден пять назад вместе со старым Тарасом выдрали...

— Ну? — промычал недоверчиво маленький узник.

— Казаки коней кормят, в бега собираются, — поилился в его уши горячий шепоток. — Дело есаулово — табак! Старики говорят — порешат казаки тебя. Тикать надо!

Винька отвечал на это кривою усмешкой: была б его воля, он бы, небось, не отлеживался в этом дрянном сарае.

— Ты место найди пониже и рой, а я отсюда, — шелестел все тот же участливый голос.

Вот это уже дело! Отыскав местечко посподручнее, арестант легким ударом кулака дал знать, где рыть надо, и лихорадочно, обламывая ногти, принялся за работу. По ту сторону, как паровоз, ныхтел его неожиданный товарищ.

Стало сереть. Нежданному дружку нельзя было оставаться у стены, и теперь пришлось потеть одному. Все время Винька отрывался от работы и был начеку, чтоб не попасться впросак. Когда звуки снаружи казались особенно подозрительными, охапка соломы, служившая ему

постелью, летела в вырытую им ямку, сам он валился на нее и обмирал...

Лазейка была готова, но на дворе сделалось совсем светло. С бьющимся сердечком, изогнувшись ужом, Винька пролез под стену и выставил из окопчика комок волос и глаза. У школы шныряли пещи и конные, доносились тяжелый топот и ржанье лошадей, крики команд и бряцающие оружия.

Он посмотрел на холодно, соблазнительно поблескивавшую речку, прибрежные кусты ее шевельнулись, в них хоронился его нечаянный корешок.

Умел быстро бегать Винька, только пятки сверкают, а тут юркнул в норку, привалился к стене и призадумался — пуля-то, она быстрее! А пока он думал, снаружи сильный шум раздался, у дверей тяжело заворочались. Мальчишка заметался в кутузке, как мышь в мешке.

Двое караульчиков вошли в сарай, и им сразу бросились в глаза вырытая под стеной дыра, брошенный возле лаза дырявый балахон вчерашнего пленника...

— Сбег! — выдохнул один из бородачей и, тяжело повернувшись, выбежал из дверей. За ним другой.

Глянули вправо-влево, во все стороны, порыскали по селу — постреленок как в воду канул. Делать нечего, запыхавшиеся казаки поплелись с повинной «докладать» есаулу, вертевшемуся на коне возле школы. Так, мол, и так, хочешь — казни, хочешь — милуй, только проклятого мальчонку проворонили...

Прискакал Терех, посмотрел на все собственными глазами и — раз! раз! — по мордам обоим служивым и, уже убегаая, вытянул из-за пояса маузер и разрядил его в разные углы сарая на всякий случай.

Сарайчик ответил на выстрелы коротким эхом и замолчал. Где-то в кустах у речки чуть не умер от страха и горя Петька...

Только казачье варначье высыпалось вон из села, прибрежный тальник будто выстрелил Батищевым Петькой. Он понесся по улицам, взметая пыль, полоумно крича и булгача народ:

— Кусошника! Мальчугу-то стрелили!

И умывался слезой. Никто сначала не мог ничего понять, а когда расчихали, морем хлынули на зады школы. В темный сарай заглянули с опаской, осмелев же, втиснулись и нашли его пустым, не было там никакого подстрелянного «кусошника», только его отрепанные манатки жалкой кучкой жались у стенки.

Уже кто-то из стариков и подзатыльника дал Петьке за зря поднятый шум, кто-то выбранился и повернулся спиной к темноте, чтоб уйти, когда до ушей сельчан долетел приглушенный стон. Кошкой Петька метнулся поверх поленниц, на

животе протиснулся между тесовым потолком и дровами вглубь, руками-ногами распахивая на землю березовые поленья. Тут стали смеяться, в чем дело, и объявились помощники, разворотили первый порядок дров, и глазам их открылся окровавленный, лежавший меж двух поленниц Винька. В лице его не было ни кровиночки, глаза помутнели, жизнь, казалось, последними каплями вытекала из него.

Остороженько отнесли хлопца на куске холста по настоянию Тарасова в его утлую, подслеповатую лачугу. Уреванный Петька печальной птицей вился возле него...

Кликнули клич по селу, и к избе Тарасовой заспешили разного рода старушонки — те, кто умел болезного травкой попользовать, раны тайным словом заговаривать...

Чуть свет падет на землю — Петька, как штык, под окном Тарасовой избенки, и струится таинственный шепоток в уши друг дружке, тесная дружба меж ними повелась. Мечтали друзья быстрее повзрослеть и нагнать ненавистного Тереха.

Летели в мыслях на истребление контры двое малолеток — Винька с Петькой. Петька длинный, головастый, жидконогий, Винька — маленький крепыш. Жадно смотрели они вперед и за много верст вдаль ясно видели, как где-то в степи во все лошадиные ноги насандаливает атаман Терех, а за ним с оглядкой мчит весь его мелкий и пакостный сброд. А красные все идут и идут за ними тугой волной, и нет им числа, и всюду они, как напор самой жизни...

Мсье Орлов из Свердловска

Яков
АНДРЕЕВ

А. И. Орлов

В однокомнатной квартире свердловчанина А. И. Орлова книг не очень много. На стеллаже разместились небольшая, но со вкусом подобранная библиотека — Пушкин, Лев Толстой, Мопассан, Чехов, Булгаков...

— А вот моя самая большая любовь, — говорит Алексей Иванович, показывая на полку, где плотной шеренгой выстроились книги Жоржа Сименона...

Почти двадцать лет в прошлом механик Свердловского машиностроительного завода имени Калинина, пенсионер А. И. Орлов занимается исследованием творчества знаменитого французского писателя.

— Книгами Жоржа Сименона я стал зачитываться в начале шестидесятых годов, когда его произведения впервые появились в переводах на русском языке, — рассказывает Алексей Иванович. — Чем он увлек меня? Прежде всего своей любовью к простым людям. Сименон для меня не просто великолепный мастер детективного жанра, а глубокий психолог. Это большая серьезная литература о Человеке.

В исследовательском досье Алексея Ивановича более сорока аккуратно переплетенных томов и материалов из советских и зарубежных газет и журналов, посвященных жизни и творчеству Сименона. Но главная работа — это библиография произведений писателя. Составить ее чрезвычайно трудно: ведь о некоторых из своих многочисленных произведений не помнит даже сам писатель, сведения о них разбросаны по газетам и журналам всего мира.

Библиография Жоржа Сименона, составленная А. И. Орловым, включает 336 названий художественных произведений — практически почти все, что им создано. Она написана на русском и французском языках и состоит из трех частей. В первой части — названия 102 произведений о комиссаре Мегрэ (80 романов и 22 рассказа), а также выходные данные их публикаций в нашей стране. Вторая часть рассказывает о так называемых трудных романах, или социально-психологических произведениях Сименона. В третьей час-

ти — рассказы разных лет, опубликованные, в основном, в газетах и журналах.

По заключениям известных советских специалистов, эта библиография творчества Жоржа Сименона не имеет по полноте данных аналогов в нашей стране.

Вот как, например, ее оценивают специалисты Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы: «С помощью Вашей библиографии мы существенно пополнили картотеку переводов Ж. Сименона в нашей библиотеке. Пользуемся случаем, чтобы выразить Вам свою благодарность за присланные ценные данные».

Большую помощь уральскому рабочему-книголюбу оказывает ленинградский ученый-литературовед, большой знаток творчества Сименона Элеонора Шрайбер. Она, в частности, редактирует переводы с французского, которые Алексей Иванович делает для библиографии.

Недавно Элеонора Шрайбер побывала в Швейцарии в гостях у Жоржа Сименона и показала писателю библиографию его творчества, созданную Алексеем Ивановичем. Жорж Сименон с большим интересом изучил эту работу и очень высоко оценил ее. А когда знаменитый писатель узнал, что эта библиография создана не исследователем-библиографом, а простым рабочим с Урала, он пришел в неописуемый восторг и тут же отправил в подарок Алексею Ивановичу посылку со своими книгами и фотографиями. Эту посылку Жорж Сименон сопроводил следующим письмом:

«Дорогой мсье!

Я был чрезвычайно поражен, узнав, что Вы автор замечательной библиографии моих произведений «Мегрэ» и «не Мегрэ», изданных в СССР. От всего сердца поздравляю Вас с такой великолепной работой.

Я счастлив, что в Свердловске, на Урале, обитают такие выдающиеся книголюбые.

Желаю Вам большого успеха в Вашей будущей деятельности и шлю Вам выражение своих самых сердечных чувств».

СКАЗКА В МЕТАЛЛЕ

**Сергей
МЕЛЬНИКОВ**

действительный
член Географического
общества СССР

*Здесь варится, катается,
штампуется металл,
душою раскрывается
сам батюшка-Урал.
Здесь слитки раскаленные
звон думехов хрянят.
Здесь крепко просоленные
спецовки у ребят...*

М. БЫКОВ,
стропальщик Лысьвенского
металлургического завода.

Вокруг стоял шум, гудело пламя, с грохотом проносились мимо маленькие черные поезда с грудями металлического лома. Где-то внизу сновали такие же маленькие, прокопченные до черноты люди. Казалось, они не правят печами, а находятся в услужении у этих гигантов. Но вот обжигающим дыханием вздохнула печь и, как бы нехотя, с усилием стала отдавать чистый металл, сначала тонкой струйкой, затем низвергла вниз каскад огня.

К сожалению, язык слишком скуден, чтобы выразить то настроение и гамму чувств, которые я испытал, стоя ночью в мартеновском цехе завода.

Скоро Лысьвенский металлургический будет справлять свое двухсотлетие.

В годы первых пятилеток завод был одним из крупнейших в стране. По нынешним масштабам он утратил было пальму первенства, но в последнее время название завода снова замелькало на страницах центральной печати, о нем стали упоминать ТАСС и АПН.

...Выстрел, лязг затвора, выстрел, лязг затвора, и так до бесконечности, до дрожи в руках. Усталые глаза уже не видят мушку трехлинейки, серые, тонкие руки дрожат от нечеловеческого напряжения. Выстрелов уже не слышно, просто сплошной звон в ушах. Закрывать глаза. Пять минут, всего пять минут отдыха. И опять каска в прицеле.

Девушки расстреливают солдатские каски. Устало, методично. Только каска, выдержавшая удар пули, пойдет на фронт. Но вот в очередной каске появилась глубокая вмятина с заметной трещинкой. Каска не пробита насквозь, просто металл вдавился так глубоко, что лопнул. Девушка тут же записывает номер партии. Каски из нее уже не будут на бойцах — ненадежны...

Всю войну только Лысьвенский металлургический завод выпускал эту необходимую продукцию. Однажды сюда привезли каску известной итальянской фирмы. От нее, как горох, отскакивали пули, посланные трехлинейкой. И только двойной точнейший выстрел на стенде давал небольшую рванинку. Металл с подобными заданными свойствами было поручено разработать группе специалистов под руководством Василия Алексеевича Онянова. Вторая, третья, четвертая марка стали... Казалось, все, предел — улучшить бронейные качества металла без утолщения листа невозможно. Но утолщать лист тоже нельзя — каска будет слишком тяжелой. Дело, очевидно, в самой форме каски.

Долго, слишком долго шел поиск. Штампы касок вырубали вруч-

ную, уж очень сложна была их форма. Массу металла стали распределять не равномерно по всей поверхности, а утолщали лишь места с наибольшей вероятностью попадания пули под прямым углом. Но вот первая победа — более половины касок вернулось из тира с оценкой «отлично». Но не остановились на достигнутом конструкторы и металлурги, и произошло чудо. Очередная каска после двойного выстрела осталась на стенде с очень глубокой вмятиной, но без рванинки, как на знаменитой итальянской, даже трещины не было видно. Это была уже настоящая большая победа.

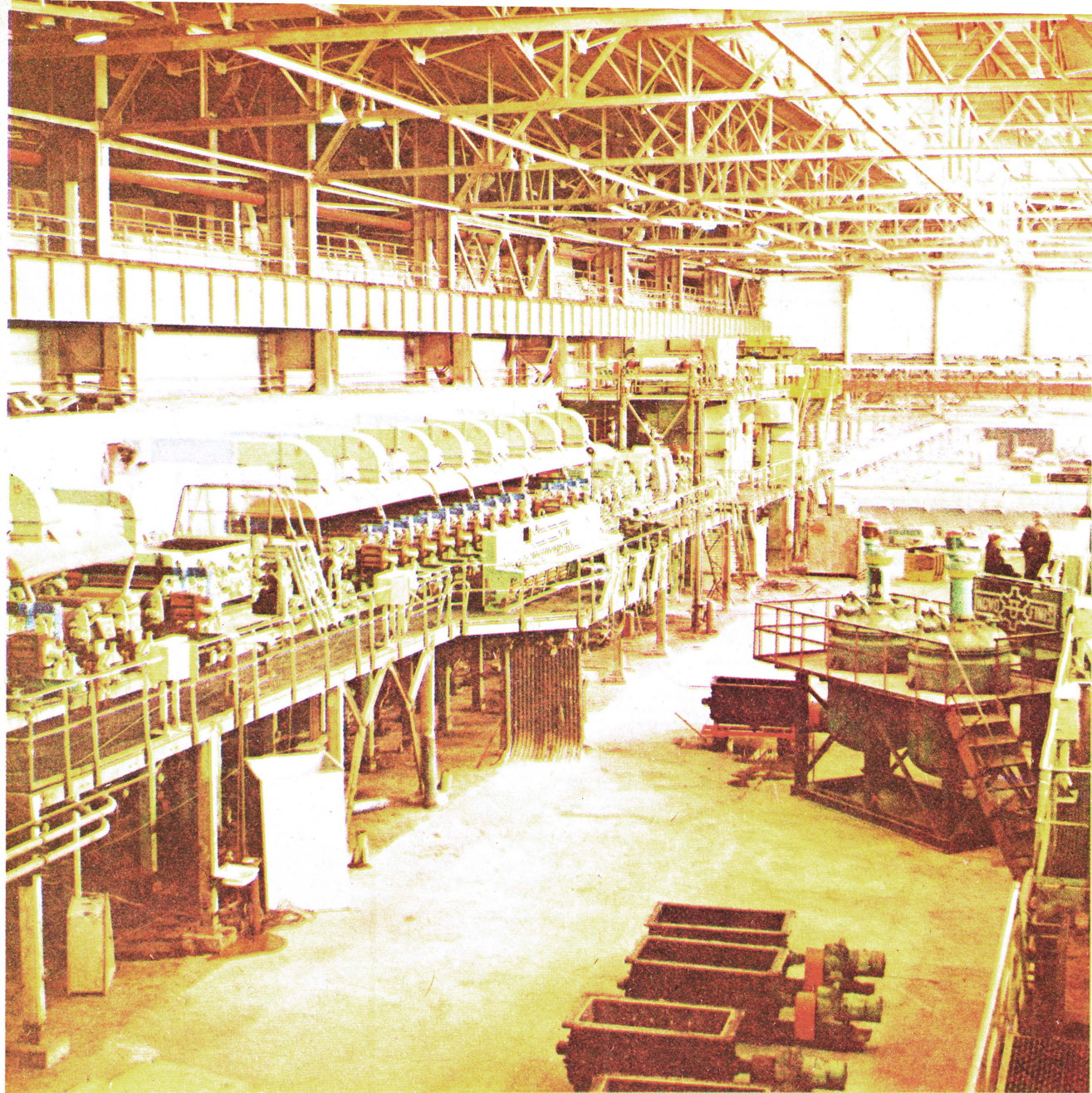
...Теперь здесь всего за год продана огромная по своим масштабам работа. По существу, построен новый завод, смонтировано около десяти тысяч тонн сложнейшего технологического оборудования. Речь идет не о реконструкции старых цехов (она тоже ведется непрерывно), а о созданном впервые в стране крупном промышленном производстве хромированной лакированной жести. Выпуск этой продукции позволит сэкономить дефицитное олово на сумму около 20 миллионов рублей.

С открытием нового цеха заботы лысьвенцев не кончились, предстоит создание производства электрооцинкованной полосы с полимерным покрытием, пуск еще одного стана холодной прокатки. Происходит второе рождение одного из старейших на Урале металлургических предприятий.

Есть на заводе цех, продукция которого высоко ценится за... художественное исполнение. Речь идет о знаменитой лысьвенской эмалированной посуде.

Светлый большой корпус, в центре — фонтан, а вокруг гамма ярчайших красок. Это, подвешенная на движущихся транспортерах, течет разноцветная рукотворная «посудная река». В печи она нагревается, становится вишнево-красной и вдруг вспыхивает и начинает гореть. Сгорает полимерное покрытие деколей — своеобразных переводных картинок, которые девочки наклеивают на кастрюли, чайники, кружки точно так же, как дети пользуются бумажными переводными картинками.

А вот другой участок. Здесь нет деколей, только несколько чанов с различной эмалью. Девушка подхватывает крышку кастрюли, опускает ее в раствор эмали, резкое круговое движение, и крышка становится равномерно желтой. Другая рука работницы покрывает крышку красной эмалью, затем черной, опять резкое круговое движение, и крышка расцветает разноцветными разводами. Но нет, что-то не понрав-

Новый цех

вилось критическому взгляду молодой мастерицы, и вот уже все смывто, стерто мокрой губкой.

Скажите — это не творчество? Может быть, но когда видишь в заводском музее посуду, подобную той, что на цветных снимках, хочется сказать: такое может создать только художник.

Ту посуду, которая не предназначена на стол, раскрашивают механически. Давно освоено трехпозиционное устройство для эмалирования крупных изделий.

Интересна история эмалицефа.

Посуду на заводе начали делать давно, еще в 1913 году. Цех был небольшой, работали в нем исключительно поляки, состав эмалей держали в строгом секрете. После революции мастера уехали и секреты свои увезли с собой. Казалось, не возродится старому искусству, но собрались местные старики и по остаткам эмали смогли-таки восстановить ее сложный состав. И задымилась трубы цеха вновь, снова пошла на обжиг прекрасная, уже с русскими орнаментами посуда.

А каковы перспективы? Ведь

сейчас красивые лысьвенские изделия — редкость на прилавках магазинов.

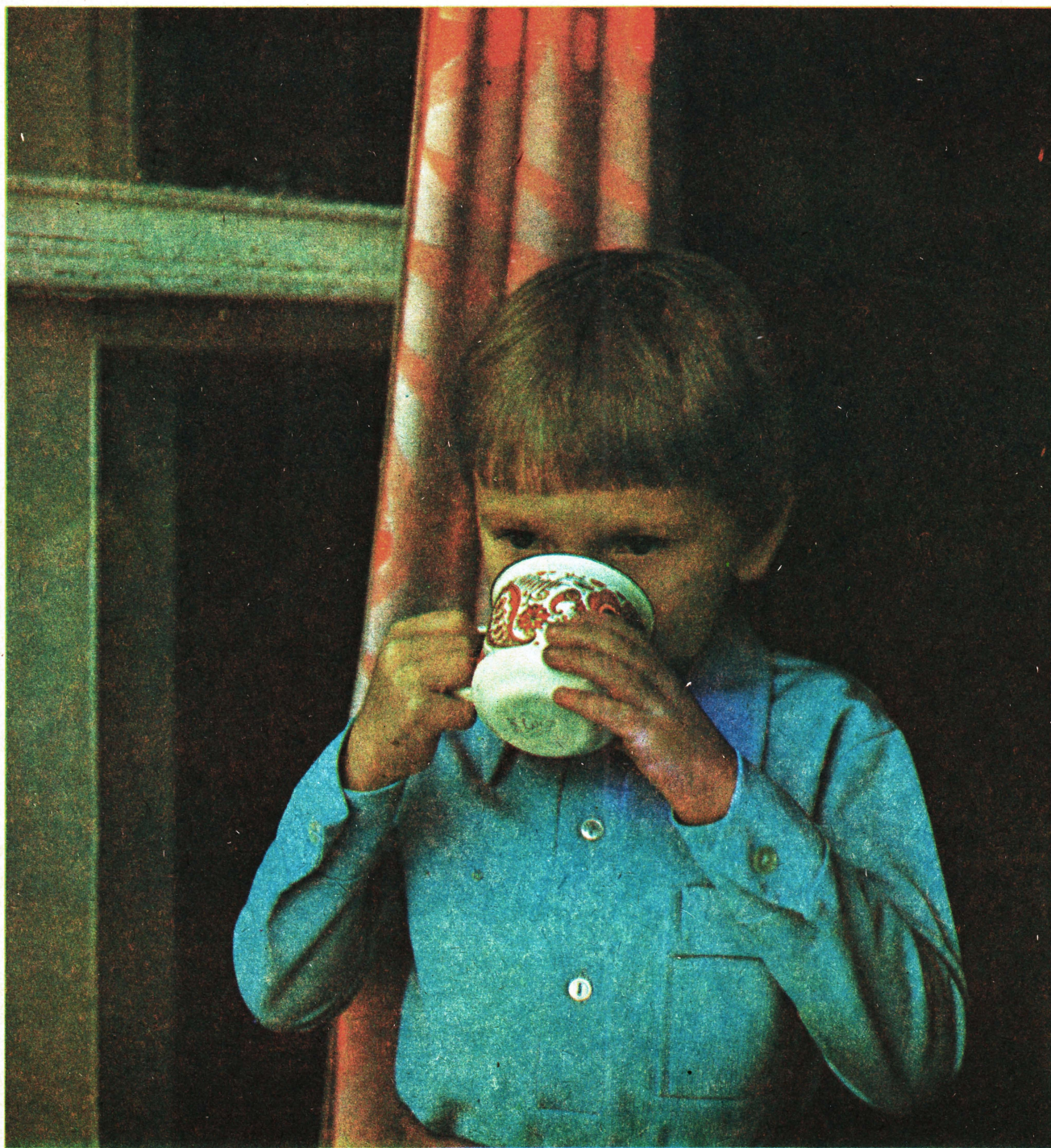
Общее количество выпускаемой посуды, конечно, увеличится. Идет большая работа по улучшению качества продукции, появились большие посудные наборы. Для изготовления их создан опытно-экспериментальный участок с планом 400 тысяч наборов в год. Цех постепенно будет переведен на полную механизацию, и посудное производство расширится еще больше.

Идет сталь

Лысьвенская каска, прошедшая
войну

Посуда — гордость лысьвенцев

МОЕ

УДИВИТЕЛЬНОЕ

НЕБО

Виктор
ГРЕБЕННИКОВ

Рисунок
В. Ганзина

Кое-что о солнце

Стоит лишний раз повторять, что вся жизнь на нашей планете да и сама Земля — от Солнца? И в научных трудах об этом писано-переписано, и в рассказах о природе, и в стихах, и в песнях. Но все равно я не могу не сказать несколько своих собственных слов о нашем добром старом светиле.

Когда каждый из нас впервые в жизни видит Солнце? Ответить трудно: слишком мал тогда человек. Но некоторые из своих детских впечатлений, связанных с Солнцем, я все же помню.

Днем, как и надо тому быть, никакого Солнца я не замечал, хотя на родине моей, в Крыму, оно яркое — не зря, наверное, закрепилось сочетание «солнечный Крым»... А вот к вечеру солнечный шар становится вполне заметным: испарения нагретых за день морей, окружавших наш небольшой полуостров, делали воздух густым и полупрозрачно-красным. Светило, склоняясь к горизонту, становилось темно-багровым, и я, помнится, с крыльца нашего дома подолгу глядел на него. Это было как ритуал — обязательное вечернее созерцание светила, и я старался не прозевать ни один закат. А закаты всегда были разными — из-за облаков, которые расцвечивали вечернее небо розовыми, янтарными или лиловыми драпировками, а то золотыми мазками, похожими на струи расплавленного металла.

А иногда солнечный шар... менял свою идеально круглую форму. С ним творилось что-то странное: чем ближе подплывал он к горизонту, тем явственней становились неровности и вмятины. И казалось, что светило терпит какую-то беду —

вмятины делались ужасающе глубокими, Солнце, стискиваемое неведомыми силами, становилось через несколько минут уже и не шаром. Это было нечто бесформенное, растекающееся на доли, а иногда от кривого помятого Солнца, колыхаясь, отделялся большой кусок и повисал в небе отдельно от светила...

Так было, конечно, не всегда: обычно Солнце заходило за дальние холмы идеально круглым. Но стоило появиться в небе дальнему морскому мареву, которое угадывалось по красноватой предзакатной мгле, повисшей вдаль, как снова с Солнцем что-то творилось: оно коверкалось, сжималось, разделялось на куски, перетекающие друг в друга, которые то снова сливались, то опять разрывались.

А наутро светило, круглое и веселое, как ни в чем не бывало поднималось над горизонтом и начинало свой привычный путь по небу. Никто не мог толком объяснить, почему с Солнцем происходит такое. Чаше говорили одно: «Тебе это кажется». И вообще, дескать, смотреть на солнце вредно. Вот в этом была сущая правда: после созерцания солнечных вечерних метаморфоз в глазах долго плавали целые стаи таких же солнц, только не красных, а ярко-зеленых, и мешали смотреть. Потом я узнал, что называются эти пятна остаточными образами, вызваны они утомлением сетчатки глаза, где фокусируется изображение яркого предмета, а если стоят они в глазах не секундами, а минутами, то произошла явная передержка экспозиции, чего, разумеется, следует избегать, чтобы не повредить зрению.

Для наблюдений Солнца надо заготовить несколько самодельных светофильтров — стеклышек, заочерченных с разной степенью прозрачности: для дневных наблюдений,

когда светило яркое, и для вечерних, когда достаточно лишь немного его пригасить. Кстати, с помощью таких стеклышек можно наблюдать не только солнечные затмения, когда Солнце закрывается Луной, но и крупные солнечные пятна. А чтобы светофильтр служил долго и ровный слой копоти не стирался, надо покрыть его еще одним стеклом, но не вплотную, а проложив картонную рамочку или полоски по краям, смазанные клеем.

Однако вернемся к чудесам с закатным Солнцем. Что же это было? Оказывается, ничего исключительного. Само светило, разумеется, всегда круглое. Но земная атмосфера, слой которой наиболее толст для солнечных лучей при закате, не всегда равномерно убывает к высоте, и более плотные ее участки, насыщенные водяными парами, сильнее искривляют солнечные лучи. Получается примерно так, как если бы смотреть через толстостенную бутылку: форма любого предмета сильно искажается. Когда плотные слои воздуха, чередуясь с более редкими, смещаются, движутся, край светила то кажется ступенчатым, то вообще от Солнца как бы отрываются куски.

Жители тех мест, где часто можно видеть подобное явление, говорят: «Солнце играет». К сожалению, обитатели нынешних больших городов лишены возможности не только наблюдать «игру» Солнца, но и любоваться обычным закатом. Солнце здесь садится за дома или же, если дома не мешают, меркнет в густом гареве из заводских и автомобильных дымов, уличной пыли, чада. Для обозначения испорченной таким образом городской атмосферы мы теперь пользуемся коротким словом «смог». Через смог не увидишь ни закатного, ни восходящего Солнца...

Имеют возможность наблюдать спокойно-величавые закаты жители, например, западносибирских равнин — конечно же, вдали от городов. Игры Солнца здесь никогда не бывает: багровое, чуть потускневшее светило тихо и торжественно скользит наискосок ровному, как море, горизонту. И ни одна вмятинка не нарушит идеально круглый солнечный диск. Но нередко случается другое: приблизится Солнце к линии горизонта и из круглого делается овальным, точнее, эллипсоидальным, — слегка, а то и заметно сплюснутым сверху вниз. Однажды толщина такого «огурца» (я замерил карандашом на вытянутой руке) была вдвое меньше его длины, зато эллипс был идеальной формы. Огурец возлежал на линии горизонта и медленно плыл направо, делаясь все уже, но никак не желая спрятаться хотя бы краешком за эту линию.

Подобные солнечные странности объясняются явлением рефракции — искривления и преломления лучей в нашей атмосфере. И самая интересная странность, пожалуй, та, что закатное Солнце уже опустилось за горизонт, а мы все еще видим его на небе. Так же, как и Солнце восходящее: оно еще не взошло, а для нас уже сияет. Так что даже в дни вечерних и осенних равноденствий фактические дни на несколько минут длиннее ночи. А поскольку у самого горизонта угол рефракции особенно велик, то нижний край закатного солнца как бы приподнят на несколько минут дуги больше, чем верхний, — вот и получается не круг, а эллипс.

Глаза — чудесные приборы

Наши глаза — главнейший инструмент, которым человек познает мир. А много ли мы знаем о них, о природе зрительного восприятия образов окружающей нас действительности? Достаточно ли умело пользуемся зрением? Все ли возможности его используем? Хорошо ли его бережем?

Мне со зрением повезло — родился, как говорят, «вростроглазным». Это вот сейчас, к пожилым годам, приходится пользоваться доброю полдюжиной очков. Что поделаешь — некоторые эластичные детали глаза у многих людей с годами твердеют, тогда для разных расстояний нужны и разные очки. К сожалению, края их стекол, вернее, рамка оправы, сильно сужают поле зрения, но к этому, в общем, можно привыкнуть...

В детстве глаза мои были куда острее. Венеру, когда она подходила близко к Земле, ясно видел вечерами как далекую-далекую молодую Луну: тонкий яркий серпик рожками вверх и налево. Увы, сейчас увидеть серп Венеры, даже с помощью очков, я не могу. Мешает снопик лучей, как бы идущих от нее во все стороны, — это от появившихся с годами неоднородностей прозрачных деталей глаза. Впрочем, эти лучи можно убрать темными очками или картонкой с проколотым в ней отверстием диаметром с иголку, через которое смотреть на Венеру, когда та находится близко от Земли в нужной фазе (узнать об этом можно из обычного школьного астрономического календаря). Надо только приставить картонку к глазу так, чтобы отверстие приходилось точно на середину зрачка. Я сам очень давно читал где-то про такой вот «дырчатый телескоп». Многие читатели, применив это простейшее приспособление, смогут без бинокля увидеть обыкновенное чудо — серпик Венеры, младшей сестры нашей Земли.

Вообще совершенно невооруженным глазом, даже без всяких картонок, можно увидеть поразительные вещи. Ведь наше око не только отменный телескоп — оно еще может служить и довольно сильным микроскопом. Просто мы плохо знаем возможности наших глаз и многие объекты, вполне им доступные.

Если внимательно взглядеться не в ночное, а в дневное небо (лучше безоблачное или равномерно освещенное), то можно рассмотреть два типа мельчайших объектов, находящихся внутри нашего же глаза.

Первые — круглые колечки, иногда с темным или светлым ядрышком в центре, почти неподвижные или медленно плывущие, особенно после того, как взгляд переведен в новую точку. Иногда они видны поодиночке, иногда гроздьями по несколько штук. Это не что иное, как мельчайшие включения в толще так называемого стекловидного тела — светлого студия, заполняющего пространство между «объективом» глаза — хрусталиком и его «фотопленкой» — сетчатой оболочкой, куда падает сфокусированное хрусталиком изображение. Стекловидное тело — очень прозрачная среда, но не всегда идеальная, не свободная от этих крохотных включений. Они и проецируются на сетчатку, но не точками — так как находятся далеко от нее, а колечками, из-за дифракции — оптического явления, когда световые лучи чуть-чуть отклоняются от прямой линии, встретив преграду (в данном случае — вот эти частички внутри стекловидного тела), и вокруг них

видны так называемые дифракционные кольца.

Другие объекты, которые можно увидеть невооруженным глазом, еще интересней. Но смотреть надо внимательней, пристальней, и лучше закрыть один глаз ладонью.

И вот тогда на фоне светлого неба вы увидите мельчайшие светлые искорки — словно множество метеоров бороздят далекую стратосферу, но не прямыми траекториями, а зигзагообразными. Одни люди видят их светлыми, другие, наоборот, темными.

Что это такое? Нечто кажущееся? Отзвук тончайшей работы зрительных центров мозга?

Не убирая ладонь, закрывающую глаз, запомните путь одной из искорок, когда она делает какунибудь петлю (при этом нужно смотреть в одну точку небосвода или на кончик древесной ветки). Пройдет несколько секунд, и по тому же месту пробежит еще одна искорка, в точности повторяя путь прежней. А потом — еще и еще...

Так вот: это мы видим не что иное, как кровяные тельца — эритроциты, бегущие по тончайшим капиллярам, питающим сетчатку оболочку глаза. Но неужто можно видеть глазом такую малость? Ведь кровяные шарики (вернее, диски) очень малы, и, чтобы их увидеть, нужен микроскоп с увеличением в несколько сот раз! Как же так: без микроскопа, а видно?

Но ведь и сетчатка нашего глаза — сложное и тонкое устройство. Она состоит из множества приемно-передаточных микроэлементов, в частности, так называемых палочек и колбочек, особенно густо расположенных в центре, в области так называемого желтого пятна.

Секрет видения кровяных тельц, бегущих по капиллярам, в том, что светочувствительные колбочки находятся не на самой поверхности сетчатки, а под слоем, пронизанным сетью опорных клеток, нервных волокон и кровеносных сосудов. Вот по ним и бегут кровяные тельца, заслоня попеременно датчики сетчатки — палочки, с которыми они вполне соизмеримы: красное кровяное тельце человека имеет в диаметре 7,5 микрона, а это не так уж и мало.

Чтобы увидеть движение крови в капиллярах, студентам медицинских и биологических вузов обычно показывают в микроскоп прозрачную перепонку живой лягушачьей лапки. А они и не подозревают, что носят в своих глазах два отменных микроскопа, в которые в любой момент можно увидеть живые кровяные тельца человека, бегущие по крохотным его сосудам...

Иной читатель может усомниться в том, что бегающие искорки — это наши кровяные тельца в капил-

лярах, а плавающие гроздь — что-то вроде соринки в стекловидном теле. Сомневающимся предлагается проверить реальность этих объектов тремя способами. Первый: закрыть левый глаз, глядеть на светлое правым и хорошо запомнить рисунок бега некоторых искорок и расположение плавающих гроздьев. Потом закрыть правый глаз, смотреть левым — и картина будет совершенно иной.

Второй тест: вплотную к испытываемому глазу (другой закрыт) приложить картонку или ладонь так, чтобы половина поля зрения затенилась. Будучи очень близким к глазу, край преграды окажется не в фокусе. В этой полутени и те, и другие объекты делаются видимыми из-за дифракции настолько контрастно, что иной раз удается различить даже фрагменты сосудиков-капилляров, по которым бегут шустрые эритроциты. Третий тест самый простой: закройте оба глаза — искорки и гроздь сразу исчезнут...

Но бывают в глазах наших (и дальше, в зрительных отделах мозга) и другие явления — фосфены, с которыми некоторые читатели, возможно, уже знакомы.

В детстве мне, особенно вечером и по утрам, если пристально посмотреть на гладкую стенку, часто виделись разные узоры, порой удивительной красоты. Разноцветные пятнышки, полоски, крупинки, они медленно перетекали друг в друга, то густые, то редкие, временами как бы сыпался цветной песок, а то вдруг отдельные пятнышки выстраивались в правильные ряды, перекрещивались в виде прямых и косых решеток, замысловатых ковриков.

При известном усилии можно было направить ток этих узоров, менять их форму и характер. Они вовсе не мешали глядеть на реальный мир и виделись даже при закрытых глазах; правда, уже не такими яркими и многоцветными. Особенно красочными и сложными эти узоры бывали, когда у меня из-за какой-нибудь детской хвори повышалась температура. Помнится, я всегда с большим удовольствием их разглядывал.

А вот где-то после 18—20 лет орнаменты эти стали тускнеть и появлялись все реже. Сейчас, пожалуй, их у меня не бывает совсем. Разве только, если сильно приглядеться, — некое мелкое-мелкое, почти бесцветное мельтешение.

Человек — один из бесчисленных видов живых существ, населяющих нашу планету. Все его органы чувств тоже образовались в ходе огромной по времени эволюции. И хотя многие из них сильно уступают воспринимающим при-

борам братьев наших меньших (например, обоняние гораздо тоньше у насекомых и собак, зрение — у хищных птиц), все равно проветрять, изучать их работу проще всего на самом себе...

Вообще зрение — сложнейшая штука, и относительно хорошо изучен только его оптический механизм. Техника же передачи зрительными нервами сигналов от сетчатки до соответствующих долей мозга, рождения в нем зрительных образов — реальных, вспоминаемых, воображаемых — еще изучена очень мало, а потому во многом таинственна. Таинственна и чрезвычайно интересна.

Всем нам знакомо выражение «кромешная тьма». То есть полная, абсолютная, «ничего, кроме тьмы». В наш век электрификации мы, особенно городские жители, практически не бываем в такой абсолютной темноте: даже в самые черные безлунные ночи в наши дома проникает, пусть даже слабыми отблесками, уличное освещение.

А между тем оказаться в кромешной тьме весьма интересно. Могу предложить любопытный и очень простой опыт, который когда-то принес мне очередную загадку.

Для успеха опыта нужны полная темнота, абсолютная тишина и уединение. Запритесь в темной комнате, удобно расположитесь и спокойно посидите несколько минут, не закрывая глаз, а как бы вглядываясь в темноту. Начнет работать воображение, и вы станете «видеть» какие-то картины: это могут быть дворцы, аллеи, колонны, всякие удивительные украшения... Видения у разных людей будут различными. Но у некоторых через какое-то время вдруг начнут возникать перед глазами световые блики — мгновенные и слабые. Если закрыть глаза, они исчезают. Значит, это не плод воображения? Значит, мы их действительно видим? Но что это за свет?

Когда-то в детстве, помнится, я так и не разгадал этой тайны. И только много лет спустя где-то прочитал, что отдельные люди с особо чувствительным зрением могут ощущать в темноте мельчайшие порции света — кванты, рожденные космическими лучами, проникшими из бездонных глубин Вселенной в нашу атмосферу. А еще позже наши космонавты рассказали о сходном явлении, отмеченном ими там, в космических высях, и даже были опубликованы сделанные ими рисунки этих вспышек. Но от моих «искр детства» они отличались тем, что были видны космонавтам и при закрытых глазах: космический лучик — заряженная частица — проскакивает по прямой через весь организм, и если

на пути сетчатка глаза, то в ней вспыхивает искорка.

Желающим поглубже узнать про эти и аналогичные загадки я советую прочесть интересную научно-популярную книгу Р. Л. Грегори «Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия», вышедшую в 1970 году в издательстве «Прогресс».

Гостья из космоса

9 апреля 1970 года в три часа ночи меня разбудил трезвон будильника: требовалось произвести очередное наблюдение крохотных насекомых — меллиботий. Дело в том, что они повели себя очень странно, и следовало выяснить, что на них влияет: магнитные поля или какие-то неведомые космические явления. Мне пришлось взять их под круглосуточный контроль, осматривая посудинку с ними каждые три часа. Не включая свет, я подошел к окну. Глянув в него, я тут же забыл про насекомых и замер, пораженный.

На черном апрельском небе, между крупноезвездным зигзагом Кассиопеи и величественным крестом Лебеда, сияла огромная яркая комета. Слово луч феерического прожектора-гиганта рассек наискосок наше окно. Я знал: крупная комета — явление редкое, не всякому смертному удается ее увидеть. И вот передо мною во всей своей красе знаменитая комета Беннета — это был как раз очередной визит небесной гостьи в окрестности нашего светила.

Комета была поистине гигантской. Ее роскошный газовый хвост вполне классических форм простерся на многие миллионы километров — его с трудом закрывала моя ладонь. Тут же, в предутренней полутьме, я сделал набросок небесного чуда. А в ночь на 14 апреля сделал «портрет» кометы Беннета, конечно, не с помощью специального астрографа, а просто карандашом и красками. Она находилась тогда в созвездии Ящерицы. К сожалению, в те дни комете были посвящены только кратенькие заметки, да и то не во всех газетах.

Прошло много ночей перед тем, как небесная гостья, покрасовавшись в окрестностях Солнца, снова ушла от нас в таинственные дали Вселенной. И только теперь, спустя много лет, я решаюсь поведать читателю о том, что апрельскими ночами 1970 года я был одним из счастливейших людей Земли — наблюдателем великолепной гигантской кометы...

Странные голоса болидов

Болидом называется либо очень яркий метеор — ярче самых светлых звезд, либо такой, который заметен не летящей точкой или искрой, а имеет видимый на глаз диаметр, то есть как бы светящийся шар или диск. По сравнению с простыми метеорами, порою весьма частыми (звездные дожди), болиды — более редкое явление: это в атмосферу Земли вторгаются довольно крупные небесные камни, иногда большие глыбы. Изредка такой посланец космоса не успевает согреться до дна, и явление заканчивается выпадением на поверхность Земли оплавленных метеоритов.

...Это было поздним зимним вечером. Над темно-синими сугробами исилюкульской улицы, над снежными шапками, нахлобученными на крыши одноэтажных домов, мерцало тысячезвездное небо. Было морозно, спокойно и тихо; я шел по этой темно-синей улице.

Как вдруг сверху, где-то в зените, раздался неожиданный звук, сухой и резкий, похожий на треск разрываемой ткани. Я моментально вздернул голову — чуть шапка не свалилась. Ярчайший болид, рассыпая желтовато-белые искры, стремительно несся по звездному небу — столь быстро, что я успел засечь его лишь в середине и конце пути.

Тут же исчез и звук рвущейся ткани, и снова над городом повисла мягкая снежная тишина. Зато метеор оставил длинный светящийся след, протянувшийся по звездам как раз через зенит. След этот быстро таял и окончательно померк через несколько секунд.

Все это было мне не в диковинку: в юности я несколько раз наблюдал метеоры, состоя инородным корреспондентом-наблюдателем метеорного отдела Таджикской астрономической обсерватории (ныне институт астрофизики), куда регулярно высылали из далекой Омской области звездные карты, исполосованные следами зарегистрированных мною «падающих звезд». Наблюдал метеоры усердно, каждую ясную ночь, иногда от зари до зари, лишь в сильные морозы позволяя себе греться в помещении по десять минут каждый час. Видел, кроме многих сотен обычных метеоров, и очень крупные, яркие болиды вроде этого.

Но вот что меня сильно смутило: ведь я сначала услышал звуки и тогда лишь, подняв голову, увидел болид. Может ли такое быть? Большинство метеоров, вле-

тая на бешеной скорости в атмосферу и мгновенно раскаляясь трением о воздух, испаряются на высоте 60—130 километров, в редчайших случаях — в 20—40 километрах от Земли. Звук же летит в атмосфере со скоростью 330 метров в секунду, так что звуковые волны могли достигнуть меня самое меньшее через минуту, а вероятнее всего, не раньше чем через 3—4 минуты.

Но вернемся к болиду. Треск я слышал в те самые мгновения, когда он пролетал по небу: выходит, он летел не выше нескольких десятков метров? Но такого не могло быть! Многолетний опыт наблюдений этих небесных тел убеждает, что пролетают метеоры очень высоко.

Или все же мне насчет звука почудилось? Но ведь именно «рвущаяся ткань», а не что иное, заставила меня быстро глянуть в зенит! Так что ж, выходит, звук этот каким-то непостижимым образом, вопреки всем законам физики, летел сюда со скоростью света — 300 тысяч километров в секунду?..

И тут я вспомнил: где-то в сороковых годах, теплым летним вечером, когда Солнце уже пряталось за горизонт и на противоположной стороне неба начали загораться первые звезды, я заметил далеко на юго-западе светящийся шар диаметром с четверть видимого диска Луны, но с размытыми краями. Это был болид. Он падал сравнительно медленно и не прямо, а по загнутой вниз дуге: наверно, летел почти в мою сторону и притом быстро, но снижаясь от торможения, — мне же виделась короткая крутая дуга его пути. Через несколько секунд болид исчез — погас. Но как раз в мгновения полета болида слышался странный звук меняющегося тона, сначала высокий, но быстро переходящий в низкий, скорее всего, похожий на поскуливание собаки или мяуканье гигантского кота, только с таким «техническим» тембром, как при кастрировке радиоприемника.

Тоже случайность, иллюзия, совпадение? Но ведь удары и грохот, издаваемые иногда крупными болидами, слышны именно таким же образом, как и раскаты грома, порожденные молнией, подчинены тем же законам акустики, и по времени полета ударной звуковой волны, от которой иногда вылетают из окон стекла, ученые устанавливают место падения болида, находя там (в редких случаях) осколки небесного гостя — метеориты. Отчего же странное «мяуканье» и этого болида слышалось не спустя минуту, а именно в короткие мгновения полета? Опасаясь, что наверняка попаду впросак, я, от-

кровенно сказать, тогда помалкивал об этом, описав лишь световую картину пролетевших болидов.

А ведь зря помалкивал! Если все наблюдаемое станет безупречно укладываться в рамки уже известного, четко подчиняться только уже открытым нами законам природы, будут ли тогда развиваться науки? Что станет с ними, если мы упрямо начнем отвергать или замалчивать все непонятное, необъяснимое и загадочное?

Что касается болидов, оказалось, что, несмотря на абсолютную невозможность одновременного видения и слышания болида, имеется очень много таких наблюдений, сделанных в разных частях света. В каталоге профессора И. С. Астаповича, изданном в 1951 году, описано множество подобных болидов с аномальными звуками, начиная с летописей 585 года. Но еще до того, в 1940 году, профессор Сибирской сельскохозяйственной академии П. Л. Драверт, известный геолог, географ, астроном и краевед, собравший сведения о большом количестве болидов и метеоритов, дал название этому странному явлению: электрофонные болиды. Оно было сразу принято учеными, а сейчас астрономы всего мира широко употребляют этот термин.

Кстати, некоторые очевидцы падений знаменитых метеоритов — Тунгусского и Сихотэ-Алиньского — во время их полета слышали звуки, напоминающие шум летящих птиц, жужжанье, гудение. 11 октября 1950 года некоторые жители Венгерского района Новосибирской области также слышали шипение во время полета болида, а лишь потом, после его исчезновения, три громовых удара. Позже там был найден метеорит из нескольких осколков.

Расстояние, с которого были слышны эти звуки, оказалось огромным. Большей частью это 50—200 километров.

Нередко звуки электрофонных болидов даже предшествуют их появлению: сначала наблюдатель слышит звук и лишь затем, повернувшись в его сторону, видит, как в небе начинает появляться болид.

Имеется сообщение о том, что синхронный с полетом болида свист слышали, в отличие от взрослых, только дети (4 октября 1950 г., Миссури, США), и несколько наблюдений, подтверждающих, что сначала внезапно встревожились куры и собаки, на которых обратили внимание люди, и лишь потом появился болид.

Замечено и, конечно же, пока не объяснено, что среди группы людей одни слышали звуки и описали их по-разному, а другие ничего не слышали — болид был для них бесшумен, как, например,

1 февраля 1934 года (Германия): «Десять человек из 25 слышали свистящие и гудящие шорохи». Не так давно крупно повезло австралийцам: 7 апреля 1978 года над Сиднеем пролетел ранним утром огромный болид. Примерно треть опрошенных одновременно слышали с его полетом различные звуки, а для остальных полет был беззвучен.

Вот описания звуков, которые, по словам очевидцев, сопровождают болид во время его полета: жужжание, шорох, свист, шелест, журчание и кипение воды, полет пули, снаряда, ракеты, стаи птиц, треск электросварки, горящего пороха, хлопанье, шипение струи газа или раскаленного металла, опущенного в воду, перелом сухого дерева, шум песка, сыплющегося на листья...

Оказывается, были и болиды, похожие по звуку на мои, исикульские, только я об этом не знал. Августовский болид 1898 года в Финляндии издавал звук «как бы от разрыва чего-то мягкого, например, бумаги или полотна».

Наконец, накопилось уже немало детальных описаний электрофонных болидов, которые порой наблюдали профессиональные астро-

номы. Тем не менее в 1932 году редакция одного из научных журналов, считая, что мир уже окончательно познан людьми, отказалась публиковать каталог электрофонных болидов, как заведомо невозможных — наверное, руководствуясь известной формулой «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Увы, несмотря на то, что сейчас ученые единогласно признали явление электрофонных болидов объективным достоверным фактом, загадка их не разгадана и по сей день. Некоторые специалисты полагают, что виной всему — электромагнитные волны, излучаемые болидом во время полета. Эти волны имеют скорость света, а уши некоторых людей (кстати, очень сложный и тонкий биологический аппарат) каким-то еще неизвестным нам образом превращают электромагнитные колебания в звуки, различные для разных лиц, а для многих — недостижимые. Есть и иные гипотезы: электростатическая — колебания электростатического заряда между болидом и землей, ультракоротковолновая, плазменная и некоторые другие.

Ставили эксперимент, и излучения высокочастотного мощного

передатчика на расстоянии 300 метров описывались испытуемыми как жужжание, пощелкивание или удар. Но испытуемые утверждают, что источник этих звуков находился как бы внутри головы. В то же время звуки электрофонных болидов имеют четкую направленность извне и воспринимаются нормально, ушами, что я сам могу твердо засвидетельствовать.

Установить истину пока еще трудно: полет болида — в общем-то явление редкое, непредсказуемое, и оборудовать специальную аппаратуру для его мгновенного всестороннего изучения, да еще организовать постоянное дежурство хотя бы на несколько десятков наблюдателей практически невозможно, как невозможно заранее приготовиться к наблюдению шаровой молнии.

Однако можно надеяться: раз ученые уже обратили внимание на странные голоса болидов, то тайна их будет разгадана.

Иван
МАЛАХЕЕВ

Я по земле иду...

Я по земле иду,
по той земле иду,
Где дед пахал.
Отец ковал железо.
Где старший брат
добротную руду
Для домен поднимает
из разреза.
Дороги пращуров,
петлявшие окрест,
Распутаны. Они прямые,
как спицы.
И начинаются из наших
мест —
Не из одной, как думалось,
столицы.

...И услышал я, как
с галерки,
По перилам ветвей
шебурша,

Опустился листочек
робкий.
Как младенческая душа.
И увидел я сквозь
деревья
Просветленную
зрелостью даль
И стогов золотое горенье,
И луны трудовую медаль.

Еще не всмотришься, как
следует,
В задумчивый,
продрогший лес.
И в дождь. Как снег уже
последует
С дырявых
войлочных небес.
Еще и в снег почти
не верится:

Неужто хлебом пахнет
он? —
Как вдруг
качнувшееся деревце
Уронит в день капли
звон.
А там, глядишь,
отходит лето —
Отборным сыплется
зерном...
И догоняя скорость
света,
Гудит весь год
ракетодром.

ЧТО ИМЕТЬ ЗА ДУШОЙ?

*Разговор о романтике настоящей и мнимой
ведет штурман дальнего плавания*

**Евгений
ПИНАЕВ**

Я расстался с морем, но, положив руку на сердце, скажу, что по-прежнему живу им. Год уходит за годом, а мне все так же снится море, оржавевшие в океане траулеры, белокрылые парусники учебного отряда. Новые и старые, похожие на мои и не имеющие с ними ничего общего — все они живут такой знакомой жизнью. Часто, часто в снах мелькают знакомые лица. Молодые и задорные — они радуют, как встреча с юностью...

Многие из курсантов давно стали капитанами и старпомами, но ко мне являются в синей рабочей робе, в бесшумной живости парусных авралов. Старые фотографии раз за разом оживляют в памяти былое, и тогда сердце сжимает от сознания невозвратности ушедшего, от понимания, что никогда не повторятся самые счастливые годы, связанные с морем...

«Почему всякий нормальный, здоровый мальчишка, имеющий нормальную, здоровую мальчишескую душу, обязательно начинает рано или поздно бредить морем?» — спрашивает Герман Мелвилл. Действительно, почему? Что, например, заставило меня, сухопутного мальчишку, мечтать о нем? Ведь море лежало далеко от нашего лесного захолустья, которое зимой заносили метели, а летом донимала жара, наползавшая с юга из ковыльного степного приволья.

Перебирая в памяти те далекие дни, мне кажется, что вначале я думал не о море, а о мире, пораженный его огромностью. Этому способствовало обилие географической литературы, имевшейся дома: мама преподавала в школе географию.

Кажется, в пятом классе, начиная постигать ее, я наткнулся на забавный рисунок в учебнике. Он изображал плешивого монаха в долгополой рясе, с посохом в руках. Старец, добравшись до «края земли», продырявил небесную сферу и с любопытством оглядывал вселенские просторы: а что там? О том же вопрошал себя и я, приходя на железнодорожную станцию. Она была моим «краем земли», за которым начиналась манящая неизвестность.

Мне нравилось бродить среди разношерстной толпы, среди вагонов и стрелок. Ветер сгребал к пыльным акациям угольные крошки и крупички колючего шлака, воздух был наполнен густыми запахами шпал и черной земли, пропитанных мазутом. кисло пах металл нагретых рельс...

Шла война, и мир, лежащий за горизонтом, вплотную приблизился к станции. Она была крохотным пульсом на огромной артерии страны, который с каждым днем бился все стремительнее.

Составы приносили звуки войны: стоны санитарных эшелонов, ржание лошадей в товарняках, голоса и крики людей, кочующих по стране, ляг солдатского оружия.

...В один из таких дней умер мамин брат Иван Михайлович Марков. После похорон я впервые подумал о море как о чем-то конкретном. Только теперь я узнал, что в семье был моряк! Дядя бежал в Архангельск в 1905 году, после разгрома боевой дружины Вятских железнодорожных мастерских.

Эти подробности я узнал из автобиографии, обнаруженной в старом чемодане. Там говорилось, что и на лесопилке «Эконом», куда он устроился работать, полиция добралась до него. Выручил случай. Матрос-латыш с немецкого лесовоза «Консул Торн» за две бутылки «белой» спрятал беглеца в трюме. В Белом море «зайца» обнаружили и определили в штат кочегаром. Подписанный в Англии контракт разрешал уйти с судна лишь в русских или немецких портах, а туда «Консул» больше не заходил. Так начались его скитания по свету.

Я в это время обладал тельняшкой и прозвищем «боцман». Тем не менее в Омское речное училище поступил не я, а мой одноклассник. Однажды новоиспеченный курсант появился в городке. Ширина необъятных клешей разила провинциалов наповал.

Дородная повариха считала сына просоленным «морским волком», и курсант не знал отказа ни в чем. В квартире постоянно звенели бутылки, рывал аккордеон, а из распахнутых окон доносилась лихая песня: «И в гавань приходили корабли, большие корабли из океана. В таверне веселились моряки и пили за здоровье капитана!» Видимо, курсант продолжал веселиться и после возвращения в училище, — его скоро вышибли оттуда, и все вернулось на круги своя. Поветрие морской романтики оказалось дешевым суррогатом.

Я на море попал, когда мне было за двадцать. Хотя я учился «на художника», в душе дремала на старте прежняя готовность осуществить старую мечту. И вот — сбылось...

В учебном отряде мне пришлось встретиться с мальчишками, вчерашними школьниками, которых привела в мореходное училище такая же мечта о море. По крайней мере, многих из них. На баркентине «Меридиан», где я работал, а они проходили практику, в полной мере высветилась разница во взгляде на романтику у тех и этих.

Мой одноклассник четко изложил кредо в любимых песнях. Ведь кроме той, что уже упоминалась, его репертуар изобилует моряками, которые «идут сутулясь, врываясь в улицы, а клещи черные ласкают брызги»: «И вот на берег сходят коряги-мореходы, а через час они уже «в газу». Таковы были те. А ЭТИ?

Их было много всяких и разных, но рассказать мне хочется об одном. Как и везде, я не называю фамилии,— мальчишка давно стал уважаемым капитаном.

Курсант, о котором идет речь, был невзрачный, щуплый и настолько мал ростом, что на складе не смогли подобрать соответствующей формы. Ее пришлось перешивать по фигуре, а фуражку заказывать в ателье.

Ко многому пришлось привыкать мальчишке. Осенняя Балтика штормила непрерывно. Мокро, скверно. Тревога за тревогой, аврал за авралом, и скользкая палуба, и мокрые жесткие паруса, и стальные снасти, и жесткий заспинник на пояснице, и волны, хлещущие в спину, когда раем кажется не слишком теплый кубрик...

Малец попал ко мне на фок-мачту, а я, надо сказать, любил поблуждать с курсачами «за жизнь». Меня интересовали мотивы, что привели их к такому выбору, и всегда радовало, если они совпадали. У нас с парнишкой нашлись такие точки. К тому же он никогда не ныл, первым бежал к снастям и не отказывался от работы.

В то время я зачитывался Грином, поэтому не удивился, что именно «Алые паруса» стали причиной появления мальчишки на баркентине. Он и сам не скрывал, что гриновская романтика осветила волшебным светом трудную морскую профессию. Глядя на трос или швабру в его руках, я с усмешкой вспоминал и «розу-мимозу» и капитана Гопа. В усмешке не таилась обида: те страницы, что оставляют в одной душе чувство благодарности за соприкосновение с прекрасной сказкой, рождают в другой желание претворить ее в жизнь. Это чувство сродни любви, а та всегда идет рука об руку с упорством в стремлении преодолеть и достичь.

Парусная практика закончилась через месяц. Не буду уверять, что малец очень изменился за это время. Несомненно, в нем происходили

изменения внутренние, что-то решалось и пересматривалось, в чем-то он укреплялся, что-то отрицал. Но когда парень появился на «Меридиане» через год, а нем появилась другая статья и окрепшее желание добиться своего.

А ведь несколько здоровяков, уверявших, что пришли на море «по велению сердца», ушли из училища, не выдержав очной ставки с морем.

Вы, конечно, обратили внимание на «тех» и «этих», но я делю их не в хронологическом аспекте, а в духовном. «Те» встречаются и сейчас, но и «эти» жили во все времена, и всегда разными были их души и мысли, отношение к людям и делу.

Мне кажется, романтика объединяет лучшие качества человека. Она, во всяком случае, предполагает, что у него что-то имеется за душой. А если ничего нет? Тогда самая романтическая профессия не избавит от нудной лямки обыденности и скуки, толкающей на бессмысленное хулиганство, а то и преступление.

Сейчас романтика парусов является только частью учебного процесса. Парусная практика не зря ставится в начале обучения, во время духовного становления моряка. В последующей работе ему, скорее всего, вообще не суждено столкнуться с парусами, но пока они являются тем лакмусом, на котором проверяются истинные качества человека, избравшего море своим партнером.

Романтика — не возвышенный флер, облакаивающий соблазнительным ореолом профессию моряка. Она должна стать глубинной подоплекой профессии, направляя поступки изнутри, сливаясь с духовной сущностью. Если это действительно так, если нет увлечения внешней стороной, атрибутикой, или, как мы говорим, «показухой», то можно верить в истинность выбора цели.

Показуха никогда не приводит к добру. Вспоминается водолаз, с которым пришлось плавать на спасательном буксире «Бдительный». Согласитесь, профессия водолаза тоже окружена ореолом романтики. Так вот, на буксире их было трое. Старшина и второй, постарше, оказались простыми парнями. Они часто помогали в работе нам, матросам. Третий, самый молодой, оказался иным. Высокий и сильный, он зачем-то отпустил бороду, которая не вязалась с синим матросским воротником и тельняшкой в вырезе форменки. Гонора у парня хватало. Он посматривал на нас свысока и, мне кажется, ему не хватало только надписи на лбу: «Водолаз».

По просьбе старшины мне приходилось делать на него карикатуры в стенгазету. Помнится, одна из последних появилась с подписью: «Он водолаз (на берегу!), а как под воду — «Не могу-у!» «Борода» злился, но выводов не делал. Пока редкие водолазные работы проводились на мелководье и в спокойной обстановке, ему все шло с рук.

Поздней осенью «Бдительный» пришел в Мурманск из Карского моря. Суда каравана помяло льдами, буксире тоже досталось, нам предстояла дальняя дорога в Калининград, и водолазы занялись осмотром подводной части судов. Дрянная погода и сильные течения затрудняли работу. Водолазов буквально рвало с подкильных концов, держась за которые только и можно было вести осмотр, поэтому несколько таких дней вымотали их.

Наконец все позади и можно уходить в море, и вдруг — чп. Якорь «Бдительного» что-то нашарил на дне, и это «что-то» крепко держало его. Глубины в заливе приличные, но вполне доступные для водолазов.

Под воду ушел тот, что был постарше других. Он сообщил, что лапы якоря запутались в огромной якорь-цепи, лежащей на дне. Сбросить ее он был не в силах, да и время пребывания на почти стометровой глубине ограничено. Зато подъем на поверхность совершался долго, с остановками для декомпрессии. Старшина, спускавшийся вторым, проделал часть работы, завершить которую предстояло «Бороде».

И вот он красуется перед объективом фотоаппарата, с которым, по его просьбе, пришли практиканты-мотористы. На «Бороду» натянули рубаху, навесили грузы, затянули «подхвостник». Он выглядел очень эффектно с круглыми ножнами на поясе, в которые завинчивается тяжелый водолазный нож, с черной бородой-лопатой над медью манишки. Однако, ступив на трап, «Борода» загрузил. Он сообразил, что работа на глубине существенно отличается от ползанья под брюхом судна, и отказался идти под воду.

Как его уламывали!

Уговоры не помогли, и на глубину снова ушел тот парень, что ходил к якорю первым. Два глубоководных погружения за день это, как говорится, не пампушки. При возвращении, на одной из промежуточных остановок, он, видимо, на какое-то время «забылся», не стравил избыточный воздух, и его выбросило на поверхность. К счастью, декомпрессионная камера оказалась наготове...

Романтическая шелуха и громкие слова облетели, а ореол «Борода» мог положить в рундук за ненужностью...

Так каким должен быть моряк? Однозначного ответа на вопрос не дашь. На том же буксире среди штурманов имелся свой «феномен». Им был третий помощник капитана, который совершенно не переносил качки. «Бдительный» же мог переваливаться с борта на борт не хуже Ваньки-встаньки: порой крен достигал полсотни градусов.

Стойкость нашего штурмана выгодно отличалась от поведения репортера-киношника. Того море десять дней выворачивало наизнанку. Отлежав их в лазарете, зеленый и похуевший, он ушел в Мурманске, не сделав ни одного кадра.

Пока один «помирал» в лазарете, второй, испытывая такие же муки, стоял вахту. Стоял, можно сказать, героически. Он приносил в рубку подушку и клал ее на столик для биноклей у лобового окна-иллюминатора. Когда штурману становилось совсем тошно, он припадал головой к подушке, чтобы перевести дух, потом снова брал пеленги, вел прокладку курса, словом, делал все положенное вахтенному помощнику.

Кого не заинтересует подобная стойкость? И зачем терпеть такие муки? Отвечая на мои расспросы, штурман не упоминал о романтике, а просто говорил, что уйти с моря выше его сил: «Уж лучше с подушкой, чем без нее и без моря...»

А в нем встречается всякий народ. Появляются молодые люди, при виде которых начинаешь думать, что они родились стариками. Восточная мудрость уверяет, что «мечты курицы не дальше мякины». Мечты молодых стариков начинаются джинсами и дубленками, а кончаются кейсами-дипломатами и десятком модных дисков. Обидно. Заход в очередной порт становится для них не частной деталью, связанной с профессией, а «сердечной привязанностью», основной целью.

Море — не прилавок с барахлом. Это мир, в котором не интересно жить, если не знаешь, не понимаешь и не любишь его. Рано или поздно он отторгает чуждые частицы.

Работая на траулерах, я многое узнал о море. Каждый трал был открытием. Такого разнообразия форм, красок самых волшебных, форм самых удивительных не встретишь, пожалуй, нигде. Игра сверкающих трепещущих движений настолько потрясала, что хотелось без конца любоваться ими. Я не был одинок в таком желании, но находился хотя бы один, для кого океан значил не больше тазика с соленой водой.

Володька был моим бригадиром-тралмастером и, признаться, неплохим специалистом. Причины взаимных стычек оставались постоянными. Я, отстояв восьмичасовую вахту, вместо того, чтобы идти спать, а через восемь часов явиться на сме-

ну свежим и отдохнувшим, забирался в укромный уголок и писал этуод или потрошил какого-нибудь фахака или омара. Он пилил меня, так как не понимал странного и, на его взгляд, никчемного увлечения «всякой дрянью». Бригадир не признавал увлеченности, ни прочих «штучек-дрычек», и в этом отношении был ясен, как столб.

Однажды я не выдержал и все-таки спросил его, почему он не питает интереса к морской живности, или простого любопытства к «штучкам-дрычкам». Ответ я предугадывал, и он оказался равнодушно спокойным: «А мне хоть дерьмо в море возить, — лишь бы деньги платили...»

Через год я встретил его на берегу. Он работал в сетевом цехе и не вспоминал о море, а еще через год перешел в снабженцы...

Как видите, в море идут не одни романтики. Отнюдь. Не скажу даже, что отношение тех и других «фифти-фифти», пятьдесят на пятьдесят. Я не статистик, да и в этом ли дело? Повторяя слова капитана баркентины «Тропик» Вадима Владимировича Чудова, отвечаю: «С морем тот в ладу, кто настроил душу в лад с волной».

Чудов знает толк и в море, и в парусах, и в людях. По нему, как по компасу, хорошо сверять курс жизни. Вадиму Владимировичу сейчас за шестьдесят, но он по-прежнему «на палубе» и ведает в Министерстве рыбного хозяйства безопасностью мореплавания. Совсем недавно он улетел по делам в Марокко.

Мы виделись весной прошлого года. Я приехал по делам в Москву и, как только освободился, тотчас приехал к нему. Разговор, естественно, пошел о «Тропике» и «Меридиане», о товарищах. «А помните?..» — «А помню?».

О многом вспомнилось в тот вечер... Вспомнили и о том, как «Тропик», под командой Чудова, влетел в узкую щель Пионерского порта, а с берега, затаив дыхание, следили многочисленные зрители: под парусами решиться на такое! Но капитаны баркентин не зря учили курсантов — теперь с ними можно было решиться на многое!

А было время, когда баркентины гнили, превращенные в склады. Чудов не был бы романтиком, если бы не вернул их из небытия. Многочисленные поездки в Москву принесли желанный результат, и вот перед ними «солнце выдвигается, и воды Атлантического пылают солью...» Пройдут годы, но сколько моряков будет с благодарностью вспоминать время, проведенное на их палубах!

Со временем изнасились деревянные корпуса судов. Я знал, что «Меридиан» стоит в Клайпеде, пре-

вратившись в ресторан-поплавок. О судьбе «Тропика» Вадим Владимирович сказал насупившись, нехотя: «Тоже превратили в кабак. Сгорел... Причин не знаю».

Мы стали жить лучше, появилось множество вещей, а это породило кое у кого не чувство удовлетворения, а желание хватать, покупать, копить, иметь больше, наконец, мы заговорили о престижности вещей. Откуда-то вылезли юркие и ловкие дельцы, способные все достать. Даже книги — книги! — они сумели превратить в источник барыша. Для них романтика — платок тореадора, отвлекающий маневр. Совершив его, дельцы бросают романтику у дверей и вытирают ноги. Бытует фраза: «Романтика предвечных пятилеток». Она несла с собой не только пафос станков и труб, домен Магнитки и рельс Турксиба. Строилась новая душа человека, и когда грянула война, первыми встали на защиту построенного мира именно романтики, сотворившие в те годы не только могучую экономику, но и себя.

Другой нынче стала техника и возможность людей, но разве исчезла романтика на полярных станциях, в песках Мангышлака, на высокогорных астрономических обсерваториях, у нефтяников-первопроходцев в болотах тюменского севера, в цехах заводов и лабораториях ученых?

Ее география не стала меньше. Наоборот, она расширилась, как расширились наши представления о ней. Романтика шагнула в космос, добралась до ледяного купола Антарктиды, помогла достичь спортсменам невиданных вершин, дала хлеб казахстанской целины, проложила каналы в Средней Азии, создала рукотворные моря...

Она везде, и должна быть везде. Только искренность и увлеченность приводят к романтике, а она и есть удовлетворение сделанным, сознание нужности этого дела. Все, к чему мы прикладываем душу, неизменно сопутствует ей. Романтика не позволяет ломаться под грузом жизненных обстоятельств, не дает человеку превратиться в мытика и брюзгу, помогает обрести веру в себя. И тогда в душе и за душой — прекрасная мечта!

«И нет насыщения жизнью...»

К 70-летию

Ксении Некрасовой

Поэта Ксению Некрасову даже среди прилежных читателей стихов знают не все. Хотя ее созданиями восхищались такие взыскательные мастера, как Н. Асеев, А. Ахматова, Ю. Олеша, М. Светлов, А. Толстой, А. Фадеев, С. Щипачев, издавалась она несправедливо скупо. Достаточно сказать, что при жизни [1912—1958] у нее вышла лишь одна, в три с небольшим десятка страниц, книжечка. По существу, стихи К. Некрасовой стали обретать известность лишь после смерти их автора; особенно хотелось бы обратить внимание на ее книги, пришедшие к нам в последнее десятилетие — «Стихи» [1973] и «Мои стихи» [1976].

При кажущейся элементарности название последнего сборника исчерпывающе точно. То, что собрано в любой из пяти книг Некрасовой, мог написать только один человек — их автор.

«Косноязычны сердцем мы, и много чувств не названо словами». Некрасова владела тайной перевода «на человеческую речь» самых неназываемых чувств. Таких, как любовь: «Когда стоишь ты рядом, я богатею сердцем, я делаюсь добрей для всех людей на свете». Как патриотизм: «Я долго жить должна — я часть Руси». Как красота: «Было скрипачу семнадцать весен, И, касаясь воздуха смычком, юноша дорогой струн выводил весну навстречу людям».

При всем многообразии поводов, побуждавших «воображение сердца», самородные строки Некрасовой всегда славят чудо и счастье жизни. С мира, увиденного предельно конкретно и осязаемо, сорван покров будничного и привычного: «И нет насыщения жизнью — и хоть сто лет на земле живи — утоления нет рукам, наглядения нет глазам».

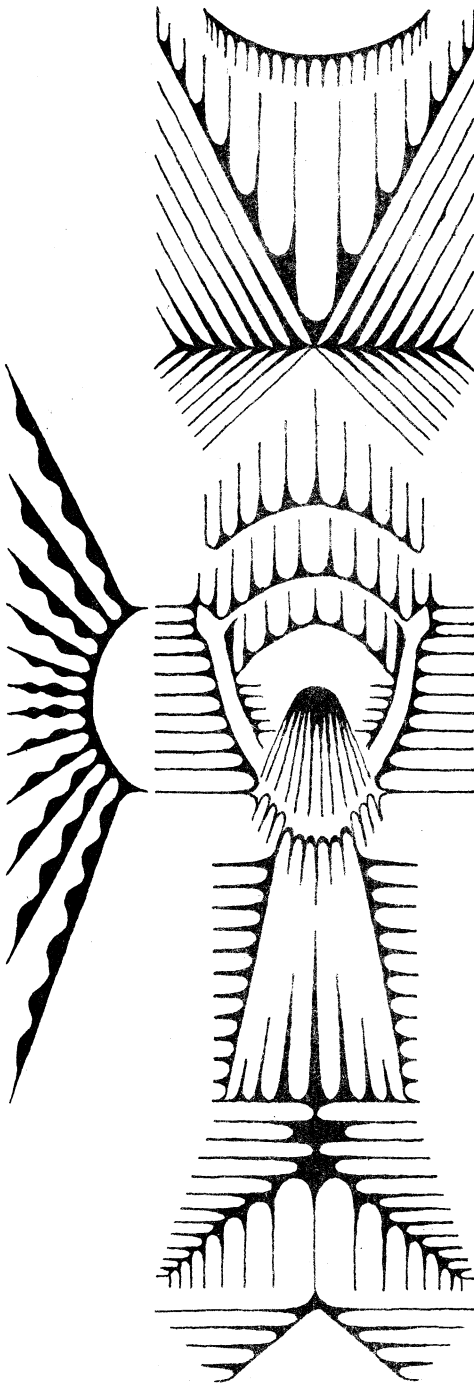
Взгляд поэта на действительность по-детски чист и непосредствен, но нисколько не инфантилен. «Единенье жизни и искусства» в том для Некрасовой и заключалось, «чтобы все, что видишь, все, что понял, от себя народу передать». Иначе и не могло быть для человека, который «добро ли совершить или написать стихи» понимал как поступки синонимичные.

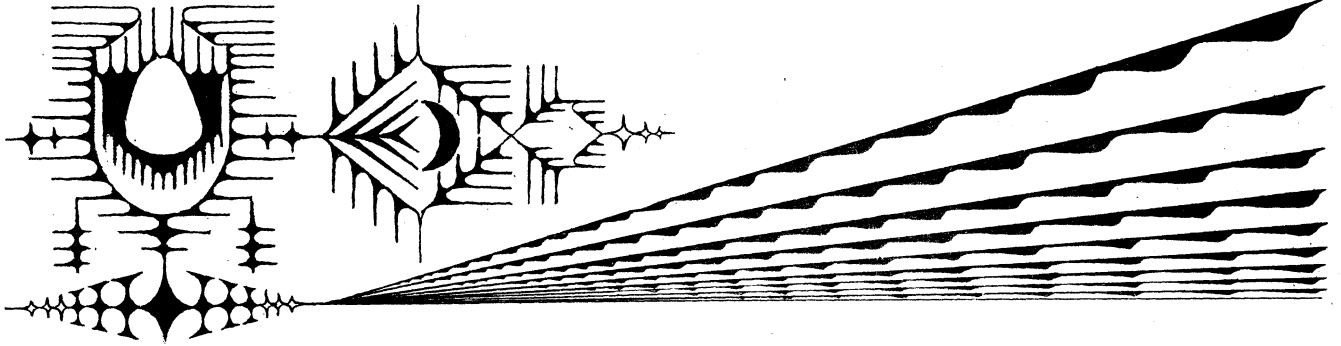
О неизбывном желании поделиться с «гражданами моей страны» переполняющими сердце поэта чувствами красоты и добра свидетельствуют и те строки Ксении Некрасовой, которые отобраны для «Уральского следопыта» в ее личном архиве, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

Предлагаемые стихи написаны в разные годы и входят в разные тематические циклы.

В прозаических заметках «О себе» автор рассказывает о том, как начиналась ее «дружба с жизнью». Радостный свет первых, не детских даже — младенческих впечатлений озарил все последующие дни ее судьбы. И в лучах этой радости померкли горести и лишения, которых на долю Некрасовой выпало так много. Духовное в биографии поэта торжествует над обыденным, вот почему «приходят и уходят беды, а в конечном счете остается солнце, утверждающее жизнь».

Утверждению жизни и посвятила все свое творчество родившаяся на нашей уральской земле Ксения Александровна Некрасова.

Ксения
НЕКРАСОВА

О СЕБЕ

Бывают у человека два рождения. Первое рождение — это когда появляется человек из утробы матери и второе рождение — это когда человек начинает ощущать вокруг себя мир и вещи.

Обыкновенно второе рождение происходит, самое раннее, в два года, а более позднее — в четыре, в пять лет.

Первое рождение человек не помнит, во втором начинает все понимать и ощущать мир.

Я открыла глаза и увидела небо. Я не знала еще, что это небо. Огромный воздух, наполненный синевой, был, как великий немой, без единого звука. Может быть, и не надо было слов, потому что я еще не понимала человеческой речи, но голубое пространство, теплое и мягкое, прикоснулось ко мне своей поверхностью, и от этого прикосновения мне было очень хорошо и радостно — что вот я дышу и ощущаю его горячее (приятное) прикосновение.

А до этого, как я узнала после, когда выросла, у меня болели отчего-то глаза и все тело. И бинтовали, и лечили меня. Каждый день сдирали марлю с моих глаз и причиняли мне тем невыносимую боль.

А это мгновение, о котором я говорила выше, было в то утро, когда врач снял повязки с моих глаз и сказал, что я буду жить. Так я впервые познакомилась с первым предметом на земле — НЕБОМ.

Детство мое прошло великолепно на шахтах в системе Егоршинских каменных копей, между Ирбитом и Шадринском около деревни Ирбитские Вершины*. По одну сторону — село Елкино, по другую росла я без нянек и гувернанток на полной свободе.

Отец — горный инженер — был взят на войну (1-ую империалистическую). Мать дома оставалась, и я ходила куда хотела, то есть в огород, в сад, в лес с товарищами.

Огород — это была таинственная местность, где жили разные враги, с которыми можно было сражаться, прежде чем добраться до грядки с морковью, горохом и репой. Мы брали длинные палки. Кто-нибудь изображал из себя Ермака, а остальные — войско. Так мы ходили покорять крапиву, лопух и репу. Когда в огород поставили пугало, то все наполнилось таинственными тенями, зву-

ками... И тогда мы стали говорить шепотом, двигаясь друг за другом на цыпочках, боясь спугнуть кого-то или разбудить.

Огород наш зарос по колено травой, цветами, маками, коноплей, запах которой, вот уже сколько лет прошло, я помню.

А за огородом был лес. Огромные стволы лежали поваленные от времени и обросшие лишайником и мхом. И даже на осинах, на этих поваленных деревьях, росли незабудки. Когда нога ступала на листья, на траву, то проваливались мы по колено — так был стар лес. Очень мне нравились березовые рощи, смешанные с кустарником, потому что там больше цветов, чем в сосняке или пихтовнике.

В лесу мы не играли, а только шли, шепотом переговариваясь о леших, старичках-лесовичках, которые присутствуют под корнями и под пнями. Много родников у нас было с прозрачной холодной водой, очень вкусной.

Веснами мы пили березовку, которую собирали в бутылки, подвязанные к березе, чтобы стекал сок. Ходили также в сосновый бор, где снимали с деревьев кору и брали соки, напоминавшие студень. Он был вкусен и пах медом и сосной, и смолой.

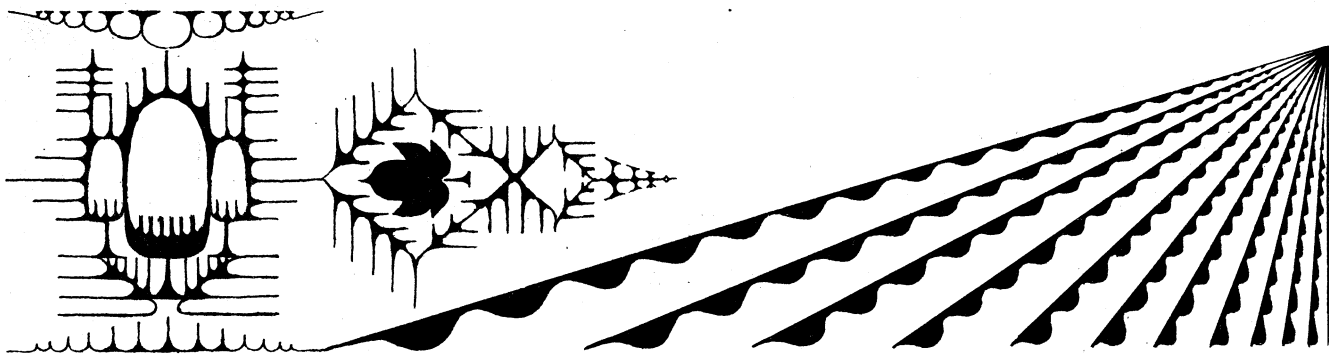
Особенно хороши были у нас весенние разливы, когда река Исеть выходила из берегов и сливалась с другой рекой в голубое море. А жили мы на горке, и вода не доходила до нас. Умываться ходили к разливу и видели, как солнце всходит прямо из воды. Иногда на льдинах проплывали корыта, свиньи, коровы, телята — плыли и плыли...

Ранней весной мы любили ходить за подснежниками на увалы. Обыкновенно кругом лежал снег и между снегом — маленькие проталинки, а на этих проталинках росли подснежники, как чашечки из пяти лепестков, доньшко золотое, на стебле меховые рожки. Любили мышиный горошек; он ничем не пахнул.

А еще всегда поражала ранней весной земля на пашне. Черная, из-под снега, земля напоминала мне какую-то драгоценную материю — лучше, чем бархат.

*. Ныне — Сухоложский район Свердловской области (Л. Б.).

Вождь

«Главное на земле — Люди!» —
сказал Ленин
и положил в изголовье
вечность.

Шахтерский поселок на Урале

На берегу

тишайшей Ирбитки
стоят шахтерские дома.
В одном, как в большинстве,
живет забойщик,
но из любви к ремеслам
он в отдых мастерит из дерева предмет:
он выточит его

и выкрасит
в растертый на олифе малахит
и на зеленый фон
птиц розовых посадит.
От этого и дом его отличен
от тех домов,
где занимаются слесарным мастерством
или цветы и овощи разводят.

Цвели липы...

Бледно-зеленые цветы
роняли желтую пыльцу,
мечтательность
у юных вызывая
и у седых — воспоминание о прошлом.

Любовь, как сдвинутое
небо,
к нам приближает пламень
звезд.

Жизнь ты моя,
жизнь,
все состариться норовишь.
Погодила бы сечь лицо,
погулять бы еще в молодых...

Море

Море требует, чтобы на него смотрели.
И когда ты в молчании постоишь,
поглядишь на него,
море разрешит полюбить себя
и останется в сердце твоём навечно.

Имею ль право
я совет держать —
сама лишь лепечу
несложными словами,
о клены истин
разбивая лоб.
Но мы должны
указывать пути сердцам —
поэты мы
и время с веком
обвенчало нас.

Вступительная заметка и
публикация Леонида БЫКОВА

Рисунки
В. Меринова

ПОИСК: РАЗВЕДКА,

● Много в северодвинских школах есть музеев. Но музей, созданный в школе № 23, особенный: он рассказывает о первостроителях Северодвинска. Недавно в школе прошла встреча с Г. С. Шалль и Е. И. Павловой, приехавшими из Москвы, — это они в 1936 году с партией геодезистов прибыли на место будущего города.

● Музей уральской поэзии создан в школе рабочей молодежи в городе Первоуральске. Книжки и экспонаты рассказывают о творчестве С. Щипачева, Л. Татьянической, Б. Ручьева, Н. Куштума, Е. Ружанского, И. Тарабукина и других поэтов Урала.

● Рукописная книга об односельчанах — участниках Великой Отечественной войны создана в селе Ульянов Киренского района Иркутской области. Она написана по материалам поиска следопытов и краеведов. Книга передана на вечное хранение в сельский Совет.

● Неизвестный науке вид ископаемого морского животного обнаружен с помощью краеведов ульяновской школы № 31. Остатки древнего животного найдены на каменистом берегу Волги. Палеонтологи определяют возраст рептилии в 150 миллионов лет; обитала она в морях, некогда покрывавших территорию Поволжья.

● Герою Советского Союза девушке-санинструктору Валерии Гнаровской посвящены экспонаты музея но-

вотрицкой школы в Запорожье. Недавно в музей передан короткометражный фильм «Я верю», снятый кинолюбителями Вольнянского завода столовых приборов и рассказывающий о работе следопытов.

● Открыт мемориальный зал в средней школе районного центра Большая Берестовица Гродненской области; он посвящен известному партийному и государственному деятелю, сыну белорусского народа С. О. Притыцкому.

● В гостомльской школе на Орловщине — одной из старейших школ, построенной еще в 1875 году на деньги крестьян, есть музей известного русского писателя Н. С. Лескова. Более двухсот экспонатов собраны следопытами, учителями, жителями ближайших деревень — потомками героев лесковских книг.

● Учительская слава — тема поиска следопытов Ильичевского районного Дома пионеров в Павлодарской области. На открытие экспозиции «Сердце отдаю детям» приехали учителя-ветераны, о многих из них рассказывают экспонаты. Заслуженный учитель Казахской ССР И. И. Поминов, которому в 1939 году всесоюзный староста М. И. Калинин вручил орден Трудового Красного Знамени, передал в дар новому музею свой пионерский галстук.

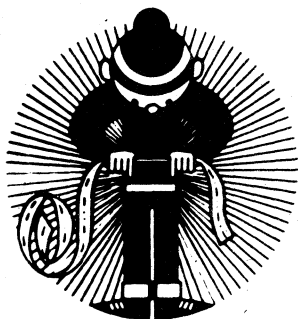
● Пятнадцать лет существует в детской музыкальной школе № 1 Мос-

квы музей С. Прокофьева. К 90-летию со дня рождения выдающегося советского композитора экспозиция пополнилась неизвестными ранее фотоснимками, ксерокопиями детских сочинений, новыми монографиями.

● Морякам Днепровской военной флотилии, созданной в 1919 году по указанию В. И. Ленина, посвящен музей пинской городской школы № 2. В годы иностранной интервенции потомки героев Гангута и Синопа громили белополяков и банды контрреволюционеров на Украине и в Белоруссии. Покрыли себя славой моряки Днепровской флотилии и в годы Великой Отечественной войны. Экспонаты музея рассказывают о боевом пути днепровских моряков.

● На урок мужества в школу № 14 города Невинномыска пришла член организации «Молодая гвардия» Ольга Ивановна Иванцова. Ребята услышали подробный рассказ о борьбе молодых подпольщиков в Краснодаре. Такие встречи часто проводит в школе военно-патриотический клуб «Гренада».

● Большая дружба связывает ребят карагандинской школы № 100 с коллективом производственного объединения «Центрказгеология». Геологи ведут занятия, руководят полевой практикой школьников. В школе создан геологический музей, экспонаты для которого ребята привозят из геологических экспедиций.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

ТВОРЧЕСТВО, ОТКРЫТИЕ

• «Подземные» саперы

Тяжелыми были бои на высоте Безымянная у села Грузино Новгородской области в 1942 году. Высота оказалась занята фашистами, наши стояли в низине. Решено было сделать подкоп — взорвать вражеские укрепления.

Бойцы 577-го отдельного саперного батальона прорыли на глубину семи метров стометровый подземный ход. Оставалось сделать разветвляющие ходы — тогда взрыв захватил бы большую площадь. И тут фашисты обнаружили вход. На двукратное предложение сдаться саперы ответили стрельбой. Тогда гитлеровцы взорвали вход. Восемь бойцов оказались замурованными.

Следопыты из кружка «Юный историк» ярославской школы № 36, собирая материалы о стрелковой дивизии, в которую входил саперный батальон, узнали о подвиге саперов. Они добились, чтобы на подкопе были организованы вскрышные работы. Вместе с ними работало отделение воинов-саперов; технику выделили местные организации.

Останки саперов были найдены в обшито деревом лазе и перезахоронены с воинскими почестями в братской могиле. Но имена их оставались неизвестными: документы в земле истлели.

В дальнейшем поиске следопытам очень помогли бывший военфельдшер В. Г. Аферова, бывший командир саперного батальона Н. В. Попов, который в дни боев за высоту Безымянную находился в госпитале, Центральный архив Министерства обороны СССР. Удалось узнать фамилии всех восьмерых.

И пошли следопытам письма: «В 1942 году наша семья получила известие, что дедушка пропал без вести. Тридцать восемь лет мы не знали о его судьбе...» И так — о каждом. Недалек тот день, когда ребята из кружка «Юный историк» соберут родных и близких героев. Встреча состоится на месте подвига «подземного» гарнизона.

• Шагнувший в неведомое

Посетителей, входящих в Дом культуры Свердловского авиапредприятия, сразу привлекает портрет летчика Григория Яковлевича Бахчиванджи. Надпись под портретом лаконична: «Совершивший первый полет на реактивном самолете». Тут же — снимок самолета БИ-1, который впервые поднялся в уральском небе.

О летчике, погибшем в мирное время, при испытании принципиально новой техники, рассказывают документы, фотографии, письма. Все подробности яркой жизни Г. Я. Бахчиванджи восстановили следопыты школы № 60 поселка Кольцово, совет ветеранов и работники авиапредприятия. Выписки из личного дела, летная характеристика, Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Бахчиванджи орденом Ленина. Этим орденом Григорий Яковлевич был награжден еще за фронтовые подвиги.

Здесь же и материалы о соратниках героя, в частности о его дублере К. А. Груздеве, биография которого столь же интересна: воевал в Испании, на Дальнем Во-

стоке, имеет триста боевых вылетов. Он также погиб при испытании нового самолета.

Оба пионера-испытателя похоронены в уральской земле. Земляки свято берегут память о людях, открывших эру реактивных самолетов.

• «Витязь в тигровой шкуре»

Экспонаты этой экспозиции поистине уникальны. Даже трудно поверить, что собраны они следопытами школьного музея. Тем не менее это так. С 1942 года в тбилисской средней школе № 1 собирают материалы по народному образованию в Грузии начиная с XIX века.

Здесь собраны свидетельства подвижнической деятельности выдающегося грузинского педагога Якоба Геgebашвили, на рабочем столе его, как дань признательности современников, стоят цветы. Рядом с древнейшим эпиграфическим памятником — муляжом надписи из средневекового храма Болнисский Сион — представлены образцы письменности, отражающие развитие грузинского алфавита, фоторепродукции страниц древних рукописей, снимки Тао-Кларджетских центров просвещения и литературы, художественные полотна «Вахтанг VI в типографии», «Сулхан Саба Орбелиани». Царь Вахтанг VI основал первую грузинскую типографию; Орбелиани — писатель-просветитель, составивший толковый словарь грузинского языка.

На видном месте выставлена жемчужина грузинского эпоса «Витязь в тигровой шкуре» — рукописный текст, переписанный в 1840 году неким человеком по имени Симон Руги.

Много экспонатов, представляющих советский период.

• Один из матросовцев

Много писем получили учащиеся школы № 1 в Северо-Енисейском, которая носит имя Героя Советского Союза Ефима Белинского, — от следопытов других школ в разных городах, от однополчан героя... Но одно письмо представляет для школьного музея особую ценность. Написано оно в военные годы комсоргом части, в которой служил Е. С. Белинский. В нем рассказывается о подвиге молодого офицера.

В декабре 1944 года Ефим Белинский с группой захвата проник на передний край вражеской обороны. Когда по разведчикам стал бить гитлеровский пулемет, лейтенант Белинский прополз через минное поле и гранатой заставил пулемет замолчать. В это время немцы открыли огонь из другого дзота. И тогда Ефим Белинский лег на амбразуру, дав возможность товарищам-разведчикам взять пленных и отойти.

«Ваш сын отличился в первом же бою, — писал в письме матери героя комсорг части. — На реке Проне в Белоруссии под шквальным огнем он перевязал телефонным проводом штурмовой мостик на переправе, чем обеспечил безостановочное движение наших частей. Получив ранение, он попал в госпиталь. Еще не зажили раны, как он сказал врачам: «Долечиваться будем после войны», и досрочно вернулся в часть».

И. И. Иванов

П. Т. Харитонов

М. А. Борисов

НО СБИТЬ...

**Александр
КОВАЛЕНКО**

«...Вместе с противником я снизился до высоты примерно в 2500 метров. И тут у меня кончились боеприпасы. Можно было преследовать врага и дальше. Но что толку! Он на одном моторе мог лететь еще довольно долго и все равно ушел бы. Оставалось одно — таранить. «Если я погибну, так один, — подумал я, — а фашистов в бомбардировщике четверо...»

Виктор ТАЛАЛИХИН

— Товарищ старший лейтенант! Боевая тревога! Боевая тревога!..

И второй раз прозвучали эти слова — явственно, со стуком в окно. Иванов понял, что это не сон. Поспешно оделся, перекинул через плечо ремешок планшета, схватил чемоданчик. Экономя секунды, выпрыгнул в окно и побежал по дороге, ведущей к аэродрому.

За околицей дорога спускалась к речке. На мосту уже кто-то бежал. Из-за реки доносился гул моторов.

Иванов все хотел понять, в чем же они подкачали на инспекторском смотре, и не находил ответа. Всего несколько часов назад закончился разбор учений, всё прошло удачно, многие командиры получили увольнение и уехали с аэродрома в город.

Иванов решил, что тревога объявлена специально для проверки летчиков-ночников. Не очень-то удачное время выбрано, однако, для проверки: была та пора суток, когда самая короткая ночь, когда рассвет, погасив звезды, словно смывал разлитую в небе темноту...

Краткий рапорт о прибытии в распоряжение эскадрильи. Пароль на ходу часовому и — бегом к самолетам. Три И-16 уже отвязаны от стопоров.

Механик видел, как старший лейтенант, забравшись в кабину, быстро проверил машину, зарядил пулеметы. Раздалась знакомая команда: «На вылет!»

А за ней — вот оно, объяснение, от которого все сжалось внутри:

— В воздухе гитлеровцы! На перехват! Квадрат номер...

Тройка истребителей взмыла вверх. Командир звена глянул на ведомых — они шли за ним, уверенно набирая высоту.

Утро было ясное, безоблачное. Отчетливо виднелись гряды холмов, зеленые лесные островки. Иванов поднял левую руку, сделав ею круговое движение, что означало:

Н. Г. Лесконоженно

А. С. Хлобыстов

Б. И. Ковзан

Е. И. Зеленко

без патронов

«Лучше смотри вокруг», и летевший справа Кондранин повторил его движение. Конечно, будь на самолетах рации, истребители получили бы сообщение о точном нахождении врага: с земли уже была замечена шестерка фашистских самолетов, летевших с запада.

Лишь вчера летчики по картинкам и силуэтам учились распознавать чужие самолеты. А сейчас наяву увидели надрывно гудящие «Хейнкели-111». Над аэродромом нехстати взвились сигнальные ракеты. Откуда-то издали донесли взрывы.

«Хейнкели», пролетев стороной от аэродрома, сделали правый разворот и выстроились в пеленг. Иванов покачал крыльями, и звено истребителей устремилось на ведущего. Так учили: надо атаковать ведущий самолет — на нем обычно наиболее опытный штурман, на нем — командир эскадрильи; собьешь такую машину — нарушишь строй.

Уже видны в оптический прицел черные кресты. Тройка истребителей против шестерки бомбардировщиков. Сухо затрещали пулеметы. Под крылом одного «хейнкеля» взвился шлейф дыма, остальные бросились наутек.

Ведомая пара наших истребителей отвалила и пошла на свой аэродром. Иванов по опыту знал: маневрируя за ведущим, ведомые больше израсходовали горючего. Он пропустил их на посадку и тоже начал разворачиваться, следя за воздухом. Нет, он не зря был настороже: вынырнувший из-за холмов «хейнкель» устремился прямо в сторону аэродрома — там приземлялись советские самолеты, там, на месте, их можно было уничтожить как две неподвижные мишени...

Офицеры, спешившие по боевой тревоге из города на аэродром и только что наблюдавшие воздушный бой, по дерзкой атаке истребителя, по тому, как предельно близко пронесся он возле «хейнкеля», поняли: Иванов

атакует, атакует, когда в пулеметах ни одного патрона, атакует, когда горючее на исходе... Они поняли, что он хочет сбить с курса бомбардировщик. Но отлично тренированный фашист, отвечая пулеметным огнем, неуклонно летел к аэродрому.

И тогда, прибавив скорость, Иванов бросил свой истребитель на тяжелый «хейнкель». Бомбовоз, потеряв управление, развалился на куски и врезался в землю.

Небольшая высота не позволила советскому летчику выбраться на парашюте...

...Долгие годы я занимался поиском людей, совершивших воздушные тараны в период Великой Отечественной войны. Приходило очень много писем, писали очевидцы, на глазах которых совершались тараны, называли местность, время. Это письмо пришло от гвардии майора запаса В. Нараваткина из Львова: «...22 июня воздушный таран был совершен в небе Украины. Вместе с письмом посылаю вам один лист из истории авиаполка. Из него видно, что уже через 25 минут после нападения врага летчики истребительного полка поднялись по боевой тревоге, и командир звена старший лейтенант Иван Иванович Иванов совершил воздушный таран».

Центральный архив Министерства обороны СССР подтвердил:

«Иванов Иван Иванович, старший лейтенант, командир звена 46-го истребительного авиационного полка Киевского Особого военного округа. Родился в 1909 году в деревне Чижово Щелковского района Московской области. Русский. Член КПСС. Подвиг совершил 22 июня 1941 года. В 4 часа 25 минут утра таранил вражеский самолет. Погиб». В послужном списке И. И. Иванова записано так же: «Погиб при таране фашистского самолета ХЕ-111 в 4 часа 25 минут утра 22 июня 1941 года». Это был первый в истории Великой Отечественной войны воздушный таран, совершенный советским летчиком.

По данным на сегодня, 13 человек применили таранный удар в первую ночь и в первый день войны — 22 июня 1941 года. Вот их имена:

Иванов И. И., старший лейтенант.
Бутелин Л. Г., младший лейтенант.
Рябцев П. С., лейтенант.
Мокляк А. И., старший лейтенант.
Гудимов С. М., лейтенант.
Протасов А. С., капитан.
Панфилов Е. М., младший лейтенант.
Данилов А. С., старший политрук.
Кузьмин П. А., старший лейтенант.
Ковтун И. И., лейтенант.
Лобода В. С., лейтенант.
Игнатьев Н. П., младший лейтенант.
Кокорев Д. В., младший лейтенант.

Больше половины летчиков из этого списка сумели спасти свои машины и продолжали бить ненавистного врага.

А всего в Великую Отечественную войну более 500 раз советские летчики таранили в небе вражеские самолеты, и никто не может пока поручиться, что эта цифра окончательная.

Время вносит свои коррективы и в события давно ушедшие. Легендой и славою овевано имя Героя Советского Союза Виктора Талалихина. Энциклопедии пишут про него: «В ночь на 7 августа 1941 года впервые произвел таран в ночном воздушном бою, сбив на подступах к Москве вражеский бомбардировщик». Но даже энциклопедии ошибаются.

Темной ночью с 28 на 29 июня 1941 года в районе деревни Головино Истринского района Московской области старший лейтенант П. В. Еремеев на своем МИГе таранил вражеский бомбардировщик и сбил его. «Юнкерс», разнесенный в куски от удара Еремеева, упал недалеко раньше, чем «хейнкель», разбитый Талалихиным. В предрассветной мгле 25 июня 1941 года старший лейтенант, зам. комэска 146-го истребительного полка К. П. Оборин таранил вражеский самолет и сбил его. Ровно через два дня после Талалихина такой же ночной таран совершил старший лейтенант В. А. Киселев...

Их было много, талалихинцев, — до и после него. Просто тогда мы знали только Виктора Талалихина. И нет ничего несправедливого в том, что он стал героем. Он и сейчас остается символом героизма советских летчиков, олицетворением подвига сотен других.

«Думал ли я в тот момент о своей жизни, понимал ли, что столкновение может стать гибелью? — вспоминал Герой Советского Союза С. И. Маковский о том, как в мае 1943 года в бою над Кубанью он шел на таран фашистского истребителя. — Нет, я не думал об этом. Я знал, что внизу бьются друзья, что им тяжело, и если гитлеровец прорвется туда, им еще тяжелее станет. Значит, надо уничтожить его, а уж каким способом — значения не имеет. И если я вообще о чем-нибудь думал в те секунды, когда дистанция между нами сокращалась, то только об одном: не дать фашисту подойти к воздуху к месту боя».

Таран был вызван не отчаянием, как утверждают авиационные специалисты на Западе, не случайным столкновением в бою. Нет, это не вынужденный обстановкой прием боя, обусловленный мастерством, расчетом, выдержкой. Гитлеровские асы, обладая высшим пилотажем, всегда уклонялись от тарана: нет примеров, когда бы фашистский летчик таранил наш, советский, самолет.

Таран — это еще и беспредельная храбрость, сознательный акт самоотверженности и бесстрашия.

Да, был риск для жизни. Но первые же тараны показали, что точный расчет удара может сохранить жизнь и пилоту, и машине. История Великой Отечественной вой-

ны знает немало примеров, когда тараны совершались одним летчиком и дважды, и трижды...

Младший лейтенант Петр Харитонов таранным ударом сбил «юнкерс» 28 июня 1941 года. Это был его первый бой. Летчик слишком заспешил и спохватился, когда расстрелял все патроны. У его, ставшего беззащитным, самолета к тому времени оказался пробит масляный бак, протырованы стабилизатор и элерон. Истребитель Харитонова уже находился в «мертвом» пространстве: чтобы расстрелять врага в упор, хватило бы даже одной очереди, короткой пулеметной очереди... Но где их возьмешь, эти десять патронов? И тогда Харитонов решил сбить без патронов. В мгновение ока исчез просвет между хвостом бомбардировщика и носом истребителя, удар винта — и «юнкерс», перевалившись на нос, всплеснул огнем и дымом.

Погнутый винт тянул машину через силу. Чувствуя, что самолет еще послушен, Харитонов решил не прыгать с парашютом. Истребитель сел на аэродром подбитой птицей... А спустя полтора месяца Петр Харитонов снова таранил и сбил вражеский самолет — на этот раз не винтом, а крылом, и не «юнкерс», а «хейнкель». Дважды Герой Советского Союза Петр Тимофеевич Харитонов ныне подполковник запаса, живет в Донецке.

Дважды в одном бою 2 ноября 1941 года сбил фашистские «юнкерсы» лейтенант Н. Г. Лесконоженко. Пилот погиб при посадке.

Два тарана в одном бою под Новороссийском 10 августа 1942 года совершил летчик-истребитель младший лейтенант М. А. Борисов. Начав бой, он первым атаковал ведущего и сбил его. Машину охватило пламя, и пилот имел возможность покинуть ее и приземлиться на парашюте. Вместо этого летчик на предельной скорости таранил пылающей машиной фашистский бомбардировщик, а при падении сумел направить самолет и отрубить хвост еще одному стервятнику. Три сбитых самолета — за один воздушный бой, два из них — тараном... Летчик Черноморского флота М. А. Борисов, имевший на счету сто боевых вылетов, погиб в этом неравном бою. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

...Лейтенант Алексей Хлобыстов воевал в мурманском небе. 8 апреля 1942 года шесть советских истребителей приняла бой с 28 вражескими самолетами. Хлобыстов правой плоскостью своего «ястребка» ударил по одному «мессершмитту». Догнав прорвавшийся к городу другой самолет, он сбил тараном и его. Через месяц успешно таранил снова. А. С. Хлобыстов погиб в неравном бою зимой 1943 года.

Было и четыре тарана...

Герой Советского Союза капитан Борис Иванович Ковзан награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени. Более двадцати орденов и медалей на его груди говорят лучше всяких слов о мастерстве, мужестве и отваге прославленного советского аса. Имя его широко известно в нашей стране. После окончания войны Борис Иванович продолжал служить в авиации и учил мастерству молодых летчиков.

Сейчас Б. И. Ковзан находится в отставке, но он по-прежнему — частый гость школьников, студентов, рабочих, молодых воинов. Ему есть что рассказать.

...На фюзеляже давно не новенького «Яка», на котором летал двадцатилетний пилот Борис Ковзан, красовались четыре алые пятиконечные звездочки. Шестой месяц шла война. Четыре самолета сбил за это время молодой летчик. Конечно, еще не матерый ас, но уже и не новичок.

Ранним ноябрьским вечером Борис в одиночестве возвращался на аэродром. Вылет был неудачным, досадно неудачным. Летчик провозжал на штурмовку «Ильи», а четыре «мессера» отжали его далеко в сторону. Один из них в конце концов задымил, но от остальной тройки Борису пришлось удирать.

Усталый и в скверном настроении Борис тянул до-

мой. Никаких встреч он не искал: боезапас был почти расстрелян. Напротив, он как укрытие использовал каждое облачко.

Одинокий Ю-88 появился перед ним неожиданно. Летел он на запад, и входил, видимо, в одну из рассеянных нашей авиацией эскадрилий, бомбивших Москву.

Добыча была слишком соблазнительной, чтобы от нее вот так сразу отказаться. Борис положил машину на боевой курс и нажал на гашетку. Пулемет прострочил и тут же замолк. Все, боезапас кончился... А такая выгодная позиция — прямо в «мертвой» зоне!.. Есть у самолета такая зона, которая не просматривается и не простреливается.

Борис тщательно уравнивал скорости и «повис» за хвостом «юнкерса». Враг упрямо шел к линии фронта. Уйдет, и всё... Что делать?

Бомбардировщик, беспорно, ценнее, чем истребитель. Любой шахматист охотно разменяет коня на ладью — это даже называется «выигрышем качества». Но война — не шахматы: жертвовать придется не деревянной фигуркой, а собственной жизнью.

Так пролетели они друг за другом километров двадцать — тридцать. Преодолеть двадцать километров на земле — долгое путешествие, день пешком пройдем; поездом или машиной — полчаса езды. А боевой самолет пролетает это расстояние за три минуты. В эти напряженные три минуты Борис несколько раз менял решение. То подтягивался к хвосту «юнкерса» почти вплотную, то отставал. И, наконец, решился.

Газ, ручку резко от себя, удар, от которого тряхнуло весь самолет... И Борис мгновенно заглушил мотор.

Враг, куврякаясь, рухнул на землю. Борис, планируя, стал выбирать место для посадки. Высоты было достаточно — около пяти тысяч метров. И он спокойно посадил машину на какое-то поле.

Это и был его первый таранный удар.

В сорок третьем лейтенант Ковзан летал уже на новом, только появившемся на вооружении истребителе «Ла-5». Был несколько раз ранен. Сравнительно легко. Еще дважды таранил он фашистские самолеты. И оба раза уцелел.

Он становился все смелее, но и все осторожнее. Никогда не торопился, не лез, как говорится, на рожон. И убежать не любил: удирающий самолет — самая легкая мишень.

На его кабине пламенело уже пятнадцать звездочек. Настоящий воздушный ас.

А самый трудный, самый опасный бой ждал впереди.

...Однажды за линией фронта одинокий истребитель Ковзана наскочил на целую вражескую армаду. Ровным треугольником летели семь «юнкерсов», а над ними в два яруса висели шесть истребителей «Мессершмитт-109». Вся группа шла точно на восток.

Остановить отряд из тринадцати вражеских самолетов Ковзан никак не мог. Но и склониться уже тоже было невозможно... Борис решил атаковать.

«Мессеры» спокойно, как на учениях, разделились на две группы и начали охватывающий маневр. Одновременно они открыли огонь, чтобы не подпустить истребитель к «юнкерсам». Ковзан же туда и рвался — здесь он может причинить противнику наибольший урон. Один из «мессеров» попытался заслонить собой строй «юнкерсов», но задымился и стал падать. Второй оказался в перекрестке прицела, короткая очередь — и дорога опять свободна...

Воздушный бой совершенно не похож на бой наземный. К шуму собственного мотора пилот настолько привыкает, что хотя и прислушивается к нему очень чутко, но почти его не слышит. Привычному уху нормальный рев двигателей кажется тишиной. Летчику слышны только собственные пулеметные и пушечные очереди да прямые попадания снарядов в его самолет. И огонь противника тоже не слышен. Зато хорошо видны огненные трассы. На большом расстоянии трудно отмечать меткость этих выстрелов; впечатление такое, точно все они

направлены тебе прямехонько в голову. И очень хочется эту несчастную голову спрятать...

Приборная доска поплыла перед глазами Ковзана. Пуля с «мессера» пробила фонарь, попала Борису в правый глаз и вышла через затылок. «Конец, — подумал он. — Это уж точно конец...»

Но Ковзан привык бороться за жизнь до последнего. Бой хоть и шел в немецком тылу, но над родными Ковзану белорусскими лесами, и еще была надежда спастись с парашютом. Он отодвинул фонарь, отстегнул ремни и попытался перевалиться через край пилотской кабины. Но почувствовал, что не может этого сделать — последние остатки сил убывали с каждой секундой.

Он глянул по сторонам. Прямо навстречу его горящему «Ла-5», вырастая с каждым мгновением, шел «юнкерс». Борис машинально коснулся ладонью затылка. Он ощутил рваную рану, торчащие кости и что-то липкое и вязкое, не похуже на кровь.

Каждое слово, произнесенное летчиком во время боя, записывается на земле на ленту магнитофона. В этот момент операторы приняли слова Ковзана:

— Машина горит. Ранен в голову. Иду на таран!..

И он направил свой истребитель прямо в лоб надвигающемуся «юнкерсу». Погибать — так с музыкой! Два самолета столкнулись в лобовом ударе. Тяжелый «юнкерс» распался на куски, самолет Бориса Ковзана раскрошился в мелкие щепки...

Отстегнутые раньше ремни и отодвинутый фонарь спасли его. Потерявшего сознание пилота вышвырнуло из кабины, и он стал падать с высоты шести километров. На несколько секунд вернулось сознание, он увидел — земля... Он не видел, сколько до нее оставалось. Последним усилием рванул вытяжное кольцо...

Парашют исправно раскрылся, но успел только слегка замедлить движение, потому что земля была рядом. Упав Борис на луг или на лес — он обязательно разбился бы насмерть. Но он угодил в зыбкую трясины. Врезался в нее по самое горло. При падении сломал бедро, руку, несколько ребер, но остался жив.

Если быть точным, то он в то время был чуть жив. Белорусские колхозники, наблюдавшие за воздушным боем, вытащили летчика из трясины, в кошечке прошлого года сена привезли к партизанам. А оттуда, с лесного аэродрома, так и не пришедшего в сознание пилота переправили в Москву.

В госпитале Ковзан пролежал целых десять месяцев. Выжил. Зажила сломанная рука. Через два месяца почти срослось бедро. Через полгода затянулась страшная рана на голове.

Но глаз... Как бы хорошо он ни был сделан, как бы похоже на настоящий живой человеческий глаз ни выглядел, — все равно стеклянный глаз ничего не видит. А человек с одним глазом может работать на токарном станке, может варить обеды в ресторане, может считать на арифмометре и чертить чертежи, но летчиком он быть не может. Пилот с одним глазом не способен точно оценить расстояние, уловить тот последний дюйм, который так важен. Ни одна медицинская комиссия не разрешит управлять даже автомобилем или мотоциклом, не говоря уж о боевом самолете...

И все-таки Борис Ковзан добился своего. Он был выписан из госпиталя с резолюцией: «Годен без ограничений». И снова вернулся на истребитель.

Герой Советского Союза летчик-истребитель Борис Иванович Ковзан прошел войну до конца. В воздушных схватках сбил еще шесть самолетов противника, показав, что стойкость советского человека способна преодолеть самые непреодолимые препятствия.

В истории авиации не только Советского Союза, но и всего мира отмечен единственный таран, совершенный женщиной — заместителем командира эскадрильи 135-го авиационного полка старшим лейтенантом Екатериной Ивановой Зеленко.

Катя Зеленко — одна из первых женщин, военных летчиков страны. Она — единственная девушка-летчик, воевавшая с белофиннами. Накануне Великой Отечественной войны Зеленко была летчиком-инструктором и принимала активное участие в переучивании руководящего состава семи авиационных полков на новом самолете «Су-2».

...Полковник в отставке Иван Георгиевич Павлов, один из ее соратников, сидел в редакционном кабинете, положив на стол тяжелые ладони, и говорил о Кате так, словно она только что вылетела на задание. Его тогда беспокоило только одно обстоятельство: сильный низкий туман лег на землю с утра.

— Печален день ее гибели.

Они не могли тогда знать, как она погибла. И не знали об этом много лет.

Зеленко подняла самолет в воздух в осенний день 12 сентября 1941 года. Она была командиром экипажа, лейтенант Н. Павлык был летчиком-наблюдателем.

Самолет из полета не вернулся.

К вечеру полк начал отступление. На третий день к месту новой дислокации добрался раненый лейтенант Павлык:

— Мы возвращались на аэродром, — доложил он. — Самолет атаковали семь «мессеров». Я вел заградительный огонь. Боезапас кончился. Когда один из «мессеров» заслонил смотровое стекло, Зеленко нажала гашетку «шкаса». Фашист загорелся, но и нас зацепили. Зеленко приказала мне покинуть самолет. Я выбросился на парашюте.

Это все, что они тогда узнали. И это легло в основу донесения штаба 135-го ближнебомбардировочного полка № 034 от 15 сентября 1941 года.

Донесение это и сегодня — единственный документ, хранящийся в архиве Министерства обороны СССР. О донесении хорошо помнит Павлов. Они ведь его составляли в штабе полка, три дня спустя. Ждали, что Катя вернется. Мало ли было случаев, когда со сбитых самолетов летчики возвращались в часть. Но она не вернулась.

Бумага безмолвно лежала в архиве много лет. Но не бездействовали все эти годы люди, знавшие Катю. Историю ее гибели восстанавливали журналисты, бывшие комсомольские работники района, где она погибла, однополчане. Сорок пять ее сослуживцев, знакомых и друзей из двадцати шести городов страны рассказали о ней с любовью, уважением и гордостью. Четырнадцать однополчан написали о Кате по-военному коротко и по-мужски веско и нежно.

В конце августа сорок первого года Катя Зеленко отличилась при налете на вражескую танковую колонну вблизи Бобруйска. Ее фотография, сделанная тогда сразу после боевого вылета, была помещена в журнале «Огонек».

А через две недели, 12 сентября 1941 года, она совершила свой подвиг. Это произошло над селом Анастасьевка Сумской области.

Семь вражеских самолетов атаковали наши войска, двигавшиеся по шоссе Сумы — Харьков. Гитлеровцы с остервенением набросились на советский бомбардировщик, взяли его в клещи. Екатерина Зеленко приняла бой. В короткой схватке она сбила один «мессер», но и ее самолет был поврежден. Приказав летчику-наблюдателю Н. Павлык прыгать с самолета, она пошла на таран.

Жители Анастасьевки, наблюдавшие за боем, восхищенные и озабоченные, прибежали туда, где рухнул красносозвездный самолет. Велико же было их удивление, когда они увидели, что самолетом управляла женщина... Учительница Анастасия Пантелеймоновна Марченко достала из кармана документы, пробитые пулей. Летчицу похоронили неподалеку от места падения. Все годы оккупации хранились документы Кати Зеленко, и были сданы только после освобождения села.

«Невозможно» — нет такого слова для героев.

Во время первой мировой войны русский летчик, основоположник высшего пилотажа Петр Нестеров на са-

молете «Моран» таранил аэроплан «Альбатрос» австрийца Розенталя. Победа стоила Нестерову жизни.

Летчики Е. Н. Степанов и Н. П. Жердев таранили фашистские самолеты в небе республиканской Испании в 1937 году. Причем лейтенант Степанов, как теперь известно, совершил первый в мире ночной таран.

Началась Великая Отечественная война. И мы знаем сейчас, что самое большое количество таранов совершено в труднейшие месяцы начала войны: за первые ее полгода зафиксировано 135. За всю войну — более 500 воздушных таранов, в которых участвовали 404 истребителя, 18 штурмовиков, 6 бомбардировщиков и один самолет Р-6, совершенно не приспособленный к ведению боя и тем более к тарану.

Документально установлено, что по два таранных удара в воздухе совершили 25 летчиков, что есть беспримерные случаи таранов, в третий и в четвертый раз. Выявлены имена 16 пилотов, на счету которых двойные тараны в одном бою.

...Но еще лежат где-то в чащах и трясинах останки разбитых самолетов. И бессмертные советские соколы, чьи имена еще не известны, дополняют эти цифры, эти списки, эту летопись самоотверженности и героизма.

На снимках:

Иван Иванович Иванов, таранивший врага на 25-й минуте войны... Петр Харитонов — один из первых таранил вражеский самолет 28 июня 1941 года. М. А. Борисов, Н. Г. Лесконоженко — двое из шестнадцати советских летчиков, совершивших по два тарана в бою. А. С. Хлобыстов — совершил три тарана. Борис Иванович Ковзан — человек из легенды, четырежды таранивший фашистские самолеты. Екатерина Зеленко — единственная женщина в мире, имевшая на своем счету воздушный таран.

ЦАРСТВО ФЛОРЫ

**Аркадий
КОЩЕЕВ**

*Рисунки
З. Баженовой*

Кедр

О кедре написано так много, что если собрать все вместе, то получится большая интересная библиотека. В ней можно будет найти легенды и сказки, научные исследования, статьи журналистов, рассказы охотников и любителей природы. Кедр действительно заслуживает такого внимания. Это не просто красивое дерево в сибирской или уральской тайге, а целый пищевой комбинат, кормилец, лесная аптека, фабрика строительных материалов, украшение наших лесов.

Кедр — это дерево-великан. Высота его достигает сорока метров, а толщина — полутора метров. Правда, вырастить такой кедр довольно трудно, а если еще учесть, что он начинает плодоносить в возрасте 25—30 и даже 60 лет, то ждать придется довольно долго. Так что садить кедр надо сейчас, чтобы наши потомки сказали о нас доброе слово. Кедр, который удалось вырастить, может жить до 500 и даже до 800 лет.

О большой ценности кедра люди знали давно и всячески старались охранять его от различных невзгод. Еще в знаменитом своде законов XVII века, названном «Уложение», были записаны пункты об охране природы, а позднее все северное Зауралье, богатое соболями и кедром, объявлено заповедным местом. В 1683 году был издан указ, запрещающий под

угрозой смертной казни жечь кедровую тайгу. Издавались также местные предписания и существовали народные формы охраны кедра, когда само население устанавливало сроки сбора и заготовки кедровых орехов. У остяков человека, срубившего кедр, казнили самой жестокой казнью: его привязывали в лесу к дереву и оставляли на съедение гнусу (мошкам). Он погибал мучительно и долго. О провинности этого человека и его казни знали все — от мала до велика. Сведения передавались от селения к селению, а затем их рассказывали из года в год как легенду. Делалось это для того, чтобы никто не допускал даже мысли о нанесении вреда кедру, который так много давал людям.

И действительно, кедровый орех — удивительный продукт. В его ядре содержится до 60 процентов отличного масла, 12 процентов крахмала, 17 процентов белка, сахар, органические кислоты, дубильные вещества, минеральные соли и витамины. Сто граммов съедобной части ореха дают 585 килокалорий энергии.

В урожайные годы XIX века в России заготавливали около миллиона пудов орехов. Один гектар сибирского кедра мог дать от 300 до 800 килограммов орехов. Особое государственное значение заготовке кедровых орехов придавал В. И. Ленин, по инициативе которого еще в 1921 году в постановлении Совета труда и обороны указывались рациональные пути сбора и использования этого важного пищевого сырья.

В последние годы в нашей стране проводятся большие работы, направленные на ускорение плодоношения кедра

Продолжение. Начало см. в № 2.

и разведение более ценных его форм. С этой целью применяется, в частности, прививка черенков на молодые сосенки. Черенки от взрослых кедров, привитые на соснах, начинают цвести и образуют завязи в первый же год. Такие опыты проводятся в Новосибирской области и довольно успешно.

Кроме известного нам сибирского кедра, есть еще корейский — с более крупными орехами и кедр-стланник — с более мелкими.

Сибирские охотники, уходящие надолго в тайгу, научились готовить из кедрового ореха и масла и молоко. Если растолочь горсть кедрового ядра, залить водой и оставить на один-два часа, то получим настоящее кедровое молоко. Для диетических и лечебных целей добавляют в ореховое молоко мед. В различных справочниках и руководствах по кулинарии приводятся десятки рецептов блюд и кондитерских изделий с применением кедровых орехов.

Кедр — не только комбинат ценных продуктов питания. Полезных свойств у него много. Например, благодаря наличию фитонцидов в кедровых лесах воздух почти не содержит микробов и благотворно влияет на нервную систему, работу сердца и органов дыхания.

Древесина кедр используется для изготовления шкафов, интересно, что в них не заводится моль. В кадках и ящиках из кедровых досок лучше сохраняются многие продукты. Мебель, карандаши, чертежные доски, крыши домов из кедр считаются лучшими. Из хвои можно получать витаминную муку для скота, из коры — краску и дубильные вещества. С гектара кедрового леса путем подсоски можно добыть до 80 килограммов живицы для производства камфары, скипидара, особого целебного бальзама. Спутниками кедр являются ценные промысловые звери и птицы, полезные лекарственные и пищевые растения. Все это обязывает нас не только с большим уважением относиться к кедру, но и всячески его оберегать.

Сосна

Когда говорят о сосне, то в первую очередь имеют в виду ее хозяйственное значение. Вернее, строительное. Из сосны делают стены домов, полы, потолки, оконные рамы, мебель, телеграфные столбы, тротуары и железнодорожные шпалы. Не забывают упомянуть, что сосна дает скипидар, канифоль, смолу, лак и многие другие продукты, нужные человеку. Иногда даже приводят цифры, сколько хлопка может заменить один кубометр сосны, сколько он даст чулок и костюмов и сэкономит шерсти, полученной с овец.

Все это правильно. Но каждый ли знает, что сосна может накормить человека в лесу, сохранить его здоровье, а иногда — даже спасти жизнь? Что у сосны шесть съедобных частей, что она во времена войн и путешествий спасла жизнь многих людей.

Деревом жизни назвали сосну очень давно. Было это в 1534 году. Известный французский путешественник Жак Картье отправился исследовать берега Канады. Но в пути его постигло несчастье: из 110 членов команды тяжело заболело цингой 100 человек, из них 26 умерли. Остальных тоже ждала смерть. Они обессилели и молили небо приблизить их смертный конец. Но совсем неожиданно пришла помощь, и не просто помощь, а спасение. Его принес индеец. Он принес ветку сосны, показал, что с ней надо делать, как готовить настои и поить больных. Через несколько дней больные стали подниматься. Им стало легче, а затем они выздоровели совсем. Вот тогда-то будто бы Жак Картье и воскликнул: «Да это же дерево жизни!»

В 1709 году, во время русско-шведской войны, шведская армия почти полностью была поражена цингой. И только введение в рацион хвойного напитка спасло армию от губительного заболевания.

В 1736 году, когда две русские экспедиции, отыскивающие северный морской путь в Китай, вынуждены были зимовать в Сибири, им тоже помогла сохранить здоровье сосна. Солонина и сушеные продукты в этом отношении не могли помочь ничем. Только настои сосновой хвои спасли путешественников.

Десятки армий и экспедиций прибегали к помощи сосны. В период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. хвойные напитки также помогли сохранить здоровье и боеспособность многим нашим солдатам и офицерам.

Сейчас, когда о приготовлении хвойных напитков знает каждый школьник, их можно делать даже дома. Для этого срезают хвою ножницами из нержавеющей стали, чтобы не разрушался витамин С, промывают холодной водой, заваривают кипятком, чтобы разрушить фермент аскорбиназу и приостановить разрушение витамина С. Хвою измельчают, заливают трехкратным количеством кипятка (или сразу пятикратным количеством хлебного кваса), и через 12 часов целебный настой готов. Пить его можно по стакану два раза в день.

Интересно, что витамина С в сосновой хвое в зимний период значительно больше: если летом 75—150 мг%, то зимой — до 250 мг%. Но дело не только в аскорбиновой кислоте. В хвое содержатся еще и такие витамины, как А, Д, К, Р, Е, В₂. А это уже целая витаминная аптека.

Большую ценность для обогащения питания полезными веществами представляют сосновые почки и молодые побеги. В книге «Описание растений Российской империи» знаменитый русский академик Петр Паллас писал в 1785 году, что «собираемые по концам веток молодые сосновые и кедровые верхушки похваляются от всех наших в Сибири промышленников и мореходов как лучшее противцинготное и бальзамическое средство и составляют в лечебной науке преизрядное от цинготных болезней лекарство. Таковых сосновых верхушек вывозится из государства Рос-

сийского в иностранные аптеки великого количества».

Весной, когда цветет сосна, дети отправляются в лес, чтобы полакомиться вкусной сосновой крупой — сладковатыми, еще не распустившимися цветочными почками. Собранные свежие почки можно залить сахарным сиропом или медом, и тогда они сохранятся длительное время, будут не только лакомством, но и лекарством. Из высушенных почек можно зимой готовить душистый чай с ароматом и вкусом южного ананаса.

Молодые весенние побеги тоже съедобны. Если срезать такую верхушку и удалить с нее корочку, то останется нежное, как репа, белое нарастающее вещество сосны. Сибирские охотники и старые партизаны хорошо знали, что молодые побеги сосны утоляют чувство голода, снимают усталость и восстанавливают силы после больших походов и перенесенных заболеваний. На зиму такие побеги заготавливают в сушеном виде и используют для заварки таежного ароматного чая, после которого усталости как не бывало.

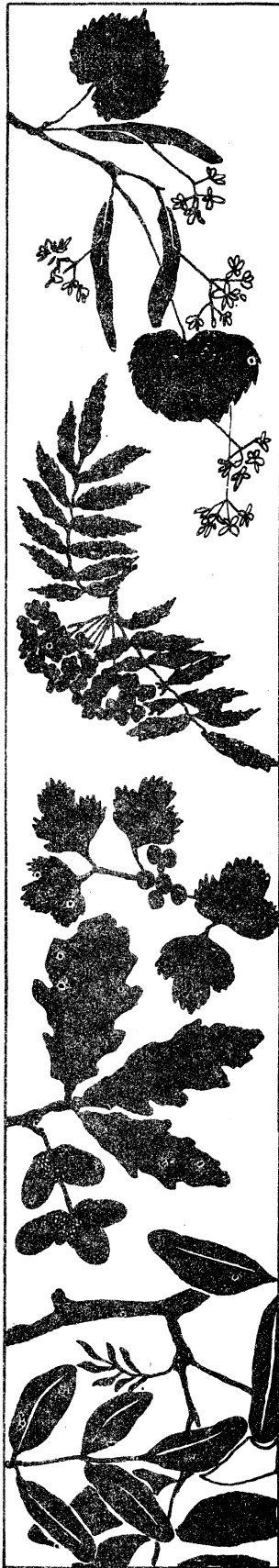
Но это еще не все о сосне. Ее семена содержат до 30 процентов душистого масла. А получить такое масло можно даже в кружке юннат. Стоит только подсушить семена, залить их эфиром, масло растворится, а там уж технология совсем проста: эфир выпаривается на водяной бане и через холодильник собирается в колбу, а масло остается в другой колбе, чистое и прозрачное.

А если подвести итоги, то окажется, что полезных свойств у сосны значительно больше, чем у такого известного растения, как конопля или мята, кипрей или крапива.

Сосна очень давно используется в медицине. Ее живицей лечат раны, в аптеках можно купить сосновые почки, обладающие желчегонным и бактерицидным действием. Хвойными хлорофиллокаротиновыми настоями лечат ожоги и раны, а в походах все может приключиться и в аптеку не пойдешь. Ее, эту аптеку, можно найти в лесу. Вот она какая, наша сосна!

Красоту соснового бора описать трудно. Иногда красавицы сосны достигают пятидесятиметрового роста и метровой толщины, а доживают до 500 лет. Зимой и летом человек заходит в сосновый лес, как в сказку: воздух там сух и прозрачен, дышится легко и свободно, шум сосен успокаивает и снимает усталость. В воздухе соснового леса в десять раз больше озона, чем в лиственном. Летучие вещества — фитонциды очистили воздух от микробов, и больные оказываются в этом лесу, как в гигантском ингалятории. Здесь дыхание становится глубоким, кровь получает больше кислорода, улучшается обмен веществ, успокаивается кашель, нормализуется температура, восстанавливаются силы.

Не зря лес называют естественной здравницей. Лес — это наше богатство, его нужно хранить и приумножать, не губить, а создавать новые насаждения вокруг городов и поселков. Хорошо бы

всем взять за правило посадить одно дерево в честь родившегося сына или дочери, поливать его и оберегать, вырастить красивым и стройным. И пусть это будет сосна.

Лиственница

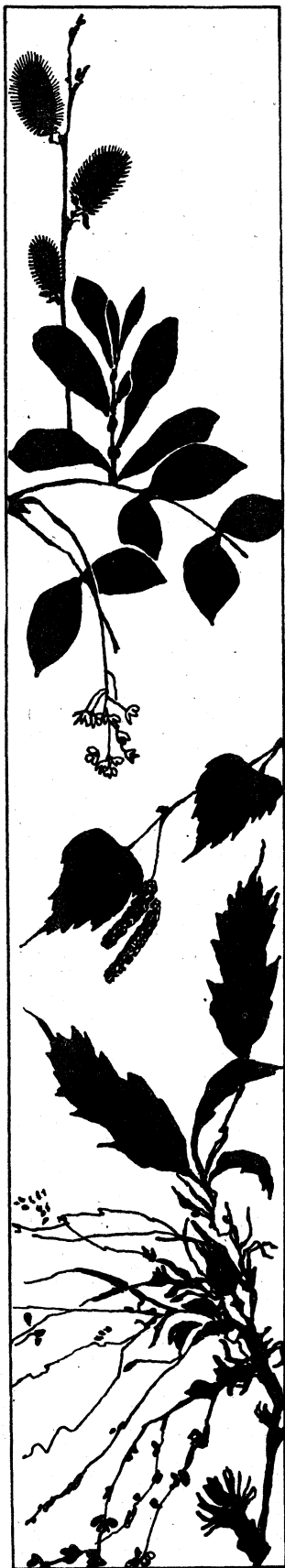
Единственное хвойное дерево, которое на зиму сбрасывает свой зеленый наряд, это лиственница, — дерево во многих отношениях удивительное. Она обладает богатырским ростом и достигает 35—50 метров высоты. Не боится засухи и стужи, может расти в жарких степях и на вечной мерзлоте, подниматься в горы, уходить далеко на север и выдерживать морозы до 60 градусов. Отличается долголетием и доживает до 500—700 лет. Высокопродуктивна, то есть быстро растет, обгоняя в этом ель и знаменитую сосну. Насчитывает 24 разновидности, из которых 11 произрастают у нас в СССР.

Древесина ее прочна, красива, тверда и упруга, не гниет в воде и в земле. Например, в обмелевшем Дунае были обнаружены сваи из лиственницы, оставшиеся еще от Троянова моста, построенного 1770 лет назад. Эти сваи не только не сгнили, а, наоборот, приобрели такую прочность и твердость, что их не брала пила: они стали, как железо.

Не случайно из лиственницы делают сваи мостов, срубы колодцев, силосные башни, телеграфные столбы, оконные рамы, водяные мельницы и многое другое. Из лиственницы изготовлены внутренние детали собора Московского кремля и храма Василия Блаженного, рамы окон Зимнего дворца в Ленинграде, Приморская лестница в Одессе. Бревна из якутских крепостей, построенных еще воинами хана Кучума, оказались годными для строительства новых домов. В алтайских древних курганах изделия из лиственницы прекрасно сохранились. Саркофаги и срубы могильных склепов, боевые колесницы, изготовленные еще в бронзовом веке, дошли до нас, не поддавись воздействию времени.

Лиственница дает живицу, из которой получают канифоль, скипидар, эмаль, лаки, сургуч. В ее хвое содержится такое количество витамина С, что она смело может соперничать с черной смородиной. Хвоя богата также эфирными маслами и каротином. В семенах 18 процентов жира, а в коре много дубильных веществ.

В активе лиственницы следует упомянуть и ее приспособительные механизмы. Если в почве слишком много влаги, она может отращивать дополнительные иголки, и тогда способность к испарению увеличится. Интересно, что на севере лиственница может просыпаться раньше, чем оттает почва: в это время она будет жить за счет запасов питательных веществ из ствола. Есть сорта лиственницы, которые могут размножаться не только семенами, но и побегами от корней. Лиственница даурская для того, чтобы выжить в суровых условиях Сибири,

дает дополнительные корни в верхние слои почвы, когда нижние уже касаются мерзлоты и не могут питать все растение или же отмирают. Вообще корневая система лиственницы подобна сосновой, то есть имеет кроме поверхностных боковых корней прямой центральный корень, уходящий в глубину. Но там, где земля долго не оттаивает, этот корень погибает или подгибается и уходит в сторону, приспособляясь к суровым условиям Севера.

В далеком прошлом в связи с похолоданием климата хвойные деревья вытеснили из Забайкалья лавр и каштан, бук и орешник. На их место пришли ели, пихты и лиственницы. А потом лиственница стала вытеснять своих соседей. Вернее, занимать их место, когда те не смогли выдерживать суровые морозы и условия вечной мерзлоты. Лиственница оказалась самой стойкой.

На северных горах первой вырастает лиственница. Ее молодые побеги не боятся холода, она может расти без защиты соседних деревьев. Но и сама не способна быть кому-то защитой — не случайно рядом с ней не выживают пихты и ели. А дело в том, что у лиственницы ажурные ветви, они не могут задерживать холодные ветры, а значит, и защищать своих соседей, особенно молодых. Там, где растут одни лиственницы, почва может быть холоднее на один-два градуса, чем в сосновом или смешанном лесу.

Знаменитая даурская лиственница в течение нашего столетия завоевала Якутию, заняла лучшие места в Забайкалье, распространилась в Приморье, Корею и Китае. Лиственница дошла до 72 градуса северной широты и образовала самую северную границу леса. Может быть, это древесная порода будущего? Ведь даурская лиственница уже сейчас занимает 90 процентов лиственничных лесов, а все лиственницы — одну девятую часть территории СССР.

Лиственницу можно использовать в питании. Из хвои готовят освежающий кисловатый напиток, утоляющий жажду и укрепляющий здоровье. Если отваренную картошку посыпать измельченной хвоей и полить растительным маслом, получится вкусное блюдо, богатое витаминами. Лиственничной хвоей можно заправлять различные салаты: с картофелем и без него, с капустой квашеной или тертой морковью, с мочеными яблоками и маринованными помидорами, с творогом, сыром и пареной брюквой.

Сибирские охотники могут угостить лиственничным маслом. Оно готовится из одной весовой части измельченной на мясорубке лиственничной хвои и трех частей сливочного масла, имеет приятную кислинку и аромат леса. Суп из концентратов, который надоел в походе, станет ароматным и необычным по вкусу, если в котел бросить горсть лиственничной хвои. В домашних условиях хвоя лиственницы может обогатить вкусовые оттенки не только салатов и супов, но и знаменитых уральских окрошек.

Береза

Простую русскую березу народ издавна называет красой леса, березовым чудом и деревом здоровья. И надо сказать, что все эти названия даны не зря.

Береза очень красивое дерево. Сколько сложено о ней сказок и песен, сколько нарисовано картин! Народ любил березу всегда, оберегал ее от всяких напастей, сажал рядом со своим домом. Береза не только украшала леса и поля, но еще и служила человеку с незапамятных времен. Из ее древесины делали мебель, гнули дуги, полозья для саней и ободья для колес, вытачивали посуду и игрушки, мастерили лыжи и приклады для ружей, жгли уголь, гнали деготь. Из бересты плели корзины и лапти, делали чашки для теста и различные тески, а для молока — бурочки, в которых оно долго не скисало. Березовый уголь считался одним из лучших и шел еще при Петре Первом для выплавки отменных уральских сталей с маркой «Старый соболю». Когда-то на бересте писали, ее подкладывали под оконные подушки, чтобы они не гнили, берестой крыли крыши и украшали стены жилища. Даже березовые наросты — капы — люди издавна использовали. В Кировской области из них вырезали красивые шкатулки, портсигары, табакерки, брошки и даже карманные часы. Березовый гриб чага издавна служил людям лекарством, а гриб трутовик в трудные годы применялся для добывания огня. Уральцы и сибиряки могут рассказать о применении в бане березовых веников, которые вылечивают многие недуги, а также про березовый сок. Им лечили ослабленных детей, давали для улучшения кровотока, при ревматизме и подагре, ангине и фурункулезе.

Если в русской печи или духовке упаривать березовый сок так, чтобы он уменьшился в объеме в три раза, то получится сироп, который можно подать к блинам и чаю, к каше и оладьям. При добавлении в свежий сок сахара можно получить приятный и вкусный напиток, который подают охлажденным в тонких стаканах и фужерах. Такой же напиток, но только с медом и настоем ароматной мяты, имеет неповторимые вкусовые качества. Он хорош после бани или на десерт, а также для больных и ослабленных людей.

Чтобы закончить разговор о березовом соке, надо сказать, вредно или нет брать сок у березы, не отражается ли это на ее росте и развитии. Да, вреден варварский и безграмотный сбор сока, когда топором или ножом прорубается кора, отверстие остается и сок течет, на стволе зияет рана. Она не закрывается долго, и дерево начинает гнить. Чтобы грамотно взять сок, надо просверлить маленькое отверстие, которое после сбора сока заделывают и замазывают наглухо.

Наиболее простой способ сбора сока — открытым, когда в просверленное

отверстие вставляется деревянный желобок и по нему сок стекает в установленные под деревом трехлитровые банки. За 25 дней можно собрать около 100 литров сока от одной березы без вреда для ее роста. Одна береза диаметром 36 см за сезон может дать сока на 30—40 рублей, то есть столько, сколько стоит само дерево. В Ровенской области лесхозы получают по 10 тысяч тонн березового сока в год. В Московской области Подольский и Красно-Пахорский лесхозы получают прибыли от реализации березового сока до трех тысяч рублей с гектара.

Сок березы весьма ценный пищевой продукт. В нем содержится до двух процентов сахара, соли калия, кальция и ряд других полезных веществ. Березовым соком можно лечить карнес — к такому выводу пришли финские стоматологи. Их доказательства были настолько убедительны, что в городе Котка даже построили небольшой завод для выработки сахара из березового сока.

Много полезного мы уже взяли у березы, но и еще, оказывается, далеко не все. Бывалые охотники вам подскажут, что лесного уральского масла не сделаешь без березы. Для его изготовления берут 100 г молодых березовых листьев, столько же листьев липы и 1 кг сливочного масла. Листья измельчают на мясорубке и перемешивают с маслом, которое охлаждают и используют для бутербродов. Такое масло в походных условиях хранится гораздо лучше и обладает лечебными свойствами.

Ива

Всем нам известная ива удивительно многообразна. Встречаются ива-бредина, или козья, — высокий кустарник, а иногда дерево высотой от 2 до 6 м. Есть у нас ива ушастая высотой 3—4 м, которая растет в лесах по сырым местам. Ее листья с нижней стороны имеют войлочное покрытие светло-серого цвета. Цветочные сережки длиной до 2,5 см.

Ива серая, или пепельная, — это кустарник до 3 м высоты с толстыми побегами и ветвями темного цвета, а ива белая, или ветла, — дерево высотой до 30 м. Растет по берегам рек, прудов, арыков. Ива ломкая — дерево высотой до 20 м. Распространена в основном в европейской части СССР. Ива плакучая, или вавилонская, — дерево высотой до 15 м с толстым шероховатым стволом. Ветви тонкие, раскидистые, с блестящей корой. Отдельные ветви спускаются до земли. Используется преимущественно как декоративное растение. Ива-чернотал — дерево высотой до 10—12 м или в виде кустарника — до 2,5 м. Листья у нее блестящие кожистые длиной до 12 см. Цветочные сережки длинные — до 5 см. Ива чернеющая — дерево или кустарник высотой до 8 м. Листья ланцетовидные.

Ива остролистная (красная верба, краснотал) — чаще кустарник, реже дерево высотой 4—6 м. Ветви буро-красные,

тонкие, гибкие, листья ланцетовидные блестящие. Ива пурпурная (желтолозник) высотой до 3 м. На Дальнем Востоке растут еще ива даурская, темнолистная, росистая, синевато-серая, тонколистная и другие.

Используют иву как декоративное растение в парках и скверах. Она хорошо приживается на городской каменистой почве, не погибает от автомобильных выхлопных газов, переносит загрязненность улиц.

Определенное хозяйственное значение имеют кустарниковые ивы (корзиночная, пурпурная и мидалелистая). Из их молодых побегов плетут корзины, короба, делают красивую мебель, детские коляски. Прутья для корзин срезают в определенное время года. Важно, чтобы они были не очень нежными и хрупкими. Срезают, когда они легко гнутся, не ломаются и укладываются в стенках корзины плотно, веточка к веточке.

Стулья и кресла обычно делают из толстых прутьев, освобожденных от коры. Чтобы они были безукоризненно белыми, их дополнительно обрабатывают специальными растворами. Прутья заготавливают осенью, связывают большими снопами и укладывают на хранение. Такой материал даже идет на экспорт.

Где же берут столько прутьев, не истощается ли их запас и не губят ли заросли ивняка? Оказывается, нет. Если, конечно, умело вести заготовки, с заботой о восстановлении кустарника. Например, прутья вырезают в конце лета, а по первому снегу идут культивировать заросли ивняка — срезают все кусты подряд, оставляя только пенечки высотой с полметра. Можно возмутиться, что уничтожаются заросли ивняка. Но это, оказывается, обычный уход за ним. Следующей весной здесь вырастут прямые и стройные ветки до двух метров длины и нужной толщины. Это и будут самые ценные прутья, которые пойдут на экспорт, а также для изготовления стульев, кресел-качалок и других красивых и прочных вещей.

Ценят иву еще и за то, что она дает отличные краски для шелка, кожи и других материалов: светло-желтые, коричневые, красные, черные.

Не обошли вниманием иву и медики: она дает им лекарства. В народной медицине отвары коры применялись при кровотечении, для обработки ран и лечения нервных заболеваний, при разрыхлении десен. В походных условиях порошок из ивовой коры поможет остановить носовое кровотечение и очистить рану, а молодые листья ивы в смеси с другими растениями позволят приготовить вкусный и полезный чай. Рыбаки плетут из тонких прутьев морды, делают садки для рыбы, красят хлопчатобумажные сети специальным ивовым отваром, чтобы они были незаметны в воде и не поддавались гниению.

Очень ценят иву и пчеловоды. Выручает она их ранней весной, когда еще не цветут другие медоносы. На ее сережках пчелам раздолье, они собирают до 100—150 кг меда с гектара зарослей ивы.

Вес каждого улья может увеличиваться на два килограмма в день — это только мед. Но ведь здесь же пчелы собирают пыльцу для кормления личинок и клей для своих производственных нужд.

Столяры с большим уважением относятся к иве. Они видят в ней будущие дуги, колеса, сани, обручи кадок, вилы для сенокоса, поделочный материал, краску-протраву для дорогих изделий и многое другое.

Мелиораторам и устроителям рыбных прудов ивовые посадки — помощь в сохранении от размывания плотин, берегов рек и оврагов. Достаточно пройти по оврагу или по насыпной плотине, навтыкать ивовых прутьиков ранней весной, и к осени здесь уже будут ивовые заросли, которые своими корнями укрепят почву от размывания.

Во Франции из молодых побегов, очищенных от коры, даже готовят различные блюда. Очищенные побеги предварительно отваривают, жарят с сахаром и луком, заправляют мучным соусом и укусом. Для изготовления закуски в виде аппетитных палочек отваренные побеги обжаривают до образования золотистой корочки.

Липа

Липовый лес иногда называют медовой рощей. Название, конечно, условное, но основания для него есть. Тот, кто хоть раз побывал в такой роще во время цветения, на всю жизнь запомнит удивительный тонкий аромат. В цветущей липовой роще всегда гудят и трудятся пчелы. Они хлопотливо снуют в воздухе, как бы торопясь собрать нектар — ведь цветет липа недолго, через две недели им здесь уже нечего делать. Хорошая рабочая пчелиная семья собирает за это короткое время до 50 кг липового меда, а при особо благоприятных условиях вес улья может увеличиваться на 10—11 кг в день. Одна столетняя липа может дать за время цветения 10—15 кг меда, или до 1000 кг с гектара липового леса. Но высокопродуктивно далеко не каждое дерево. Считается, что липа начинает давать нектар в возрасте 20—25 лет и продолжает давать до 100—120 лет.

Липа не только медонос; верой и правдой служила она человеку многие века.

Хозяйственное значение липы очень велико, и трудно перечислить все, не упустив какого-нибудь важного применения. На Руси из ее лыка изготовляли сотни миллионов пар лаптей в год, она обеспечивала этой обувью почти всю страну от мала до велика. Для этого приходилось губить огромное количество молодых липок: только такое лыко годится на лапти. Луб более старых лип применялся для изготовления коробов и лукошек, на отделку саней и телег. Значительную часть дуба использовали для получения мочала, которое шло в мебельном деле для набивки матрацев, диванов и подушек, а также на изготовление ве-

ревок, рогож и кулей. Из лыка плели заплечные сумки-пестери и корзинки, вырезали солонки и другую домашнюю посуду.

Древесина липы считалась очень ценной в столярном деле. Из нее изготовляли рамы для картин, церковные резные иконостасы, разные скульптуры, ларцы и шкатулки, столы и чергежные доски. Особенно ценились кадки для меда, муки и круп: легкие, красивые, они не вносили в продукт посторонних запахов, не давали трещин. Древесный липовый уголь и по сей день художники используют в рисовании.

В голодные военные годы липа тоже нас выручала. Молодые стволы толщиной 2—3 см, освобожденные от коры, рубили топором, сушили и мололи на мельнице в муку, которая подмешивалась к обычной муке до 20—30, а иногда и до 50 процентов. Высушенные липовые листья растирались в порошок и тоже шли в тесто. Из свежих молодых листьев варили супы и каши.

В обычные годы липа используется в пищу весьма ограниченно, но с большой пользой для здоровья человека. Если не считать липовый мед, то следует упомянуть чай из цветков липы и различные холодные напитки. Для чая берут две части липового цвета и часть лепестков шиповника, перемешивают и используют для заварки. Напиток из цветков липы делается просто. Берут 10 г сухих цветков, заливают литром кипятка и настаивают 2—3 часа. Затем надо процедить, добавить мед и поставить на холод.

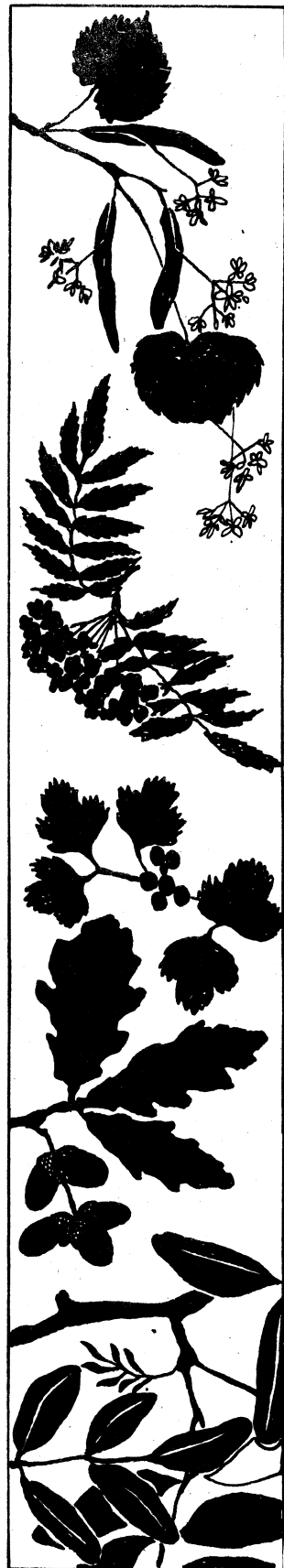
Древние славяне очень любили липу за ее красоту и ту пользу, которую она приносит человеку. Они посвятили липу богине любви и красоты — Ладе. Наши предки всегда старались сохранить это дерево или вырастить новую липовую рощу. В ней было хорошо отдыхать, водить хороводы и даже работать. Здесь в тени развесистой кроны плели лапти, бондарь мастерил кадки, а резчик трудился над кружевными узорами.

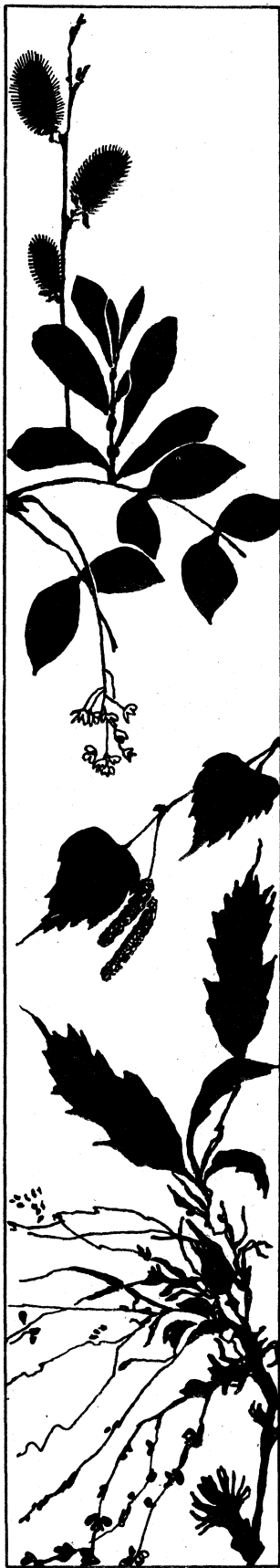
Липа — дерево долгоживое. Она может прожить 300—400, а иногда и 1000 лет. Липа хорошо растет не только в средней полосе России: даже на севере Архангельской области она чувствует себя неплохо. Корневая система липы мощная, разветвленная, глубоко уходит в землю, а ствол в обхвате достигает 100 см. Видов липы много. Специалисты насчитывают их до сорока.

Химический состав липы весьма сложен. В ее цветках, которые используются в медицине, а также для изготовления чая, содержится эфирное масло, гликозиды, сапонины, каротины, дубильные вещества и аскорбиновая кислота.

Осина

Известно ли вам, что осина — близкая родственница тополя? Ее название с латинского и переводится как «тополь

трепетнолистный». А еще ботаники могут сообщить, что осина растение двудомное, листопадное, высотой 25—30 метров, распространено от южных до северных границ нашей страны. Растет на всяких почвах, но предпочитает влажные и богатые перегноем. Цветет в конце апреля и начале мая, когда еще не распустились полностью листья. Семена созревают в июне. Они снабжены пушичками и далеко разносятся ветром. Попадая на хорошую и влажную почву, могут прорасти через 35—40 часов и в первый же год дать деревце высотой до 20 см.

Осина начинает цвести и плодоносить на втором десятке лет. После 50—60 лет рост ее замедляется, а к 80—100 годам прекращается. К этому времени многие деревья поражаются грибом, древесина их становится рыхлой и не пригодной для хозяйственных целей. Корневая система у осины располагается неглубоко от поверхности. А от горизонтально расположенных корней отрастают новые молодые осинки. Может быть, эти два свойства — быстрое прорастание семян и способность давать корневые отпрыски — позволяют осине легко заселять вырубку и гари, загущенные пашни и свободные полянки около дорог.

Лесоводы считают, что в нашей стране около 18 миллионов гектаров осинников. А если учесть, что осина растет еще и в смешанных лесах, то можно насчитать 40, а то и 50 миллионов гектаров, занятых ею.

Что касается лесозаготовителей, то они об осине говорят редко и сдержанно. Она им плана заготовок не делает, это для них не основная порода. Да и сплавлять ее по рекам далеко не просто: быстро намокает и тонет.

Зато очень ценят осину лесные дятлы. Они старательно простукивают осину своими клювами, разыскивают дупла и устраивают в них свои жилища. В народных сказаниях и легендах осину называли заклятой, шептуньей, трепетой и иудиным деревом. Когда хоронили колдунов или другую нечисть, то в могилу забивали кол, чтобы нечистая сила не вылезла обратно. Осиновый кол считался самым надежным, так как долго не поддавался гниению. Иудиным деревом осину называли за то, что будто бы на ней повесился Иуда Искариот. А листьями она трясет из брезгливости, стараясь стряхнуть с себя память об этом предателе.

А если послушать различных специалистов, то можно узнать, что это очень полезное и даже ценное дерево. Плотники, столяры, резчики и мебельщики любят осину за то, что ее древесина мягкая и легкая. Именно из нее делают спички. Осину ценят в бумажном и фанерном производстве. Из нее строят дома, которые стоят по сотне лет и дольше. Осинковые бочки, кадки и ушаты широко использовались нашими предками много веков и считались весьма прочными. Балки и строила домов из осины легкие и долговечные, а срубы колодцев — весьма прочные. Для изготовления лодок-долбленок не найти луч-

шего дерева, чем осина: они не намокают в воде, не растрескиваются на солнце и не гниют на сыром берегу.

Издавна из осины делали много полезных в хозяйстве вещей: корыта для стирки белья, колоды для кормления скота, небольшие корытца, в которых сечкой рубят мясо на пельмени, широкие лопаты для посадки караваев в печь, для перелопачивания зерна и для уборки снега. Сапожные колодки, сделанные из осины и высушенные особым способом, были самыми крепкими и легкими: они не трескались, долго не изнашивались и даже не поддавались ни острому ножу, ни тяжелому топору. Посуда с хохломской росписью, детские игрушки из осины также были прочными и легкими. Да разве можно все перечислить, что делал русский мужик из осины!

Старые сибирские охотники тоже часто прибегали к помощи осины. Когда они надолго уходили в тайгу, то к своей основной пище добавляли мологую осинную кору, чтобы не устать в лесу и не хворать. Крестьяне стали добавлять осинную кору в корм скоту. От этого шерсть овец становилась густой и блестящей, а козы и коровы давали прибавку молока и не болели. Потом и животноводы заметили, что отруби с мукой из осинной коры поедаются коровами более охотно, чем обычные, без добавок.

Об осине очень хорошо отзываются химики. Из осины они получают фурфурол (сырье для различных отраслей), некоторые лекарства, хлорофилл, жирные кислоты, витамины, сладости, вязкозу и многое другое. В почках осины есть эфирное масло, дубильные вещества, яблочная кислота и гликозиды. А пчеловоды заметили, что осина дает пчелам много пыльцы и строительного материала для знаменитого прополиса.

Когда доведется бывать в осиновом лесу, остановитесь и прислушайтесь. Даже при безветрии, от еле заметного движения воздуха листья осины трепещут и как будто шепчутся. Оказывается, эта способность объясняется строением листа. Черешок его длинный, сплюснут посередине, и поэтому даже слабое дуновение ветерка вызывает движение листьев. Осинный лес — как живой, он постоянно что-то лепечет, будто разговаривая с нами.

Осина — очень нарядное дерево, с весны и до осени привлекает она взор: пока не растает снег — чистыми светло-зелеными стволами, летом — непрестанно трепещущими листьями, в пору листопада — оранжево-красным пожаром.

Осина издавна применялась в народной медицине. Использовались в основном ее почки: из свежих делали отвары и примочки, а из высушенных и растертых — мази для заживления ран и лечения ожогов.

Об осине пока не могут сказать ничего только врачи-диетологи, кулинары-технологи и гигиенисты питания. Осина в этом плане не изучалась, а сведений о применении ее в качестве добавок к пище таежными охотниками явно недостаточно.

Очень любят осину юннаты. Наблюдать за ней, выращивать ее — одно удовольствие. Цветение осины — это как праздник: она цветет богато, весело, с размахом. Семенами засыпает всю землю не только около себя, но и далеко от осинников: цвести так цвести! А осенний сучкопад? Об этом даже не каждый знает. В нужное время осина теряет не только листья, но и сучки. Ее ветки так устроены, что осенью некоторые из них легко отторгаются от ствола, на котором остается лишь небольшое утолщение в виде шляпки от гвоздя. Интересно, что в разном возрасте осина имеет листья разной формы: у молодых деревьев они крупные и заостренные, а у старых — круглые с зубчиками.

Осина активно завоевывает себе место под солнцем, если надо — вытесняет другие растения, которые ей мешают. Ее усиленное размножение обеспечивается побегам от корней, которые появляются за 30—40 метров от основного ствола, и огромным количеством семян за одно цветение. На Урале, например, почти все вырубки сразу же занимает осина. Она устойчива к уральским морозам, не очень требовательна к почвам и любит открытые, незатененные места.

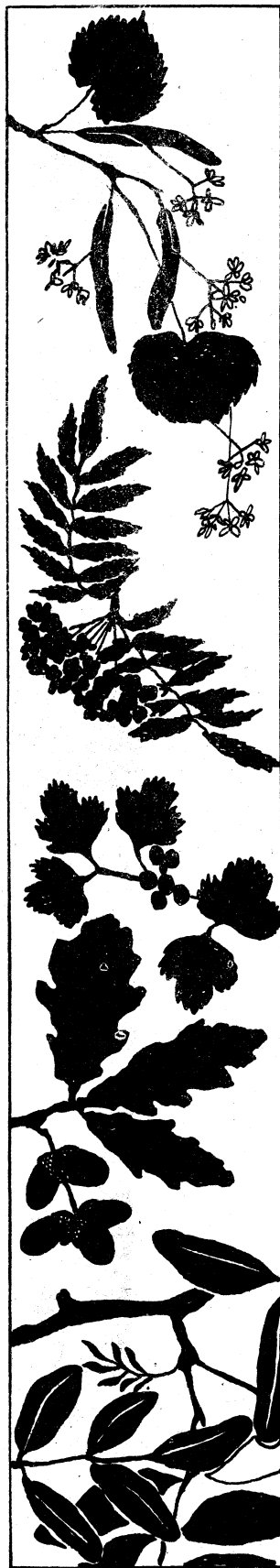
Экономисты лесного дела считают, что осина — дерево с большим будущим. Уже сейчас найдены сорта, которые обладают способностью очень быстро расти, дают прекрасную древесину, не поддающуюся гниению. Такая осина поможет сохранить другой лес, даст стране много отличной бумаги и разной другой продукции.

Тополь

Что может быть привычнее этого дерева для любого из нас — сельского жителя или городского? Эти рослые светлокорые красавцы растут повсеместно: на сухих и влажных местах, аллеями вдоль дорог, рощами и поодиночке, на солнечном просторе и в парковой тени, среди собратьев других пород. Тополь уживчив, неприхотлив, быстро растет, дает много тени, умеет добывать влагу из нижних почвенных слоев, а от его мощных корней могут отрастать новые деревья.

Если учесть все его полезные качества, то буквально нет цены этому дереву, особенно в больших промышленных городах. И, пожалуй, главное его достоинство — способность поглощать из загазованной атмосферы вредные соединения, а взамен поставлять нам кислород. Тополь вырабатывает его в два раза больше, чем дуб, почти втрое больше липы, а по сравнению с елью — даже в семь раз!

Летучие соединения — фитонциды — тополь выделяет в огромных количествах, тут он просто рекордмен среди лиственных пород. Его целебный аромат облагораживает воздух, убивая и нейтрализуя всякие вредные и неприятные запахи. За лето одно взрослое дерево уменьшает содержание пыли и копоти в воздухе наших городов на 20—30 кг! Можно сказать,

что тополь — целая химическая лаборатория на службе человеку.

Тополя, эти уникальные природные фильтры воздуха, которым мы дышим, вполне заслужили, чтобы люди относились к ним особо бережно и уважительно. Но с горечью приходится признать, что человек по отношению к этому дереву оказался в высшей степени неблагодарным. В городах, особенно в последние годы, тополям буквально нет житья: их бесконечно опиливают «под столба», обрубают «лишние» сучья, которые никому не мешают, а при случае — безжалостно выкорчевывают, если поблизости намечается строительная площадка, хотя и не всегда это необходимо. И самое обидное и непонятное: уничтожением тополей занимаются ведомства и организации, призванные их беречь, люди, которые за то и получают зарплату, чтобы сохранять и увеличивать зеленый наряд наших городов, — работники горкомхозов и горзеленстроев.

Чем же так провинился тополь? В чем от него вред, который, можно подумать, куда больше приносимой этим деревом пользы?

А вред от тополя — только его пух, который облетает в июне и на 8—10 дней, если нет дождей, образует в воздухе своеобразную летнюю пургу. Пух засоряет улицы, вызывает у некоторых людей аллергию — вот и вся беда. Уж так ли она велика, чтобы варварски расправляться с беззащитными деревьями?

Кстати, современная техника позволяет бороться с пухом, не губя и не уродуя тополя. Можно, например, использовать мощные поливочные машины, и тогда намоченные пуховые кисти будут целиком осыпаться — останется только их подметать. А это уже не проблема.

Специалистам зеленого хозяйства должны быть хорошо знакомы и биологические способы борьбы с обильным пушением тополевыми насаждениями. Как известно, тополь — дерево двудомное. Соцветия, которые дают семена с пухом, образуются лишь на женских деревьях. Об этом люди знали еще в древности. Греки, например, сажали на улицах и площадях только тополя мужского рода.

Различать эти деревья не так уж сложно. Мужские гораздо крупнее, у них более мощные ветки, а листья округлые и короче женских, имеющих удлиненную остроконечную форму.

Словом, надо не калечить или уничтожать тополя, а постепенно, если уж это необходимо, заменять пухообразующие деревья мужскими. В этих же целях, специально для озеленения городов, в нашей стране выведены гибридные сорта, которые не дают пуха: ленинградский, башкирский, свердловский, курский тополь. Они быстро растут, образуют крону с большой площадью зеленой поверхности листьев. Эти сорта приспособлены для разных климатических зон.

Мы любим называть лес или отдельное дерево нашим зеленым другом. К сожалению, нередко — это только расхожее слова. А между тем тополь, который давно и верно служит человеку, очищая воздух,

без которого мы не сможем жить, более других достоин, чтобы к нему люди относились действительно по-дружески. И давайте не будем губить тополя. Не надо рубить сук, на котором сидим.

Дуб

Наверно, не сосчитать, сколько легенд и преданий сложили люди о дубе, латинское название которого переводится как красавец, красивое дерево. Дуб, действительно, могуч и великолепен. Высота этого дерева может достигать пятнадцатого этажа, а толщина ствола — нескольких обхватов. Корни уходят на глубину 10—12 метров, а в отдельных случаях — даже на 50—70 метров. Красивейшая густая крона-шапка достигает 40 метров в диаметре и может укрыть не один десяток людей от дождя и зноя.

Дуб во все времена поражал людей своим величием. Древние греки считали его ровесником Вселенной, называли чудом мира, обожествляли и посвящали его богу света и покровителю искусств Аполлону. В Древнем Риме дуб посвящали верховному богу Юпитеру. Славяне тоже обожествляли дуб, считая его святым деревом.

На Украине у селения Верхняя Хортица растет дуб, который ведет счет своих лет с XIII века. Предание гласит, что под этим дубом в 1648 году Богдан Хмельницкий давал панутствие своим казакам перед боем: «Будьте, хлопцы, в бою такими же крепкими, как этот дуб». Согласно другой легенде, будто бы под этим дубом запорожцы писали свое знаменитое письмо турецкому султану.

В Армении у селения Нижний Агдан, на склоне горы Дюр-Сар, растет один из древнейших дубов, возраст которого более 1500 лет. В Литве в Зарасайском районе растет дуб, возраст которого определяется в 2000 лет.

Разновидностей дуба очень много — только в нашей стране насчитывается около 20. Они отличаются формой листьев, кроной, ростом. Одни в виде кустарника в 3—4 метра высотой, другие — в виде могучего дерева, достигающего 50-метрового роста. Наиболее распространен дуб обыкновенный, или черешчатый, называют его еще летним. Относится дуб к семейству буковых.

Дуб — растение светолюбивое. Он может мириться с боковой тенью, но совсем не переносит затенения кроны сверху. Рядом с ним могут расти липа, клен, ясень, граб, осла. Они не мешают ему, так как дуб получает питательные вещества из более глубоких слоев почвы. Но лучше всего растет дуб на степных, полевых просторах. Ему не страшны дожди и ветры. Почву терпит любую, может расти на суглинках, песчаниках, переносит небольшую их засоленность. Важно, чтобы в первые годы роста не погиб молодой дубок, а дальше ему невзгоды уже не страшны. Любопытно, что дуб значительно чаще поражается молнией, чем другие

породы деревьев. Из 100 ударов молний в деревья на дуб приходится 54. Распространение дуба в природе чаще всего производят птицы сойки, которые не только лакомятся желудями, но и создают запасы. Любят дубовые желуди белки, барсуки, медведи и дикие свиньи. Им не страшно ядовитое вещество кверцит, содержащееся в желудях и опасное для человека, если желуди не обжарены.

Химический состав желудей изучен довольно хорошо, так как человеком дуб используется с незапамятных времен. В очищенных от оболочек желудях содержится до 8 процентов протеина, до 5 — жира и до 60 — углеводов, из них до 10 процентов растворимых. В листьях дуба есть протеин, белок, жир, клетчатка, а в золе обнаружены кальций, фосфор и другие микроэлементы. Что касается коры дуба, то она ценится за высокое содержание в ней (от 10 до 20 процентов) дубильных веществ.

Иногда на листьях дуба появляются разрастания в виде орешков до 1 см в диаметре. Эти разрастания, называемые галлами, возникают от укулов некоторых насекомых. Внутри галлов находится личинка насекомого, а вокруг нее происходит накопление дубильных веществ, из которых раньше готовили чернила.

Украинскими учеными было установлено, что листья дуба выделяют вещества, благотворно влияющие на людей с повышенным кровяным давлением. Исследования показали, что вдыхание дубовых фитонцидов нормализует частоту дыхания, снижает артериальное давление, успокаивает больных и погружает их в спокойный сон.

Хозяйственное значение дуба очень велико. Это поставщик хорошего материала для мебельного производства и судостроения, красок и лечебных препаратов.

Дубовая кора веками использовалась для выделки кож и лечения некоторых заболеваний. Желуди и листья дуба — хороший корм для скота. Что касается применения желудей в питании, то это, вероятно, один из первых способов использования дуба человеком. Еще в глубокой древности из желудей готовили еду и некий хлеб. Некоторые индейские племена Калифорнии до сих пор запасают и употребляют в пищу желуди. После удаления дубильных веществ из желудей можно варить кашу, готовить кофе, а из муки — печь олады, лепешки и даже ореховые торты.

Собирают желуди созревшими и после первых заморозков. Очищают от кожуры, измельчают в ступке, заливают водой и вымачивают двое суток, меняя воду несколько раз. Затем сушат, еще измельчают и используют в пищу.

Зная ценные качества дуба, люди во все времена стремились выращивать дубовые рощи — дубравы. Каждый, кто посадил и вырастил дуб, может считать, что оставил на Земле память о своем труде на века.

ПЛЕМЯ

Повесть

**Евгений
НАУМОВ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Два жарких костра пылали в центре поляны, вырывая из ночной тьмы мохнатые лапы деревьев. В неровных отблесках лесные великаны казались жуткими существами, собравшимися на при и плотной стеной окружившими свои жертвы. Пять крохотных фигур замерли в напряженном ожидании. Они молчали и не шевелились, глядя беззащитными перед этими сумрачными гигантами, подступившими со всех сторон.

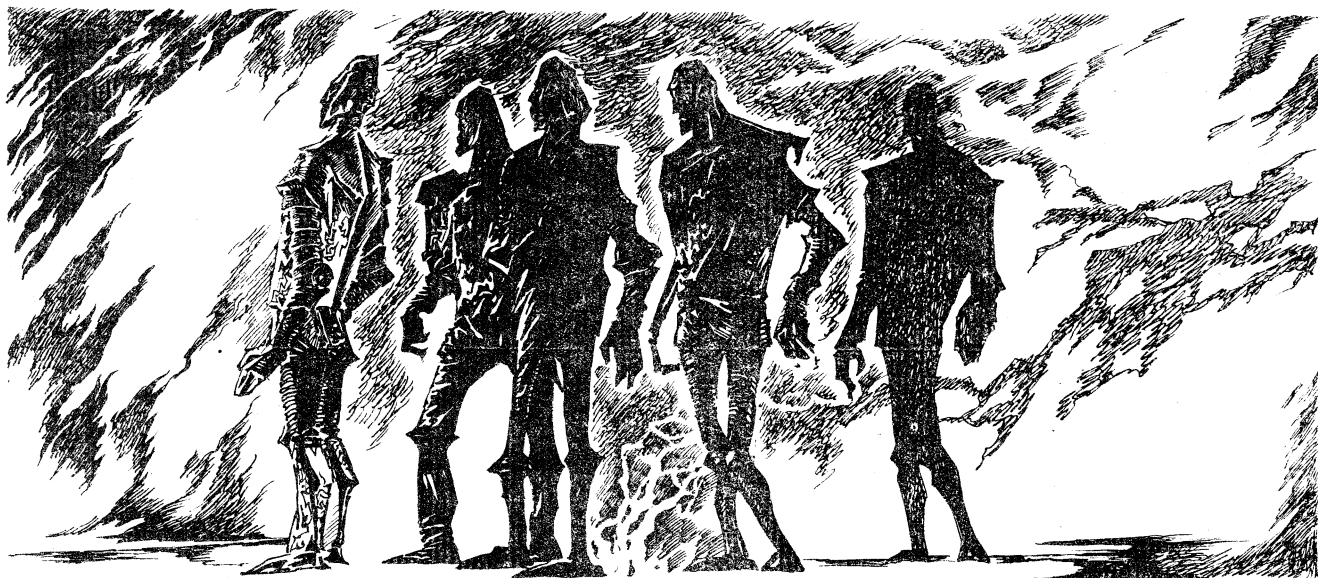
Дым стелился по ветвям, тянулся к небу, и свет звезд не доходил сюда. Гудело яростное пламя костров, огненные языки взмывали ввысь, выстреливая снопами искр. Огонь притягивал к себе, гипнотизировал и ослеплял, казалось, тени становятся гуще, плотней смыкаются вокруг поляны.

Пять застывших, как изваяния, фигур являли собой странное зрелище. Можно было подумать, что они одеты в лохмотья или, скорее, в помятые и ржавые доспехи средневековых латников.

Евгений Васильевич Наумов родился в 1945 году в городе Свободном Амурской области. В 1967 году закончил службу в рядах Советской Армии, после чего работал слесарем-сборщиком, электромонтером, слесарем-ремонтником, лаборантом. В 1975 году закончил Литературный институт имени А. М. Горького. В настоящее время живет в Свердловске, работает техником-наладчиком.

В нашем журнале публикуется впервые.

МУДРОГО РО

Лишь один, тот, что стоял поодаль от остальных, прямо между кострами, мог похвастать блеском и новизной своего одеяния. Блики огня играли на металлических пластинах и накладках, сочленения из пластика отливали матовой белизной. Он был более нетерпелив, чем другие, и уже несколько раз переступал с ноги на ногу. Он знал, что все собрались здесь ради него, что ради него пылают эти костры. Он был самым молодым в племени, поэтому воспринимал знаки внимания, оказанные ему, как высокую честь. До сих пор он не видел мудрейшего среди них и не говорил с ним, но приближалась минута, от которой зависела его судьба: вот-вот должен был появиться вождь, чтобы сказать свое слово.

Наконец в стороне, за границей света, послышалась возня, сопровождаемая металлическим бречением и поскрипыванием. Затем более отчетливы стали тяжелые, грузные шаги, треск ломающихся сучьев. Из тьмы в ярко освещенный круг вышли двое. Они с большой натугой, угадывавшейся в их замедленных и неловких движениях, но осторожно, как великое сокровище, несли странное скрюченное существо. Октавус не сдержался и издал глухой возглас изумления, когда понял, что это и есть мудрый Ро.

Старика принесли из шалаша, где он коротал свои дни и спасался от непогоды. Он не мог ни стоять, ни лежать, мог только сидеть. Жизнь еле теплилась в нем. Но он был нужен племени, и

его оберегали. Лишь благодаря ему они выстояли в борьбе со свирепыми Ованго, безжалостно уничтожавшими их. Это мудрому Ро пришла мысль о том, что племя, чтобы выжить, должно научиться создавать себе подобных, но молодых и ловких.

И вот они создали Октавуса вместо того, чтобы залечивать старые раны. Ро доказал, что Октавус — это их надежда, и что это только начало нового пути, по которому они пойдут. Этот путь приведет их к победе над смертью, над всемогущим временем. Ведь они все настолько старые и изношены, что неспособны по-настоящему постоять за себя. Но теперь у них есть Октавус! Вот он стоит, весь в бликах яркого пламени, молодой, сильный, сияющий. Их детище, их сын, их надежда! И не жаль тех усилий, которые они приложили, не жаль жертв, на которые пришлось пойти. Ненго стал немой, чтобы мог говорить Октавус. Ухето отдал часть своей оболочки, покрыв себя безобразными заплатами, зато Октавус блистает, и на его корпусе нет ни единой вмятины или царапины. Янато лишился одной руки, чтобы у Октавуса их было две. Это большие жертвы. Октавус рожден в муках, но зато он должен сделать то, что не по силам никому другому, и будущее отступит перед ним и не будет столь мрачным и безысходным, каким представлялось раньше.

Мамбуса и Кало донесли старика до камня в

нескольких шагах от костра и усадили его. Октавус оказался прямо против вождя, с боков встали остальные, с каждой стороны по трое. Это было все их племя. Раньше их было много больше. Но теперь они сильны, как никогда. Впервые их племя увеличилось в числе, прежде оно лишь уменьшалось. А голос Ненго, руку Янато и доспехи Ухето они со временем вернут, все это взято для того, чтобы Октавус побыстрее встал в строй.

Он с любопытством разглядывал вождя и не мог найти в его облике ничего, что выделяло бы его среди соплеменников. Вождь был таким же помятым, как и остальные. Но Октавус знал, что каким-то чудом Ро сумел сохранить свой мозг. Правда, блоки памяти с первоначальной информацией и программой поведения были расстроены, так что он не мог по своему усмотрению пользоваться знаниями, запрятанными словно за семью замками, ключей от которых он не имел. Лишь в редкие минуты искры воспоминаний проскальзывали в его голове, тогда Ро рассказывал удивительные вещи. Что раньше их племя вело совсем иную жизнь, что не было беспощадной борьбы с Ованго, скитаний в дремучих и мрачных лесах, не было страха и отчаяния... Однако воспоминания представляли собой обрывки из обрывков, все было смутно и неопределенно. Несомненным оставалось лишь то, что Ро хранит в себе великую тайну, разгадка которой даст им надежду на спасение.

Откровения его не ограничивались видениями счастливой жизни, многие чисто практические советы вождя носили на себе печать тайного знания. Так по крайней мере казалось его соплеменникам. Недаром он представлялся им колдуном и чрево вещателем, каких много было у людей Ованго.

Ованго постоянно громили их базы. Вместе с другим оборудованием гибли программные и записывающие устройства, которые приходилось изготавливать вновь и вновь. Постепенно эти устройства становились все более и более примитивными. Не только потому, что оскудевали технические возможности племени: борьба за существование вынуждала считаться лишь с тем, что способствовало выживанию. Круг вопросов, волновавших племя, замыкался на военных хитростях Ованго, их нравах и обычаях, на опасностях, подстерегавших роботов в лесах и болотах, на том, что было связано с залечиванием ран, с изготовлением вышедших из строя механизмов и приборов, на проблеме обеспечения энергией. А прошлое между тем уходило все дальше и представлялось все менее существенным.

Новая жизненная программа была продиктована повседневным опытом, поэтому всякий раз, когда приходилось заменять поврежденные в битвах блоки и ставить запасные, «чистые», в них вносилась лишь та информация, что теперь счи-

талась важной. Все оставшиеся в живых роботы, за исключением Ро, перенесли на своем веку не одну операцию с заменой блоков, и это привело к тому, что в итоге исчезло главное — смысл и суть их напряженной каждодневной борьбы.

Ро не был вождем с самого начала, первое время никто всерьез не принимал его откровений. Однако пришло время, когда запасы были исчерпаны, племя оказалось на грани гибели. И тут именно Ро нашел выход: он призвал оставить базы, взять все, что можно, и уйти в глухие леса, недоступные для Ованго. Его послушались, и он стал вождем. Правда, угроза гибели лишь отступила. Но теперь все уповали на вождя, ибо он сумел доказать, что способен вести их за собой.

Не только для Октавуса, но и для остальных роботов эта ночь, озаренная пламенем гудящих костров, была исполнена высокого смысла. Все с нетерпением ждали, что скажет вождь. И Ро наконец заговорил. Его сухой, слегка надтреснутый голос звучал ровно и монотонно, но так говорили все в их племени.

— Я пришел приветствовать тебя, Октавус,— начал старик,— потому что твое рождение — большое событие для всех нас. У тебя необычное имя, и ты должен знать, что оно дано тебе на языке, который мы давно утратили. Нам приходится говорить на языке Ованго, и сами мы носим их имена. У тебя настоящее имя! Это залог того, что скоро мы вновь обретем наш древний язык. А значит, и утраченные знания. Когда мне сказали, что ты встал на ноги, я очень обрадовался. Я подумал: «Вот появился восьмой среди нас!» И тотчас, как молния, в голове пронеслось слово «Октавус»! Да, твое имя означает «Восьмой». Ты рожден под знаком откровения.

Старик умолк. Роботы заволновались.

— Может быть, Ро, ты хочешь отдохнуть? — спросил Ухето. Он был вторым по мудрости в племени и помнил кое-какие события прошлых лет. Но его воспоминания основывались на рассказах тех, кого уже не было в живых, и могли быть ошибочными. Только тогда, когда они совпадали с откровениями Ро, им можно было доверять в полной мере.

— Нет,— встрепенулся вождь,— я буду говорить, я должен вам многое сказать. Я упомянул об Ованго, они отняли у нас все, хотя и нелегкой ценой. Многие из них нашли смерть от наших копий. Но Ованго бессмертны, потому что владеют тайной воспроизводства. В этом их сила. Сегодня и мы сделали первый шаг. Однако спасение не придет само собой. Нам нужны десятки новых воинов, но мы исчерпали все запасы на Октавуса. Нам нужна хорошо оснащенная база. Нам нужны готовые блоки для мозга и электронная аппаратура. Но ничего этого у нас нет. Здесь, в лесу, мы не выживем.

— Как же так, Ро? — перебил вождя Янато.—

Нам казалось, что ты нашел выход. Мы надеялись на Октавуса. Зачем же тогда я отдал свою руку?

Все, кроме Ро, засмеялись, и странно прозвучал на глухой лесной поляне резкий и дребезжащий смех человекоподобных существ, собранных из износившихся и наполовину бездействующих механизмов.

— Не горячись, Янато, пусть Ро говорит дальше,— произнес Кало. Он и Мамбуса сохранились лучше других и считались главными воинами племени. Собственно, лишь на них и можно было рассчитывать в случае нападения Ованго.

— Но электронная аппаратура есть на холмах, на нашей первой базе,— невозмутимо продолжал старик.— Там есть и приборы, при помощи которых Ненго сумел бы найти и устранить неисправности в моем блоке памяти.

Раздался приглушенный ропот: теперь и остальные не понимали вожда. Все знали, что в районе первой базы властвуют Ованго. Даже когда роботов было гораздо больше, никто из них не осмеливался появляться в тех краях. Прямо на базе Ованго устроили свой капища и надежно их охраняли.

— Я понимаю, чем вы обеспокоены,— сказал Ро,— но иного выхода у нас нет. Нам необходима аппаратура.

Об Октавусе как будто забыли. Он это почувствовал и переминался с ноги на ногу. Встреча с мудрым Ро, начавшаяся столь торжественно, вдруг стала тягостной. Октавус заметил, как поникли его соплеменники, увидел, насколько они жалки и беспомощны, и его молодая сила теперь показалась ему ненужной и даже преступной. Получалось, что он обокрал и без того покалеченных, многого лишенных стариков. Им самим пригодились бы детали, которые пошли на его изготовление. Недаром его упрекнул Янато. Выходит, ни он сам, ни мудрый Ро не оправдали надежд, которые возлагало на них племя. Гнетущее молчание роботов было тому бесспорным подтверждением...

Первым обрел дар речи Ухето:

— Если я не ошибаюсь, Ро, ты собираешься вести нас к нашей первой базе? Но это не реально!

— Я останусь здесь.

— Вот как! — растерянно произнес Ухето.— Может быть, ты решил возложить руководство племенем на меня?

— Ты тоже не пойдешь туда, Ухето. Пойдет Октавус.

— Как? Один? — вырвалось у Янато.— Невероятно!

Но Октавуса обдала волна гордости. Нет, мудрый Ро не забыл о нем, все, что он говорил раньше, было лишь предисловием. Он — Октавус — не обманул в своих ожиданиях. И какие бы трудности ни ждали его, он их преодолеет!

— Да, Октавус пойдет один,— подтвердил вождь.— Одному легче проникнуть в логово Ованго. На первое время нам хватит того, что он принесет.

Костры догорали, голубые язычки пламени лениво плясали на багровых углях, пышущих жаром. Тьма сгустилась, но никто не обращал на это внимания, все были заняты обдумыванием того, что им сказал Ро. Его план уже никому не казался нелепым: ничего другого просто не оставалось.

— А если Октавус погибнет? — спросил Ухето.

— Значит, погибнем и мы,— ответил старик.

— Нет! — горячо воскликнул Октавус.—

Я должен достать аппаратуру, и я ее достану. Я заплачу за руку Янато и за все остальное!

— Эх, Октавус,— сказал Янато, тронутый его словами.— Ты очень молод и не знаешь, какая это трудная задача!

— Но вы же отдали мне самое лучшее, что у вас было! Вы готовили меня для большого дела...

Когда огонь погас и угли покрылись бурым пеплом, стало совсем темно, и над поляной засияли звезды. Роботы затаили песню. Они переняли ее от Ованго и сделали своим гимном. Роботы не знали своих предков, у них не было легенд и сказаний, которые могли бы поведать об их происхождении. Собственное существование представлялось им бесконечной чередой стычек с врагами и подготовкой к новым стычкам. Но они ощущали потребность в чем-то, что сделало бы их борьбу осмысленной. Вольно или невольно они заимствовали многие обычаи Ованго, надеясь, что это поможет им стать сильнее.

Закончив песню, Кало и Мамбуса бросили по охапке хвороста в костры и разворошили угли. Вверх взлетел золотой дождь искр, и яркое пламя вновь осветило бесстрастные лица и неуклюжие фигуры...

Роботы жгли огонь до рассвета, а когда рассвело, приступили к испытанию Октавуса. Все хотели убедиться: по силам ли ему сложная задача, которую на него возложил Ро? Принесли несколько копий с металлическими и кремневыми наконечниками, пращу для метания камней, ядра из галечника.

— Выбери себе оружие,— сказал Ухето.— Нам доставалось и от того, и от другого.

Октавус вонзил в дерево два копия с широкими и плоскими, как нож, наконечниками и издал возглас восхищения. Кремневые наконечники ему не понравились: они не втыкались в дерево, хотя и оставляли в нем глубокие вмятины.

— Я возьму с собой эти,— указал Октавус на дровяки, торчавшие в стволе.

— У Ованго не было раньше металла,— заметил Ро.— Они его воровали у нас. Но они первые догадались использовать его для изготовления оружия. Это лишний раз говорит, насколько

плохо мы были приспособлены к войне. Помимо всего, над нами довлел запрет делать зло людям... Многие из нас погибли, прежде чем мы научились воевать.

— Да, Октавус,— подтвердил Ухето,— мы всего-навсего ученики Ованго и, чтобы победить, должны превзойти их. Раньше у нас были знания, но не было опыта, теперь есть опыт, но утрачены знания. Если ты принесешь приборы и Ро вновь обретет память, мы сумеем одолеть Ованго.

Затем Октавус упражнялся в метании камней из пращи и проявил большое искусство в этом деле. Роботы остались довольны им. Даже те, кто сначала сомневался, поверили в него.

В поход Октавус взял лишь самое необходимое: оружие, веревку, инструмент для устранения мелких неисправностей. Кало и Мамбуса провели его через лес и остались у подножия холмов, где обещали ждать. Ему следовало идти все время на восход Тоху, вверх по руслу неширокой, выщелой среди лугов и перелесков реки. Как объяснил Ро, она приведет к цели.

По расчетам вождя, Октавус должен был добраться до места за четыре дня. Но уже на третий он почувствовал смутное беспокойство. Быть может, это было вызвано тем, что он вступил во владения Ованго и едва ли не на каждом шагу наталкивался на следы их присутствия. Видел кострища, заброшенные хижины и шалаши, кучи раздробленных костей диких животных. Однажды ночью он услышал гортанные крики и барабанную дробь и весь внутренне напрягся, готовясь к схватке. Но ничего не произошло.

Утром на четвертый день он заметил вдалеке облако пыли и скоро почувствовал, как затряслась земля под ногами. Приготовив копье, он застыл на месте. Мудрый Ро ничего не говорил о подобных вещах. А между тем необычный для лесной глуши гул стремительно нарастал. Октавус вскоре увидел, что в вихрях клубящейся пыли какая-то сплошная бурая масса с ревом, визгом и топотом летит прямо на него. Он сообразил, что ему не отразить копьём обезумевшую живую лавину, и рванулся к спасительному островку леса. Забившись в самую чащу, он уже слышал, как трещат кусты и деревья, и решил, что наступил последний миг. Но он остался цел. Огромное стадо рогатых животных пронеслось мимо, земля все еще тряслась под их копытами, хотя сами они уже скрылись вдали в облаках пыли. Октавус был ошеломлен и подавлен, его боевой пыл несколько спал.

Выбравшись из перелеска, он с изумлением наблюдал, как оседает пыль на кровавое месиво изувеченных животных, раздавленных в неистовом порыве своими собратьями. Особенно много павших было у лесного островка. Перелесок разбил стадо на две части, и ряды его смешались.

А напор лавины был неумолим. Лишь ценой огромных жертв стадо сумело произвести необходимый маневр.

Октавус прибавил шагу, стремясь покинуть опасное место, и скоро увидел зрелище, повергнувшее его в полное смятение. Волосатые двуногие существа, полунагие, лишь слегка прикрывшие кусками шкур свои бронзовые тела, с копьями и дубинами в руках загнали в узкую лощину стадо рогачей и сцепили его плотной стеной. Октавус застал самый разгар отчаянной схватки. Теснимые со всех сторон, разъяренные быки, вожаки стада, с налитыми кровью глазами и вздыбленными загривками, ревели, раздувая ноздри и расшвыривая копытами землю. Их прямые острые рога были нацелены на двуногих врагов. Молодняк и самки сбились кучей и жались друг к другу в центре живого кольца, они выглядели испуганными и беспомощными и безучастно ждали исхода боя. Но чтобы пробиться к ним, надо было снять неприступный строй самцов, исполненных грозной решимости стоять до конца. И нападавшие хорошо сознавали это.

То, что двуногие существа были людьми Ованго, Октавус понял сразу, но он представить себе не мог, что могучие животные в панике спасались именно от них. Теперь это не вызвало сомнений, и Октавус пристально следил за схваткой, еще надеясь, что победа не достанется Ованго. В какой-то момент его тайная надежда, казалось, стала оправдываться. Из строя вдруг вырвался крупный самец с одним-единственным рогом — второй был сломан под самый корень в неведомо каких сражениях — и стремительно, как камень, пущенный из пращи, помчался на охотников. Те дрогнули и отпрянули, но было уже поздно. Высоко в воздух взлетело поддетое острым рогом тело одного из охотников и затем грузно рухнуло на землю. Убедившись, что враг повержен, бык вновь оцетинился и пригнул голову, готовясь к атаке, однако Ованго не растерялись и смело двинулись вперед. В то мгновение, когда бык уже сорвался с места, сразу несколько копий вонзились ему в бока и шею. Он взревел и, повалившись, покатился по траве. Захрустели древки копий, торчавших в его теле, единственный рог тоже оказался сломанным на две трети. Впрочем, радостный вопль охотников тут же смолк. Бык встал на ноги. Но он уже не мог продолжать борьбу. Мутная кровавая пелена застилала ему глаза, бурая пена шла из ноздрей. В бессильной ярости он повел головой, закачался и рухнул на колени. Осмелевшие Ованго подскочили к нему и добились в упор.

И тут охотников словно подменили: все разом с громкими криками ринулись на стадо. Финал был коротким и впечатляющим. Копья Ованго разили одного быка за другим. Обезумевшие животные нарушили строй и бестолково носились из стороны в сторону, подставляя под удар свои

бока. Было ясно, что они не могут противостоять Ованго, что не спасут их ни мощные копыта, ни прямые острые рога. Правда, в общей суматохе быкам удалось зацепить одного или двух охотников, но это было слабым утешением. Октавус почувствовал себя обманутым, ведь только сейчас он по-настоящему понял, с кем ему предстоит иметь дело. Он много слышал об отваге и бесстрашии Ованго, но совсем не одно и то же — слышать и видеть своими глазами!

После охоты Ованго принялись разделявать туши. Самок и молодых бычков они захватили живыми и связали веревками. Появились женщины и дети с вязаночками хвороста, загорелись десятки костров. Октавус, не покидая своего убежища в густых зарослях, наблюдал за странными поступками людей. Они жарили мясо и ели его, дети кидали друг в друга кости и смеялись. Затем началось всеобщее веселье, песни, танцы, которые в основном имитировали охоту. Одни из Ованго подражали быкам и гонялись за теми, кто изображал охотников. Последние ловко увертывались и поражали преследователей воображаемыми копьями.

Все это несколько отвлекло Октавуса от мрачных мыслей. Глядя на пылающие костры, он вспомнил лесную поляну, вспомнил до мелочей ночь посвящения. Тихо запел он боевой гимн и, постепенно избавившись от неуверенности и снова обретя мужество, решил идти дальше, невзирая на то, что надвигалась ночь. Его охватило нетерпение, он чувствовал, что цель близка, и не хотел больше медлить.

На рассвете он увидел тонкий серебристый столб, возвышающийся над холмами. Его остроконечную вершину уже осветили первые лучи Тохо, и она сверкала, словно была усыпана алмазами. Октавус мог поручиться, что это не природное образование, но, с другой стороны, мудрый Ро ничего не говорил ему о подобном столбе. Кто его воздвиг здесь? Зачем? Робот остановился в нерешительности. Может, он сбился с пути? Однако рядом, всего в нескольких шагах, протекала река, и утренний туман клубился над ней, поднимаясь все выше, становясь с каждой минутой прозрачней и невесомей... Нет, Октавус знал твердо, с пути он не сбился.

Скоро он заметил другие сооружения. Но они не шли ни в какое сравнение с серебристым цилиндром. Это были полуразрушенные строения с ободранной обшивкой. От некоторых остались лишь голые скелеты металлических конструкций, изъеденных ржавчиной. Под их сводами располагались капища Ованго. Устроены они были довольно просто: вокруг плоских жертвенных камней стояли деревянные идолы, украшенные побрякушками и всяким хламом, который Ованго скорей всего насобирали здесь же. Блестящие железки, стекляшки, кольца, трубки, пружины — во всем этом Октавус узнавал дета-

ли от приборов и механизмов, некогда принадлежавших роботам.

Октавус не предпринимал никаких действий, он наблюдал. За целый день в храме среди развалин была принесена всего одна жертва. Жрецы убили какого-то мелкого зверька, намазали кровью лица идолов, а затем сожгли тушку, подкидывая в огонь пучки трав. У жертвенника толпились лишь несколько человек. Однако по некоторым признакам Октавус догадался, что готовится грандиозное жертвоприношение по случаю удачной охоты. Ованго носили дрова и складывали у алтарей, тащили спутанных веревками, ревущих и брыкающихся животных, захваченных живьем на холмах...

К вечеру стали собираться те, для кого предназначалось празднество. Охотники пришли без женщин и детей и были вооружены. Сперва это насторожило Октавуса. Все свидетельствовало о том, что Ованго не теряют бдительности и готовы дать отпор любому, кто их потревожит. Но потом он пришел к парадоксальному выводу. Ованго вооружены, они все в сборе и прекрасно сознают, что никто не рискнет напасть на них сегодня. А потому они, скорей всего, вообще сняли внешнюю охрану. Зачем нужна охрана, когда здесь целое войско? Это благоприятствовало плану Октавуса. В то время, как все будут заняты ритуалом, он спокойно проникнет в какой-нибудь разрушенный склад, где нет алтарей и жертвенников. Такой склад — целую группу развалин — он уже приметил в стороне. Там никого нет, и в темноте ему ничто не помешает перебраться туда.

Как и предполагал Октавус, едва опустились сумерки, Ованго разожгли костры. Окрестности огласились предсмертным ревом животных, которых тащили на заклатие. По пояс голые жрецы, забрызганные кровью, вершили таинственные действия у алтарей.

Но вот у ближайшего жертвенника зашелся в испуганной пляске дряхлый жрец с впалой грудью и выпирающими ребрами. Ожерелье из клыков болталось у него на шее, развевались бычьи хвосты, привязанные к поясу, в правой руке он держал кровоточащее сердце и потрясал им. Два десятка охотников, столпившись вокруг жреца, раскачивались из стороны в сторону и притопывали ногами. У других алтарей происходило то же самое. Минута была благоприятной, и Октавус, выбравшись из кустов, пригнулся и побежал к развалинам.

Никто его не заметил: культовое празднество шло своим чередом. Дорогу среди развалин, где вперемешку со всевозможным хламом насыпаны были кучи золы и полубогоревших костей, хотя и скудно, но все-таки освещали отблески костров. Однако чем дальше, тем становилось темней. Октавус включил фонарик, вмонтированный в корпус, и замер от неожидан-

ности: впереди зиял овальной формы провал. Исследовав отверстие, Октавус понял, что это ход в подземелье. Крышка люка давно уже была сорвана и, по-видимому, утащена Ованго для своих надобностей.

Рассудив, что в подземелье он скорее наткнется на желанную добычу, Октавус стал осторожно спускаться по узкой каменной лестнице. Мимо него шныряли небольшие рыжие зверьки с острыми мордочками и длинными тонкими хвостами, возмущенно попискивали.

Под толщей земли царило такое же запустение, что и среди развалин, однако следы разгрома не носили столь явного характера. И не было золы и костей. Лишь вековая пыль, помет вездесущих зверюшек, ржавчина и хлам. Разбитые ящики, исковерканные приборы и оборудование... Октавуса интересовали лишь контейнеры определенной формы. Только в них могла храниться и уцелеть аппаратура, за которой его послал Ро.

Вдоль просторного центрального коридора располагались складские помещения с прывалами вывороченных дверей. В одном из них Октавус обнаружил крышку от наружного контейнера. Никакой пользы от крышки не было, но сам факт, что он на верном пути, заметно приободрил его. Он с энтузиазмом принялся за дальнейшие поиски и вскоре дошел до новой лестницы. Спустившись еще ниже, Октавус оказался в точно таком же коридоре, как раньше, и здесь ему сразу повезло. В первом же помещении он наткнулся на контейнеры, которые искал. Однако радость его была преждевременной: все они были разломаны, аппаратура валялась в пыли и помете. Разбитая, помятая, ржавая, ни на что не пригодная. Он заспешил в соседний склад, но и там его ждало разочарование. Так он переходил из одного помещения в другое, уже не пытаясь разрывать груды хлама, как это делал вначале,— первого же взгляда было достаточно, чтобы определить, что его ждет.

С горечью, переходящей в полное безразличие, он следил за лучом фонарика в одной из последних на этом этаже комнат, и перед его глазами открывалась знакомая картина. С той лишь разницей, что здесь кишмя кишели рыжие зверьки. Их было здесь гораздо больше, чем в любом другом месте. Быть может, это обстоятельство заставило его задержаться в складе чуть дольше обычного. Расплата последовала мгновенно: зверьки атаковали его все разом, они отчаянно пищали, носились по контейнерам, прыгали на него, бессильные причинить хоть какой-нибудь вред. Без сомнения, они хотели изгнать его из своих владений. Но почему раньше они не нападали на него столь яростно?

Объяснение пришло очень скоро. Среди множества рыжих тварей, снующих вокруг него,

Октавус заметил особей белого цвета. Они были намного крупнее остальных и держались поодаль, не принимая участия в атаках. Октавус сообразил, что в иерархии звериного царства эти белые гиганты играют весьма важную роль, их-то и защищают рыжие. Вслед за этой догадкой в сознании робота мелькнула другая. Он решил, что искать уцелевшие контейнеры надо именно тут. Для Ованго озлобленные рыжие зверьки должны представлять серьезную опасность, люди ведь состоят не из железа и прочного пластика! Поэтому Ованго не могли основательно похозяйничать в этом складе... И, не обращая внимания на атаки зубастого воинства, Октавус шагнул вперед.

Прав ли он оказался в своих рассуждениях или по какой-то иной причине, но нижние ряды контейнеров, до которых он постепенно добрался, были расставлены в строгом порядке. Стало ясно, что Ованго их не трогали. Однако у них был еще один враг— время. Запоры, крышки и корпуса проржавели, в некоторых местах образовались дыры, судя по всему, не без помощи вездесущих зверьков, которые устраивали внутри свои гнезда. Но терпение Октавуса было вознаграждено. В самом нижнем ряду он нашел первый уцелевший контейнер, правда, с крупными ржавыми отметинами по бокам. Потом дело пошло лучше. Октавус выбрал два самых свежих на вид контейнера, перевязав веревкой, взвалил их на себя и двинулся в обратный путь.

Если сам он почти не пострадал от зубов рыжих тварей, отделавшись легкими царапинами, то древки его копий имели довольно жалкий вид. Они были изгрызены настолько, что сломались бы после первого же удара. Поэтому Октавус обломал один наконечник, решив им пользоваться как ножом, и отправился на разведку. Контейнеры он оставил у выхода из подземелья.

Уже рассвело, лучи Тохо заливали все вокруг ярким утренним светом. После мрака подземелья сияние утра представлялось каким-то празднеством, пышным и красочным. Но неожиданно сзади раздался испуганный возглас: — Смотри, смотри, робот!

Октавус оглянулся и увидел двух Ованго, перемазанных сажей. Это были уборщики. Держа плетеные корзины, они стояли около кучи золы, над которой еще вилось не осевшее облачко. Октавус крепче сжал наконечник копья и приготовился к схватке, однако уборщики побросали корзины и убежали.

Ситуация была критической. Сейчас они поднимут тревогу, и Ованго устроят облаву. Шансы на то, что ему удастся пробиться, ничтожны, он неминуемо погибнет в неравном бою... Он подумал о соплеменниках, с нетерпением ожидающих его возвращения. Разве для сражений

с Ованго послали его сюда?.. Еще не поздно. Надо переждать опасность...

Октавус спустился вниз, взвалил на себя контейнеры и отправился в тот самый склад, который недавно покинул. Веревку отвязал и засунул в пустой контейнер, надеясь, что металлические стенки защитят ее от зубов разъяренных зверьков, которые вновь дружно накинулись на него. Забрался в угол, закрылся с головой всем, что только попало под руку, и стал ждать.

Обитатели подземелья вскоре как будто примирились с присутствием чужака на своей территории. Хотя они не переставали его тревожить, копошились под боком, лазали по голове и плечам, их агрессивность заметно ослабела.

Послышался отдаленный шум. По поведению грызунов Октавус догадался, что Ованго спустились в подземелье и ищут его. Зверьки опять всполошились, неистово носились взад-вперед, издавая свистящие звуки...

Шум, который производили Ованго, становился все сильнее и сильнее. И вот сквозь щели между коробками контейнеров Октавус увидел, что хранилище, где он затаился, озарилось багровым светом коптящих факелов. «Конец», — подумал Октавус. Но в тот же самый миг все воинство рыжих атаковало факельщиков. Столь дружного напора те явно не ожидали. Завязалась настоящая битва. Крики Ованго, визг и писк, грохот железа, огонь, дым... Ованго швыряли факелы, размахивали дубинами, жгли, били, топтали проворных зверьков, но и те не оставались в долгу. Десятками они набрасывались на каждого из чужаков, среди Ованго оставалось все меньше и меньше тех, кто избежал острых зубов. Неожиданно один из нападавших упал, товарищи едва успели вытащить раненого из свалки. Это послужило сигналом к отступлению.

— Назад! Назад!.. Здесь их тьма!.. Бросайте в них факелы, и бежим!..

Слыша эти панические выкрики, Октавус понял, что спасен теми самыми зверьками, которых лишь недавно проклинал.

Брошенные Ованго факелы еще долго горели на полу, освещая следы побоища. Победа досталась маленьким зверюшкам — за дорогой ценой, обгоревшие тела их валялись даже в коридоре. Уцелевшие же беспокойно перебежали с места на место, злобно поблескивая розоватыми глазками.

Дождавшись ночи на верхнем этаже, где грызунов было меньше, Октавус решился наконец выйти наружу.

В святилище Ованго не было огня, празднество закончилось, по-видимому, еще утром, когда Октавус столкнулся с уборщиками. И все же тишина ночи казалась обманчивой. Кругом были навалены груды ржавого железа, возвышались остатки стен, буйно разросся кустарник,

и под покровом темноты везде могла таиться опасность.

Чтобы сбить Ованго с толку, если они все еще его разыскивают, Октавус двинулся в противоположную от леса сторону. Миновав развалины, почувствовал себя уверенней, хотя продвигаться в темноте было нелегко. Сделав большой крюк, он наконец вышел к реке. Впереди лежали знакомые места, но все-таки Октавус решил дожидаться утра в зарослях на берегу.

С первыми лучами он пошел дальше. Когда огненный шар Тохó выкатился из-за холмов, робот в последний раз оглянулся на святилище Ованго. И снова его поразил остроконечный столб, блистающий в лучах Тохó и возвышающийся, как исполин, над обветшалыми и ободранными скелетами древних строений.

Как и договаривались, Кало и Мамбуса ждали его на границе леса. Они не ожидали, что Октавус вернется так быстро, и не только целый и невредимый, но еще и нагруженный тяжелыми контейнерами. Если бы не это веское доказательство, они не поверили бы, что он побывал в гостях у заклятых врагов.

Для Октавуса это была торжественная минута. Он сумел выполнить невозможное, хотя никаких особенных подвигов не совершал. Может быть, ему просто повезло, но это не меняет дела...

— Скажи, Октавус, — произнес Мамбуса, — как тебе удалось победить Ованго и не получить ни единой царапины? Ведь нигде, кроме как на холмах, ты не мог найти эти контейнеры!

Теперь, когда опасность была позади, Октавуса забавлял страх соплеменников перед Ованго. Он подробно рассказал о своих приключениях в подземелье, о том, как нежданно-негаданно был спасен маленькими острозубыми зверьками.

Старый вождь, когда ему сообщили о возвращении Октавуса, словно пробудился от спячки: ставка на Октавуса была последней и решающей. Вскрыли контейнеры, осмотрели бесценный груз. Приборы и электронные блоки выглядели как новые, ни влага, ни пыль не проникли внутрь. Внешний осмотр однако еще ни о чем не говорил, и только когда аппаратуру проверили и убедились, что она исправна, Октавус мог считать, что его задача выполнена.

На другой день все дружно взялись за работу. В ремонте нуждался каждый робот. И скоро уже Янато обзавелся недостающей рукой, Ненго обрел дар речи, Чако, который в отсутствие Октавуса свалился в яму и покалечился, перестал и вспоминать об этом, а корпус Ухето выглядел не хуже, чем у Октавуса. Но самое главное, благодаря новым приборам Ненго удалось найти неисправность в блоке,

управлявшем координацией движений Ро. Вождь наконец излечился от паралича, скрутившего его много лет назад. Однако память к нему так и не вернулась. После первых неудачных попыток Ненго почувствовал неуверенность в себе: работа была слишком сложной и опасной, и он боялся совершить роковую ошибку. Племя могло остаться без вождя, поэтому на общем совете было решено до поры до времени воздержаться от риска.

Покончив с собственными неполадками, роботы приступили к осуществлению основной цели — созданию новичков, подобных Октавусу. Некоторые детали и механизмы изготовили сами, кое-что нашлось на разгромленных и брошенных Ованго базах. Кроме того, мудрый Ро вспомнил, что в давние времена погибших в боях роботов закапывали в землю, предварительно покрыв консервирующей смазкой и обернув специальной тканью, — таков был обряд, заимствованный у Ованго. От него вскоре отказались: ряды роботов стремительно таяли, приходилось бороться за жизнь каждого, уже невзирая на затраты средств и энергии. Да и смысла в этом обряде не было никакого: в отличие от дикарей роботы не верили в загробную жизнь... Теперь это нелепое, казалось бы, занятие первых лет принесло немалую пользу. Часть захоронений удалось отыскать; извлеченные из земли законсервированные роботы сохранились настолько хорошо, будто погребены были только вчера. Правда, повреждения у всех оказались весьма серьезными, тем не менее еще десять надежно отлаженных, блистающих доспехами воинов пополнили ряды племени.

И вновь, как при рождении Октавуса, на поляне, окруженной могучими лесными исполинами, запылала костры. Но как много изменилось с тех пор, когда был сделан первый шаг к возрождению! Никто не забыл памятной минуты, но и она блекла по сравнению с новыми достижениями: в эту ночь были зажжены уже не два костра, а сразу двадцать...

После приветственной речи вождя снова был исполнен боевой гимн. Затем Октавус рассказал о походе на холмы. Ведь это была первая крупная победа племени в борьбе с Ованго после долгих лет неудач и поражений.

Рассказ Октавуса был настолько складным, что увлек даже тех, кто уже слышал его. Этому способствовали и торжественная атмосфера обряда посвящения, и яростное гудение костров, и снопы золотых искр, реявших над поляной. Роботы замерли, словно боясь шелохнуться и тем помешать Октавусу. Лишь старик Ро был чем-то встревожен, казалось даже, что его вовсе не интересовал рассказ. Когда Октавус уже подходил к концу и описал, как при восходе Тоху в последний раз оглянулся на святилище и

увидел блистающий в лучах остроконечный столб, вождь не выдержал и дал знак замолчать.

— Я попросил тебя остановиться, — проговорил старик, — не потому, что твой рассказ был скучен. Но ты сегодня говоришь не совсем то, что в первый раз. Ты дважды упомянул об узком остроконечном столбе, который возвышается над холмами. Почему раньше ты не говорил о нем?

— Я не думал, что это имеет какое-то значение, — ответил Октавус. — И сперва просто забыл упомянуть о нем, хотя на меня столб произвел большое впечатление.

Все ждали, что скажет Ро, но он погрузился в долгое молчание. Тогда в разговор вмешался Ухето:

— Я смутно припоминаю, что когда-то это сооружение было нашим. Там были какие-то очень важные склады и лаборатории. Это я слышал от роботов, которые давно погибли.

— Ты прав, Ухето, — подтвердил вождь, — я тоже хорошо помню такие разговоры. Но это было очень давно. Однако перебил я Октавуса не из-за этого. Услышав о столбе, я почувствовал странное беспокойство и уже не мог думать ни о чем другом. Когда же Октавус второй раз упомянул о нем, в моем мозгу, как это бывало и раньше, отчетливо пронеслось необычное слово: «Корабль!» Ассоциации подсказали мне, что корабль — это своего рода устройство, предназначенное для полета на большие расстояния. В нем можно укрыться и жить. Там должно быть все необходимое для существования. Не отсюда ли разговоры роботов о том, что это какой-то необыкновенный склад? Но тут цепь ассоциаций оборвалась. Больше мне нечего сказать.

— Это самое ценное твое воспоминание, Ро! — воскликнул Ухето. — Если корабль был нашим домом и там есть все необходимое для жизни, то мы должны вернуть его. Лес враждебен нам, мы здесь все равно погибнем. Если же нам удастся захватить корабль, мы улетим в безопасное место.

— Да, Ухето, ты прав! — горячо произнес Янато. — Корабль — это наше жилище! Теперь все ясно! Мы забыли о самом главном!

Октавус вспомнил запустение и хаос, царившие на складах, и проговорил с оттенком горечи:

— Корабль, вероятно, вышел из строя и уже не поможет нам. Мы о нем ничего не знаем и не умеем им управлять.

— Это будет видно, когда мы захватим его, — возразил Янато. — Он ведь не рухнул от ветхости, и обшивка на нем цела и блестит, как новая. Ты же сам это утверждал. Нет, наше жилище должно быть прочней и надежней любого из нас.

— Теперь у нас есть силы,— поддержал его Мамбуса,— и мы должны захватить его!

— Я рад, что вы полны решимости сразиться с Ованго,— проговорил вождь.— Но сейчас у нас другая задача. Октавус верно подметил, мы ничего не знаем о корабле. Как мы будем им управлять? Как вдохнем в него жизнь? Наступило время всерьез заняться моим блоком памяти.

Слова Ро внесли сумятицу в настроения роботов. Вновь вернулись сомнения. Корабль захватить не так-то просто, несмотря на возросшие силы племени. Ведь раньше их было еще больше, однако отстоять корабль они не сумели...

— Нет, Ро,— отозвался Ухето,— мы не должны рисковать. Лучше отказаться от корабля. Проживем и без него. Ты для нас важнее, чем корабль и даже чем твоя память.

— Но если ко мне вернется память, мы закончим с бессмысленным и унылым существованием. Загадка корабля будет решена, у нас появится ясная цель.

— А если Ненго не справится с задачей?

— Тогда вам придется все вопросы решать самим. В конце концов, Ухето, я ведь не бес- смертен. Любая случайность может привести к моей гибели. Сегодня, завтра или через несколько дней. А вместе со мной погибнет и надежда на корабль...

Работу Ненго производил под просторным навесом, защищавшим от дождя и лучей Тохо. Здесь уже лежало безжизненное тело мудрого Ро. Хотя операция подобного рода ни для кого не была в новинку, все испытывали странное беспокойство при виде вскрытого корпуса.

Наиболее подавленными казались молодые роботы. Сбившись тесной группкой, они растерянно оглядывались по сторонам, переминаясь с ноги на ногу. Для новичков старик был кумиром и божеством, хранителем древних тайн и спасителем племени. Они не мыслили себе дальнейшей жизни без него, так как слишком много горьких истин довелось им услышать в ночь посвящения.

Один лишь Ухето оставался спокойным. За свою жизнь он много повидал, и его не могли смутить мимолетные настроения. Решение — роковое или спасительное — было принято, и эмоции теперь были излишни.

Спокойней, чем другие, отнесся к операции и Октавус. У него была своя маленькая тайна, которая всецело его занимала, не оставляя времени для бесцельных переживаний. Тайна эта должна была вскоре воплотиться в новое, невиданное оружие, обладающее большой силой. Благодаря ему роботы одолеют Ованго и захватят корабль, когда Ро встанет на ноги.

О новом оружии Октавус думал уже давно. Чем бы он ни занимался, его неотступно преследовала мысль: как увеличить дальность полета копья, чтобы разить врага с большого расстояния, самому оставаясь вне опасности? В конце концов он изобрел лук, к которому добавил механизм, способный натянуть тетиву, приложенную к толстой и упругой перекладине. Изготовив первый образец, напоминавший средневековый арбалет, Октавус отправился в лес, подальше от базы, чтобы испытать его. Он встретил стадо крупных животных с целым веером рогов на голове, хотя и не столь острых, как у быков на холмах, но на вид весьма грозных и устрашающих.

Сперва его постигла неудача: своим появлением он вспугнул стадо. Пришлось вести себя осторожней. В результате, подкравшись поближе к гордому лесному красавцу, Октавус вонзил ему стрелу прямо в шею. Сделав огромный прыжок в сторону, животное замертво рухнуло на землю.

Октавус остался доволен своим оружием, боевые качества арбалета не вызвали сомнений. Он приблизился к жертве и тут услышал в кустах шорох. Октавус насторожился. Шорох усилился, затем отчетливо донесся треск ломающихся сучьев. На поляну вышли Ухето и Мамбуса. Они с недоумением уставились на Октавуса. В руках у изобретателя был само- стрел, в специальном чехле за спиной — стрелы, а поодаль на траве валялось поверженное животное.

— Что ты здесь делаешь, Октавус?— спросил Ухето, придя в себя от изумления.— Мы тебя ищем с самого утра. И что это у тебя?

— Это самострел,— не без гордости пояснил Октавус.

— И из него ты убил животное? Ты, что же, подобно Ованго решил заняться охотой? Зачем тебе это?

— Я испытывал самострел,— ответил Октавус.

— А где ты его взял?

— Я сделал его сам. Это мой подарок мудрому Ро.

— Как? Ты уже знаешь, что он вновь с нами?— с удивлением произнес Мамбуса.— Ведь тебя не было с самого утра. Для того мы и искали тебя, чтобы сообщить эту радостную весть.

— И он обрел память?— осторожно проговорил Октавус, словно боялся, что от его вопроса что-то может измениться.

— Да, Ненго прекрасно справился с задачей,— сказал Ухето.

— Идемте скорей, я хочу сам увидеть Ро,— обрадовался Октавус.— Теперь мы отобьем у Ованго корабль! Мы будем разить их издалека, а сами останемся в безопасности. Но как Ро?

Значит, он все вспомнил? И может объяснить все загадки? Он сказал вам, что такое корабль?

— Ты нетерпелив,— заметил Ухето.— Ро нам еще ничего не говорил. На него обрушился целый поток забытой информации, и он старается привести ее в порядок. Нельзя сейчас отвлекать его вопросами. Мы ждали долго, и ничего не случится, если подождем еще.

— Вообще-то он ведет себя как-то странно,— проговорил Мамбуса.

— Почему?— удивился Октавус.

— Да потому, что Ро стал скрытным. В его первых словах не было радости. И явно заметно, что он обеспокоен чем-то. А чем именно, не говорит. Тут поневоле задумаешься.

Когда Октавус в сопровождении Ухето и Мамбусы появился на базе со своим самострелом, никто не обратил внимания на диковинный аппарат. Все были заняты обсуждением перемен, произошедших с вождем, и наседали на Ненго, надеясь узнать от него что-то новое. Ведь он первым беседовал со стариком, притом довольно долго. Но ничего определенного Ненго не мог сказать. Сам же вождь уединился в своем шалаше и потребовал, чтобы его не беспокоили.

Шло время, а Ро все не появлялся. Это не на шутку встревожило племя, и Кало вызвался пойти в разведку. Вернувшись, он рассказал, что старик сидит в шалаше и читает книгу, которую бережно хранил у себя с давних пор, несмотря на все злоключения кочевой жизни.

— Значит, он вспомнил древний язык, наш настоящий язык!— воскликнул обрадованный Янато.— Ведь он не раз говорил, что эта книга откроет нам глаза, и потому берег ее, хотя не мог прочесть ни единого слова. Мы ведем себя глупо. Надо терпеливо ждать. Скоро Ро откроет нам все тайны.

— Но почему он не может прочесть книгу всем нам?— засомневался Чако.— Почему он прячется от нас?

— Пусть скажет правду! Нам нужна правда!— проговорил Мамбуса возбужденно.— Даже если он ничего не вспомнил. Или ему просто нечего нам сказать?

В этот самый момент вождь появился на поляне, где собрались роботы. Здесь они жгли по ночам костры, здесь решались самые важные вопросы. Ро слышал последние слова Мамбусы и заявил спокойно:

— Ты ошибаешься, Мамбуса, мне очень многое надо вам сказать. Мне понятны причины вашего беспокойства, и я не упрекаю вас. Но прежде чем начать разговор, я должен был разобраться во всем сам. Да, память вернулась ко мне, Ненго оправдал наши надежды. Однако мало вспомнить прошлое, необходимо понять его и соотнести с сегодняшним положением. Вы слишком нетерпеливы, я так и не успел про-

читать книгу до конца и еще многое не понимаю сам. Но и то, что я уже знаю, заслуживает вашего внимания.

Роботы сбились тесной толпой около старика и жадно ловили каждое его слово.

— Теперь мне известны первоначальная информация, заложенная в нас, и прежняя программа,— продолжал Ро.— А это существенно меняет ситуацию. Теперь, чтобы спастись, мы не должны воевать с Ованго. Нам следует заключить с ними мир.

В толпе роботов поднялся ропот. Мысль, высказанная вождем, показалась им странной и нереальной. Разве Ованго согласятся на мир? А их агрессивность? Октавуса же волновали совсем другие мысли.

— Как же так?— воскликнул он.— Я изобрел новое оружие, оно сделает нас непобедимыми. Мы вернем все, что потеряли когда-то. Я могу показать вам, как действует самострел, тогда вы поймете.

— Не спеши, Октавус,— произнес Ухето.— Ро еще не кончил говорить. Ты сам не знаешь, о чем споришь.

— Он хочет, чтобы мы стали охотниками, как Ованго,— сказал Мамбуса.— И чтобы гонялись за лесными зверями.

— Мы будем воевать не со зверями, а с Ованго,— горячился Октавус.— В лесу я только испытывал самострел.

Ро жестом остановил перепалку.

— Я не видел в действии твоего оружия, Октавус,— проговорил он,— но охотно верю, что оно обладает большими достоинствами. В вопросах войны Ованго были нашими учителями, и теперь, надо думать, мы их превзошли. Однако я хочу, чтобы не только ты, а и все остальные поняли: программа, которой мы руководствуемся в своих действиях сейчас, низвела нас до уровня жалких дикарей, ставших в нашем воображении всемогущими и грозными. Вины нашей в этом нет, но мы всегда шли на поводу у Ованго. Мы можем рассчитывать на мощь нашей техники, чтобы справиться с Ованго, ее вполне хватит. А мы возмемся с копьями и дубинами. Теперь ты придумал самострел. Так ли уж он отличается от примитивного оружия Ованго? Ты понимаешь, о чем я говорю, Октавус?

Октавус растерялся. С одной стороны, его поразила грандиозная перспектива войны с Ованго теми техническими средствами, которые всегда были в распоряжении роботов и которые никому не пришло в голову использовать. Но одновременно он испытывал горькое разочарование. Он ждал похвал, восхищения соплеменников, а получил суровую отповедь.

— Я не собираюсь умалять твоих достоинств, Октавус,— снова заговорил Ро.— Я лишь хочу подчеркнуть, что программа, которая

помогла нам выжить, безнадежно устарела. Мы должны от неё отказаться.

— Ты, наверное, прав, Ро,— поразмыслив, согласился Октавус.— Теперь я понял, что зря тратил время. Но я все равно создам такое оружие, которым ты останешься доволен.

— Нет, Октавус, в этом нет никакой необходимости. Я уже говорил, что мы не будем больше воевать с Ованго. С нами опять наше прошлое: мы не дикари, а роботы, которые не имеют права убивать людей.

— Не понимаю тебя, Ро,— произнес Мамбуса.— Ты хочешь, чтобы Ованго поскорей уничтожили нас? Или, по-твоему, они решили оставить нас в покое?

— Нет, они по-прежнему относятся к нам враждебно.

— Тогда в чем же дело? Почему мы не вправе постоять за себя? Я согласен, война нам не нужна, но мы обязаны обороняться. Хотя бы копьями и дубинками, но обороняться.

— Я еще не все разъяснил вам. Я не упомянул о корабле. Ухето был отчасти прав, когда предположил, что корабль некогда принадлежал нам. Да, мы прилетели сюда на нем и встретили Ованго. Но мы были не одни, вместе с нами прибыли люди с Земли. Мы им помогали во всех делах.

— Кто такие люди с Земли?— Неверие к людям, будь то Ованго или земляне, прозвучало в вопросе Мамбусы.

— Они очень похожи на Ованго, но в то же время совсем не такие. Это они построили корабль.

— Построили для нас?— усомнился Кало.— Куда же они делись? Почему их нет с нами, если они наши друзья? Или они покинули нас в беде и ушли к Ованго?

— Они давно все погибли,— ответил Ро.— Книга, которую я читал, это дневник экспедиции. К тому же я многое вспомнил сам... Смерть пришла к ним внезапно, они умирали один за другим. И никто не знал причины. По крайней мере мы, роботы, ничего не знали. У нас было и без того много дел. Это было тяжелое время. Все рушилось, и мы не представляли, как спасти положение. Меня тогда не было на корабле, я находился на дальней базе, а когда вернулся, все было кончено. Мы остались одни. И вскоре начались наши стычки с Ованго. Мы очень зависели от людей, наша самостоятельность была сильно ограничена, поэтому мы просто растерялись, оставшись без поддержки. А Ованго этим воспользовались. И мы потеряли корабль, а потом и все базы.

— Надо было улетать сразу, пока корабль оставался в ваших руках,— сказал Октавус.

— Теперь и мне ясно, что мы должны были поступить именно так. Но ведь никто не предполагал, что Ованго нападут на нас. Мы решили

демонтировать сперва наши базы, так как не хотели бросать оборудование и машины. Нам хотелось спасти хотя бы технику. В этом мы видели свою последнюю задачу. Мы прилетели сюда с Земли, с далекой планеты, затерянной среди миллионов звезд. И там до сих пор ждут известий о пропавшей экспедиции.

— Кому же принадлежит Земля? Роботам или людям?— спросил Мамбуса.— Если людям, то стоит ли туда лететь? Почему земляне должны быть добрее, чем Ованго?

— Ованго — дикари,— отозвался Ро.— Они неразумны, хотя не столь уж плохи, как нам кажется. А люди с Земли вооружены могучими знаниями, они создали корабль и всех нас. Мы их дети, они взяли нас в космическое путешествие, чтобы мы помогли им. Мы обязаны завершить экспедицию. Люди с Земли рассчитывали на нас, это было их последним желанием. Так сказано в дневнике. Кстати, они никогда не применяли оружие против Ованго, и те их любили... Ованго живут по своим законам. Когда-нибудь они тоже научатся строить корабли и поймут многое из того, чего не понимают сейчас. Так, они считают, что земляне погубили именно мы, и поэтому мстят нам. Они принимают нас за колдунов и оборотней, поскольку не представляют, как мы можем жить, не охотясь на диких зверей. Нет, мы не должны трогать Ованго. Нам следует примириться с ними.

— Но мы уничтожили уже многих Ованго,— проговорил Чако.— Люди с Земли могут не простить нам этого.

— Тогда у нас не было другого выхода. Кроме того, мы и сами были неразумны...

— Если из землян никто не остался в живых, то как же мы будем управлять кораблем?— спросил Октавус.

— В свое время многие роботы были пилотами и умели водить корабли,— ответил Ро.— И я надеюсь, что на «Сфинксе», так называется наш корабль, есть компьютеры и программные устройства, которые вернут нам утраченные знания.

— Но по доброй воле Ованго не пропустят нас на корабль!— заявил Янато.— Почему они должны изменить свое отношение к нам?

— Мы попробуем вести с ними переговоры. Попробуем убедить, что не хотим им зла. Если Ованго согласятся нас пропустить, они сдержат свое слово. Корабль им не нужен, так что им незачем упорствовать.

— А вдруг он все-таки неисправен?— сказал Октавус.— И вдруг вместо компьютеров мы найдем те же груды бесполезного хлама, что и на складах?

— Нет, теперь я знаю точно, Ованго не могли проникнуть на корабль. «Сфинкс» создан для продолжительных космических путешествий, он оснащен надежными защитными устройствами...

С наступлением темноты Ро ушел дочитать дневник экспедиции. Он знал, что без него роботы будут чувствовать себя свободней и если вынесут какое-нибудь решение, то оно будет добровольным и единодушным. Ро не хотел навязывать племени свою волю.

Вся ночь прошла в бурных спорах.

Роботы понимали, что перед ними открылись грандиозные перспективы, немислимые еще совсем недавно. Путешествие к звездам, на далекую планету, которая, по утверждениям Ро, является их настоящей родиной! Кто бы мог подумать об этом? Но звезды, Земля, люди, создавшие корабль,— все это было столь чуждо и непонятно, что не у одного только Мамбусы возникали сомнения. Как могло случиться, что все они напрочь забыли о таких важных вещах, что ни у кого в памяти не осталось ни малейшей зацепки, которая подтверждала бы достоверность рассказов вождя?

Ненго и Мамбуса считали, что Ухето должен помнить хотя бы какие-то разговоры о далеком прошлом. Ведь он был старше всех в племени, его мозг хранил наиболее древний пласт информации. Роботы насели на Ухето и потребовали, чтобы тот либо опроверг доводы Ро, либо доказал их основательность. Ухето растерялся, не зная, что отвечать.

— Разве Ро не убедил вас? — вяло сопротивлялся он. По-моему, никаких противоречий в его словах нет. Впрочем, могу рассказать об одном случае... Как-то у нас скопилось много пленников. Мы их не убивали, потому что рассчитывали обменять на наши установки, захваченные Ованго. С этой целью устроили переговоры. Когда Ованго узнали, что пленники живы и здоровы, то очень удивились. Почему вы их пощадили, спросили они нас, ведь погубили же вы людей неба, чтобы выпить их кровь? Нам так и не удалось разубедить их. Однако обмен это не помешало... Вот и все. Но можно ли утверждать, что люди неба и люди с Земли — это одно и то же?

— Это очень важная деталь,— проговорил Октавус.

Мамбуса был рад, что добился своего и заставил Ухето пошевелить мозгами. Он не сомневался, что люди неба и люди с Земли — это просто разные названия предполагаемых спутников роботов. Но теперь его беспокоила истинная причина гибели землян.

— А если Ованго правы? — сказал он. — Может быть, мы в самом деле воевали с этими людьми, как сейчас с Ованго?

— Не говори чепухи, Мамбуса,— отозвался Октавус.— В книге ясно сказано: земляне надеялись, что мы завершим экспедицию. Враги такого не написали бы.

— А ты читал книгу? Нет, здесь надо говорить с Ро.

На другой день, когда вождь появился среди них, Мамбуса вышел ему навстречу и произнес:

— Мы пришли к единому мнению, Ро, и мы верим тебе. Но все равно остается много непонятного. Ты сам говорил, что Ованго обвиняют нас в гибели землян. Ухето подтвердил это. Можешь ли ты доказать, что мы неповинны в их смерти? Не придется ли нам вести войну и на Земле?

— Дневник экспедиции доказывает это,— ответил Ро. Они умерли от какой-то странной болезни, вызванной земными бактериями, которые в новых условиях изменились и стали опасными. Врачи и лекарства оказались бессильны. На теле землян появлялись кровоточащие незаживающие язвы, поэтому и возникла легенда у Ованго, будто мы питались кровью своих спутников.

— Но Ованго ведь тоже люди! Почему эта болезнь не перешла на них?

— Этого я не знаю. В дневнике много записей об Ованго. Там сказано, что они хотя и похожи на людей с Земли, но все-таки сильно от них отличаются. Может быть, бактерии, привезенные с Земли, оказались опасными только для землян?.. Наша задача — спасти материалы экспедиции. И мы должны рассказать о несчастье, постигшем людей с Земли, чтобы такого больше не повторялось. Так написано в дневнике. Это писал один из последних землян. Смертельно больной, он проводил исследования, стараясь выявить причину заболевания, но не успел довести работу до конца.

— Что ж, Ро, теперь все ясно. Но как мы проникнем на корабль, если нам нельзя воевать с Ованго? Они не пропустят нас!

— Действительно,— проговорил Октавус,— у нас ведь нет пленников, и мы не можем устроить обмен.

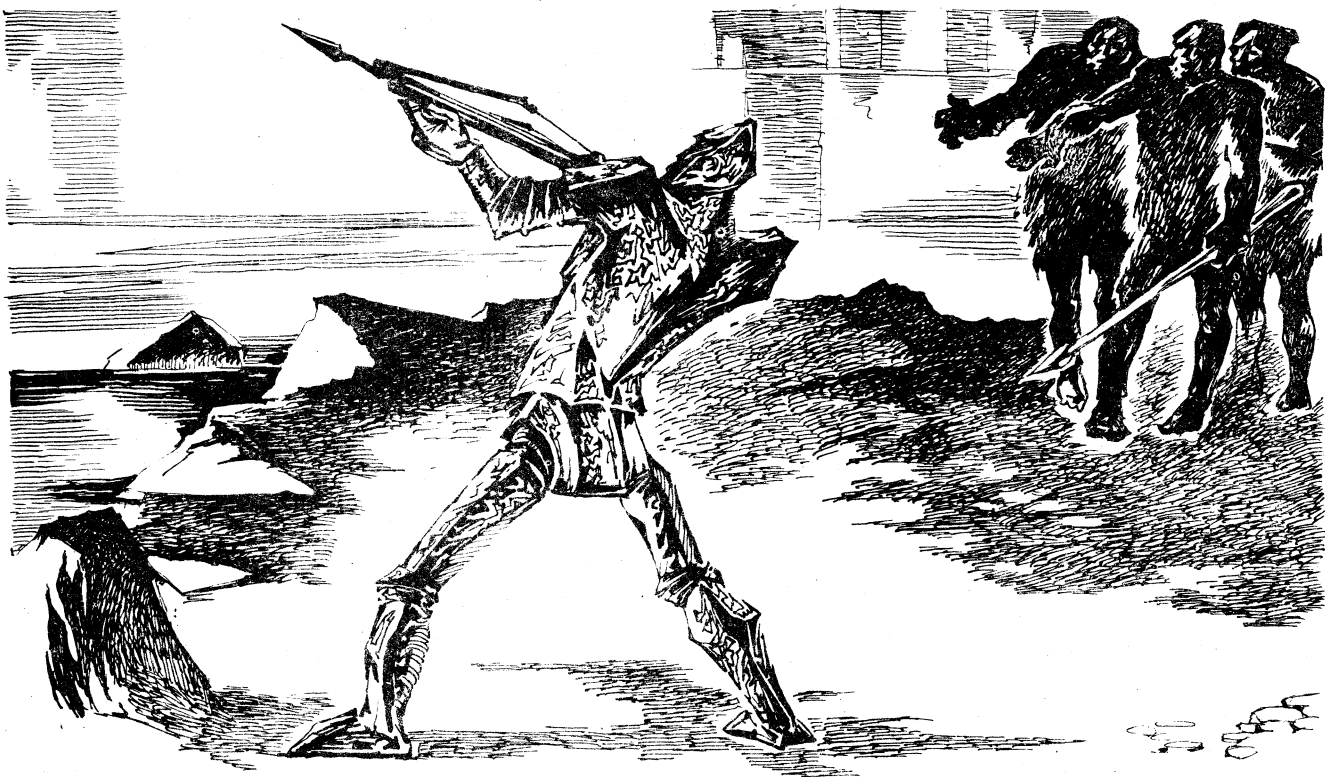
— Я понимаю тебя, Октавус,— ответил старик.— Ты сожалеешь, что мы отвергли твоё изобретение. Но я думаю, ты не напрасно потратил время. У нас нет пленников, зато есть твой самострел. Сделаем еще несколько таких же и предложим их Ованго. Если им понравится, они пропустят нас к кораблю. Твое оружие пригодится им в нелегкой борьбе за жизнь.

— Нет, нет! — запротестовал Октавус.— Лучше я его уничтожу! Они обманут нас и всех переубьют...

— В тебе говорит предубежденность, Октавус! Люди с Земли называли Ованго братьями и не делали им зла. Теперь, когда мы прошли долгий путь и стали мудрее, мы должны думать не только о себе.

— Но они нас просто обманут,— упрямылся Октавус.— Возьмут оружие и не пропустят к кораблю. Мы вооружим их против самих себя. А вдруг корабль окажется негодным для полета, и нам придется остаться здесь?

— А не ты ли утверждал, что создашь еще

более мощное оружие? Чего же нам бояться? Или ты уже не веришь в свои силы?

— Нет, почему же! Верю, но ведь потребуется время!..

— Об этом не беспокойся. Если возникнет такая нужда, мы все будем работать над новым оружием.

Продолжать спор было бесполезно, и Октавусу пришлось уступить. В конце концов его утешала мысль, что труд не пропал даром. Кроме того, Ро предложил, чтобы на переговоры с Ованго Ухето пошел вместе с Октавусом, и у последнего появилась надежда, что если не роботы, то хотя бы Ованго по достоинству оценят боевые качества его самострела.

На переговоры Ухето и Октавус захватили с собой добрую сотню стрел и несколько арбалетов. На холмах, на берегу той самой реки, вдоль которой Октавус совсем недавно пробирался во владения Ованго, они развели три больших костра, и к небу взметнулись клубящиеся столбы дыма. Это был знак мира.

Полдня роботы подбрасывали в огонь траву и зеленые ветки, чтобы дыма было побольше, и наконец увидели вдали ответный сигнал. Он означал, что Ованго приняли предложение и готовы к переговорам. Возможно, они думали, что роботы захватили пленников и хотят их обменять.

Скоро на противоположном берегу реки появились послы под охраной вооруженного отряда. Увидев роботов, они спустили на воду лег-

кий челнок из коры, который принесли с собой. В него забрались шесть воинов. Оттолкнувшись длинными шестами, они направили челнок прямо к роботам. На берег вышли лишь двое Ованго, прочие остались в лодке. По внешнему виду можно было понять, что это не рядовые воины: из общей массы их выделяли пятнистые шкуры на плечах и металлические браслеты на руках и ногах. Послы с нескрываемым интересом разглядывали роботов. Октавус тоже внимательно наблюдал за ними. У обоих были короткие рыжие бородки, на сильно выступающих скулах и щеках нанесен краской тонкий затейливый узор. Волосы на голове были стянуты сзади узлом. У одного из послов, постарше на вид, в ушах были продеты костяные палочки.

Ухето приветствовал гостей и произнес заранее подготовленную речь. Суть ее сводилась к тому, чтобы Ованго согласились пропустить роботов через свои владения в обмен на новое, невиданное оружие, которое сделает племя охотников непобедимым. Когда Ухето кончил говорить, Октавус, не теряя времени, продемонстрировал силу и преимущества своего оружия. Он стал стрелять по мишеням, изготовленным из досок и кусков жести, и каждый его выстрел вызывал неизменное восхищение зрителей, так как стрелы не только попадали в цель, но и пробивали толстые доски, оббитые жостью.

Как-то незаметно воины из охраны оставили лодку и подошли ближе. Затем потянулись лю-

бопитные с другого берега, иные из них переходили реку вброд, другие переплывали на челноках. Самые азартные из Ованго попробовали было посоревноваться с Октавусом и принялись метать копья, но не смогли даже добросить их до мишеней. А когда роботу удалось подстрелить случайно пролетающую птицу, крики восторга огласили окрестности. Ованго бурно приветствовали Октавуса, и тот уже ничуть не опасался косматых дикарей. Напротив, он поражался их доверчивости и простоте и вполне верил теперь, что если Ованго согласятся их пропустить, то сдержат свое слово.

Но Ухето был опытней и не терял бдительности. Убедившись, что необходимый эффект произведен, он сделал послам знак, чтобы воины удалились. Никто, однако, уже не перебирался на противоположный берег, этого Ухето и не требовал. Он сказал:

— Мы показали вам это оружие и научим с ним обращаться. Это очень легко. Каждый из вас потом сумеет сделать для себя самострел.

— Когда племя роботов хочет идти? — спросил старший из послов.

— Мы спешим, — ответил Ухето. — Мы уйдем навсегда из ваших владений и покончим с враждой.

— Но куда вы пойдете?

— Туда, где рождается Тохо.

Решено было прямо не говорить Ованго о корабле, так как он, хотя и находился далеко от

святынища, все же мог быть предметом культа, а это осложнило бы переговоры.

— В той стороне живут другие племена, и вам придется воевать с ними, — предупредил старший посол.

— Мы уйдем в страну своих предков. Нам предстоит далекий путь, и мы готовы к испытаниям.

— Ованго пропустят вас, если совет вождей так решит. Мы должны показать им ваше оружие.

Ухето вручил послам самострел и десятка два стрел. Октавус еще раз показал, как с ним обращаться, и спросил:

— Когда же надо ждать ответ?

— Когда Тохо родится в седьмой раз, мы дадим вам сигнал.

С хорошими вестями вернулись Ухето и Октавус на базу. Никто не сомневался, что совет вождей примет предложение: слышком велико было желание Ованго овладеть новым оружием, которое явно пришлось по душе дикарям. И роботы стали готовиться к походу. На всякий случай решили идти налегке, оставив на базе все установки, приборы и оборудование.

Накануне условленного дня роботы пришли к реке. Рано утром, едва лишь Тохо позолотил своими лучами каменистые гряды далеких холмов, три столба дыма известили о приближении посольства Ованго. На сей раз послы явились с большим войском, но, увидев перед собой жал-

кую кучку роботов, остановились и стали совещаться. В конце концов войско разделилось, и большая его часть повернула обратно. Вслед за этим послы переправились через реку. Они передали, что совет вождей согласился пропустить роботов, если те не будут нарушать договора. Но неожиданно посол с костяными палочками в ушах спросил:

— Разве остальные роботы не желают уйти в страну предков?

Наивная хитрость посла лишь позабавила Ухето, и он ответил:

— Это все наше племя. Мы пережили трудные времена, и нас осталось мало.

Обговорив все условия и поклявшись свято их соблюдать, роботы отправились в путь. Вновь Октаvus шел знакомой дорогой, и в его памяти всплывали подробности первого похода. Он пояснял своим спутникам, где столкнулся со стадом обезумевших животных, едва не растоптавших его, где переждал опасность, показал место ожесточенной схватки Ованго с быками и указал наконец на далекий холм, с которого увидел остроконечный корпус корабля.

Когда подошли к подножию холма, всех охватило возбуждение. Роботы с нетерпением ждали минуты, когда взору их откроется ослепительно сверкающая громадная машина, для которой не существует пределов и препятствий и над которой не властно время. Надеюсь, что эта машина круто и бесповоротно изменит их судьбу, и в то же время невольно затаив долю сомнения, они еще ничего не знали о космосе, и им казалось, что корабль унесет их в какую-то светлую, радужную стихию, где не надо думать о насущных заботах и тяготах, где царит вечный покой и вечная радость.

И вот, едва они взошли на вершину холма, Мамбуса воскликнул в восторге:

— Корабль! Он блестит, как новый!

Диск Тоху уже клонился к закату, и корабль пламенел в алом зареве. Его корпус, казалось, был сделан из огненной меди.

— Он огромен, как скала! — произнес Янато. — И сияет ярче Тоху!

Видя великое ликование своих спутников, Ованго решили, что таинственная башня, которую они считали творением небесных богов, священна для роботов. Сами они тоже не были к ней равнодушны, но их чувства имели противоположный характер. Башня была для них воплощением непонятной силы, злой и враждебной. Благодаря яркому блеску корпуса у них укоренилось представление, что тот, кто взглянет открыто на корабль, лишится зрения. И хотя корабль царил над окрестными холмами и святилищем, они предпочитали держаться подальше от него. Лишь один раз в году, в самую темную ночь, они приходили к нему и приносили дары.

Корабль всегда оставался для них загадкой,

множество легенд рассказывалось о нем. В одних говорилось, что в древние времена в башне жили люди неба, существа добрые и безвредные, но потом там поселились злые духи, и с тех пор башня стала проклятием для Ованго. Другие легенды прямо связывали роботов с башней. Будто бы те поклялись ей, а после их изгнания боги прогневались на Ованго и не позволяли смотреть на башню.

Теперь они, конечно, вспомнили эту легенду, но ни мудрый Ро, ни Ухето не подозревали насколько она упростила дело. Когда роботы сказали, что хотят подойти к кораблю и провести около него ночь, Ованго восприняли это как должное и дали согласие. Лишь небольшой отряд наиболее отважных воинов сопровождал роботов, но и они не рискнули приблизиться к кораблю и остановились на ночлег в отдалении. Ованго поставили единственное условие — чтобы роботы покинули это место до рассвета.

Наступила решительная минута. Если не удастся проникнуть на корабль, все надежды рухнут. Ованго уже не разрешат вернуться на базу — придется пробиваться с боем... Однако Ро был спокоен. Он сразу заметил, что грузовые и пассажирские люки задрены наглухо, а это ясно указывало, что Ованго не сумели проникнуть внутрь. С тех пор, как к вождю вернулась память, ему стали известны все тайны корабля. Для него не представляло труда открыть люки, оснащенные системой электронных запоров. Собственно, в корпусе каждого робота были вмонтированы особые микродатчики, посредством которых электронные сторожа узнавали своих. Но никто, кроме Ро, об этом не догадывался. Вождь же ждал подходящего момента — когда в стане Ованго успокоятся.

А там ничего не подозревали. Расположившись у костров, воины готовили себе ужин. Ованго было не столь уж много: они не боялись роботов, ибо в любой момент могли рассчитывать на помощь. К тому же обе стороны связали себя клятвой, и нарушителя ждала кара богов, именем которых они клялись. У воинов Ованго было превосходное настроение. Еще два дневных перехода — и роботы покинут их владения. Одним врагом станет меньше. Кроме того, их племя получит новое оружие, способное поражать на большом расстоянии, а это сулит неизмеримые выгоды и на войне, и на охоте.

Между тем Ро пришел к убеждению, что пора действовать. Он приблизился к одной из опорных штанг, на которых стоял корабль, и стал производить манипуляции, загадочные для непосвященных. Роботы сгрудились около него и терпеливо ждали. Казалось, он колдовал на манер жрецов Ованго. Вот он вложил раскрытую ладонь в углубление на штанге, подождал минуту, затем вложил вторую ладонь. Снова сделал паузу и легко повернул рычаг, который еще

мгновение назад как будто составлял единое целое с броней. Послышалось мерное гудение. Корабль медленно оживал. Роботы сбились теснее. Неожиданно, глухо скрипнув, откинулась броневая заслонка, и заблестело никелированными рукоятками кодовое устройство. Вождь уверенно набрал шифр, и сразу же плита, закрывавшая люк, бесшумно сдвинулась в сторону. Из образовавшегося отверстия струился мягкий матовый свет. Ро обернулся к соплеменникам и проговорил:

— Ну вот, теперь мы спасены.

— Корабль исправен,— тихо произнес Октавус.— Конечно, корабль исправен!

Эта мысль беспокоила его до последнего момента, но теперь сомнений не оставалось. Роботы боязливо толпились у люка, с недоверием и опаской заглядывали внутрь. Все притихли. Незнание манила и в то же время пугала.

— Иди первый, Октавус,— сказал Ро.— Теперь мы оправдаем надежды людей с Земли и доведем экспедицию до конца.

Привлеченные светом, струящимся из открытого люка, Ованго, пересилив страх, подошли ближе. Ведь им нужно было следить за роботами. Свет был необычный и не походил на отблески костра. Это смущало Ованго. Они держались на почтительном расстоянии, судорожно сжимая в руках древки копий. Ро взял приготовленные арбалеты и стрелы, отнес им.

— Мы покидаем вас навсегда,— проговорил он.— Люди неба ждут нас. Взгляните на звезды, там страна наших предков.

Вождь вернулся назад, и роботы один за другим скрылись в шлюзовой камере. Ро вошел последним и закрыл за собой люк.

Несколько дней подряд Ованго кружили около корабля, приближаясь к нему только по ночам. Они ждали, не появятся ли роботы снова? Но вот однажды тишину ночи разорвали раскаты грома. Задрожала земля под ногами. Из дюз корабля вырвалось ослепительное пламя. Ованго бросились бежать в разные стороны, пораженные ужасом. Потом раздался пронзительный гул, нараставший с каждой минутой, и таинственная башня исчезла, огненным столбом взметнувшись в небо...

ЕЩЕ —

О первых марсианах

Вы не совсем позабыли вопрос о первом марсианине — из нашей викторины-80? Читателям предлагалось вспомнить, кто из героев А. и Б. Стругацких оказался первым ребенком, родившимся на Марсе. Вопрос был не без каверзы (ведь таких «первых марсиан» у Стругацких даже два!), а потому вызвал у отвечающих разнообразные попутные соображения, которые в сжатом обзоре викторины (см. № 12 за 1980 год) не поместились.

«Вообще-то у Стругацких в повестях и рассказах, связанных общими героями и общими событиями, много несогласованностей,— писали, например, уфимцы В. Карабаев и Р. Кадиков.— Применительно к данному вопросу мы обращаем внимание на несоответствие времени. В рассказе «Ночь в пустыне» говорится, что люди живут на Марсе уже пять лет, в повести «Стажеры» — тридцать лет. Но в «Стажерах» Быков, Дауге, Крутиков и Юрковский уже в летах, а согласно «Стране багровых туч» они приблизительно ровесники Спицына. Получается, что «первый марсианин» (т. е. Спицын) родился до того, как на Марсе поселились люди, а это, согласитесь,— нонсенс, пусть и фантастический...»

Согласимся? Очевидно, придется.

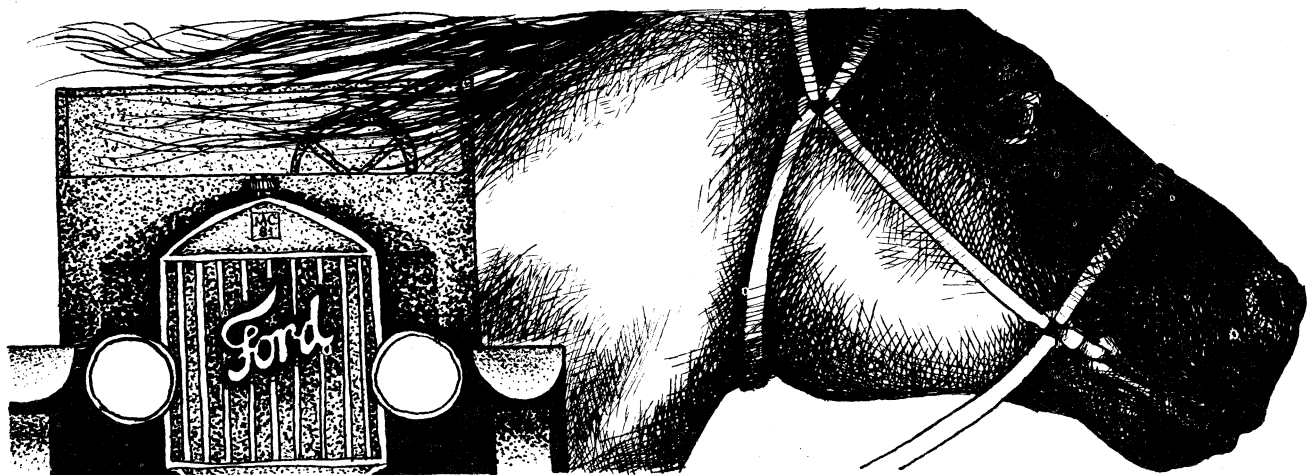
И еще — о первых марсианах.

«Я родился в Фарсиде, небольшом поселке переселенцев, когда атмосфера Марса была уже насыщена кислородом и стала пригодной для дыхания. Мои родители прилетели на Марс с первой партией добровольцев...» Этот первый марсианин, по подсказке тех же В. Карабаева и Р. Кадикова, является героем рассказа П. Амнуэля «Все законы Вселенной».

Памятник еще одному «первому (точнее, «первой»): марсианке Аустре, родившейся в Поселке строителей 8 января 2021 года) наши читатели нашли в рассказе «Монументы Марса» К. Булычева.

Если же, согласно данным рязанца В. Колядина, верить Джону Уиндему, то первым земным ребенком, рожденным на Марсе в 1994 году («и совершенно нормальным ребенком — шесть с половиной фунтов!»), нужно считать Дженессу из рассказа этого фантаста «Адаптация».

РАССКАЗЫ

**Василий
КОЗЛОВ**

*Рисунок
С. Мальшева*

Кучер начдива

Впервые я встретился с Егором Алексеевичем Ковалевым, чапаевским кучером, весной 1919 года. Звали его все Лексеич, хотя он был одногодок Василия Ивановича. На попечении Лексеича был прекрасный вороной конь калмыцкой породы. Требовал его Чапаев только в ненастные дни, в сухое время предпочитал объезжать полки на автомашине. Его порученцу Петру Исееву каждый раз приходилось вызывать автомобиль из гаража по телефону. Не всегда это удавалось сделать в тот момент, когда надо: при тогдашней связи много времени терялось.

Это потом уже начдив дал распоряжение командиру автоотряда Беневолюскому выслать ему автомашину с шофером в постоянное пользование.

Выбор пал на более выносливый по тому времени четырехместный педальный «форд», а шофером послали меня. Так мы с Лексеичем и стали оба при Чапае.

Надо сказать, что Лексеич недружелюбно встретил появление у начдива нового вида транспорта, да и меня заодно: соперник, как-никак. Немало приходилось слышать от него язвительных насмешек.

Особенно обильно сыпались они, когда небо заволкало темными тучами и начинал моросить дождь. В такое время фронтные проселочные дороги для моего, выдавшего вида «фордика» оказывались непроходимыми, и Василий Иванович приказывал Лексеичу седлать коня. Петухом ходил тогда Лексеич, и я старался не попадать ему на глаза. Но куда денешься? Конюшня и гараж рядом...

И захочешь не попадаться на глаза, так сам Ковалев найдет, чтобы потешиться над незадачливым шофером:

— Ну, как, Вася, железный конь твой хваленый опять на приколе, а? Интеллигентный он у тебя — любит

О ЧАПАЕ

только солнышко-ведрышко... А как дождик землю смочил — свистит на одном месте: ни туды и ни сюды...

Я молчал. Прав Лексеич: его-то вороной в любую погоду на ходу...

«Нельзя от вины отказываться»

Выветривает беспощадное время многое из памяти, но не все утрачивается с годами... Не забыть мне, как однажды Василий Иванович Чапаев, получив очень важное сообщение с передовой, быстро выбежал из штаба дивизии, на ходу пристегивая шашку. За ним — Исаев.

— Козлов!.. Заводи быстро! — приказал начдив.

Долго ли завести машину. Сел за руль. Спрашиваю:

— Куда, товарищ Чапаев?

— В бригаду Потапова. Жми, Вася, вовсю!

Только успел мой «фордик» набрать полную скорость, как вдруг, откуда ни возьмись, — гусь на дороге... Покосился я на Чапая и прочел в жестких его глазах: «Жми!» Гусь успел крикнуть свое последнее «га-а...»

На участке комбрига Потапова действительно положение оказалось серьезное. Крупные силы белоказаков прорвали нашу линию обороны. Чапаевцы после продолжительного сопротивления отступили. Только личное вмешательство Чапая помогло ликвидировать прорыв.

На обратном пути к Уральску начдив был в хорошем настроении и начал надо мной подтрунивать:

— Та-а-к, Вася... Задавил гусака?

— Задавил, товарищ Чапаев.

— А что не остановился?

— Виноват, товарищ Чапаев, ждал вашего указания.

— Ишь ты, хитрый какой! Я в управление машиной не вмешиваюсь. Вот завтра придет хозяйка, ведь придется платить за гусака, как думаешь? Деньги-то есть?

— Какие деньги, товарищ Чапаев, нету...

На другой день и в самом деле пришла казачка. Расплакалась, раскричалась. На крик вышел из штаба Василий Иванович.

— В чем дело? Что за шум?

— Да вот, товарищ начальник, вчера ваш шофер задавил у меня последнего гуся, войдите в мое положение, малые дети дома... — И пошла тараторить.

— А откуда ты, гражданка, знаешь, что это мой шофер задавил твоего гусака?

— Да как ведь машину-то ваиу все знают. Ваш шофер, ваи, сама видела, в окно как раз смотрела...

— Мда-а... Задавил, говоришь, гусака?

— Задавил, ирод, а у меня дети малые...

Начдив позвал порученца:

— Иса-аев!

— Слушаю, Василий Иванович!

— Распорядись от моего имени, чтобы со склада выдали этой гражданке фунтов пять-шесть мяса!

— Есть! Пошли, тетенька...

Казачка, довольная, отправилась с Исаевым получать мясо. А Чапаев подошел к машине и, улыбаясь, спрашивает:

— Ну, как, Вася, дела?

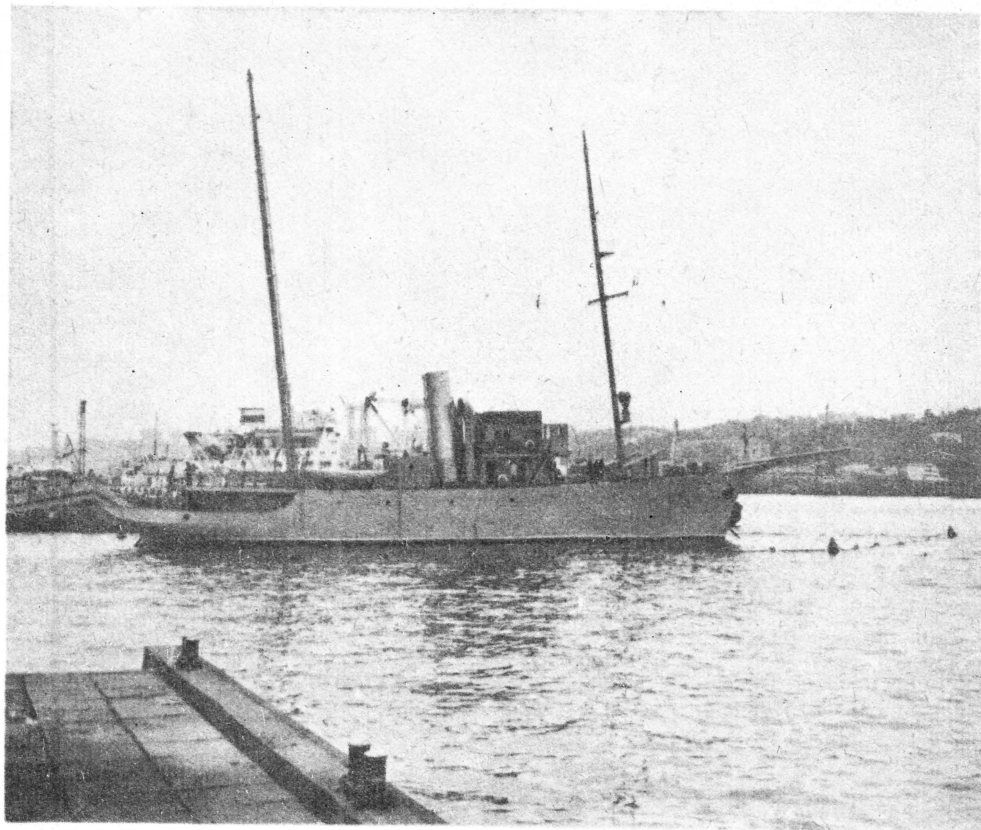
— Все в порядке, товарищ Чапаев. Спасибо вам...

— Ничего-о-о... Работай. Да гусей больше не дави.

И про себя уже вздохнул:

— Нельзя от вины отказываться...

«Красный вымпел»

Парусник комсомольцев двадцатых годов. Первый боевой корабль Тихоокеанского флота.

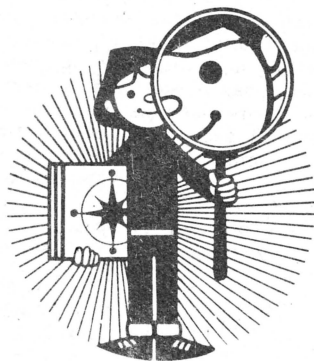
Парусно-паровая яхта, ранее носившая имя «Адмирал Завойко», с 1911 года по 1921 использовалась управлением Камчатской администрации в качестве посыльного судна для прибрежной охраны водного района, рыбного и таможенного надзора.

24 января 1923 года на нем впервые в Тихом океане был поднят военно-морской флаг и гюйс РСФСР. Приказом военного командования от 29 мая 1923 года посыльное судно «Адмирал Завойко» было переименовано в «Красный вымпел». С него началось возрождение Красного флота, введенного из Приморья бежавшей армией Колчака. Выполняя задания командования, экипаж корабля принимал активное участие в новой жизни населенных пунктов Охотского и Берингова морей, в организации комсомольских ячеек, в разъяснении среди населения национальных меньшинств первых декретов Советской власти.

«Красный вымпел» заслуженно поставлен на вечный прикол как судно-музей в городе Владивостоке.

С. ЛИХАЧЕВ

Фото автора

МИР

НА ЛАДОНИ

Бескрылая гагарка

Некогда в северной части Атлантического океана обитали бескрылые гагарки. Эти красивые птицы хорошо плавали, ныряли, а на берег выходили лишь в пору гнездования. Тут-то они и становились легкой добычей людей...

В 1844 году русские ученые добыли последних двух бескрылых гагарок. Одна из них, в виде чучела, хранится в коллекции Зоологического института Академии наук СССР.

На снимке: бескрылая гагарка.

В. ВАСИЛЬЕВ

Блоха-чемпионка

Блоха является абсолютным рекордсменом в животном мире по прыжкам в высоту — ее прыжок в сто раз превышает длину ее тела. Обладая человеком такими способностями, он смог бы прыгать на высоту 180 метров!

Чтобы раскрыть блошинный секрет, ученые проводили ускоренную киносъемку прыжков — 3500 кадров в секунду. Одновременно были проведены химические и биологические анализы. Сила и скорость приведенных в движение задних конечностей настолько велики, что насекомое в первой фазе прыжка испытывает ускорение в тридцать раз больше, чем то, что преодолевает стартующие в ракете космонавты.

Однако ученые еще до конца не разобрались в удивительном механизме этого насекомого по имени блоха. В частности, остается загадкой ее энергоемкость, не разгадана пока и природа эластичной белковой субстанции, своеобразной пружины.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Дороже золота

Змеиный яд — важное сырье для фармацевтической промышленности. Чтобы получить его, в ряде стран (преимущественно с жарким климатом) есть змеиные питомники, например, у нас в стране в Средней Азии, во Вьетнаме, на Кубе, в Гвинее, Индии. Змеепитомники в последнее время стали появляться и в странах, весьма отдаленных от тропиков. Так, успешно разводят змей на ферме вблизи Берлина. Здесь уже получено более миллиона доз яда. На мировом рынке цена змеиногояда по весу в 20 раз превосходит стоимость золота.

Д. ТИТОВ

Пиастры, пиастры!

Помните попуая капитана Фланта, который кричал: «Пиастры, пиастры...»? Не что подобное не так давно можно было услышать в ФРГ, когда обсуждался вопрос о создании так называемого Европейского парламента и, следовательно, единой валютной системы в рамках Европейского экономического сообщества, более известного как Общий рынок.

— Пиастры, пиастры! — слышалось в кулуарах конференций и заседаний. — Нам нужны свои деньги, бумажные и металлические. Какое же это правительство без своей валюты?!

Пока продолжались дебаты, дельцы от нумизматики ловили мгновение. Запахло прибылью, а в этом случае зевать нельзя. И обтяпали дело так оперативно, что парламент только руками развел.

В нумизматических магазинах появились никелевые монеты с портретом Дуайта Эйзенхауэра, покойного президента США, и датой его смерти. На оборотной стороне надпись «Федеративная Европа». В центре монеты факел с надписью «Свобода» над ним, дабы не спутали этот символ с факелом поджигателей войны.

Но самое интересное написано внизу: «2¹/₂ европиноса». Злые языки утверждают, что здесь не обошлось без «круки Москвы»: кто-то в каком-то русском научно-фантастическом романе вычитал о «еврасиках», монете объединенной Европы будущего, и предложил свое название для номинала новой монеты. Однако заимствовать номинал у русских сочли неприличным и заменили его на более европейски благозвучное «европино», с таким итальянским акцентом. А чтобы совершенно исключить возможность влияния «агентов Кремля» и показать, откуда ветер дует, добавили, что «2¹/₂ европиноса равны половине серебряного доллара». И сразу все стало на место.

Монета эта в обращение так и не поступила, но она довольно резко была распродана нумизматам всего за 15 долларов за штуку, что всего в 30 раз больше ее номинала.

И. ВИКТОРОВ

Медведи

приходят ночами

Столицей белых медведей слывет городок Черчилль, расположенный на севере канадской провинции Манитоба. Зимой, особенно по ночам, десятки зверей бродят по улицам. Это заставило персонал местной больницы потребовать включения в коллективный договор о тарифных ставках пункта о медвежьей тревоге. При объявлении такой тревоги медсестры и другой обслуживающий персонал больницы бесплатно доставляются на работу и домой.

Река Чусовая. Камень Перелочный

Ярким золотистым суглинком тропинка пересекает зеленый ковер овсов с голубыми глазками васильков вдоль межи, ныряет в густую тень пахучих елей, весело сбегает вниз к реке. И тут перед вами встают высокие утесы одного из чудес реки Чусовой — камня Перелочного.

Неиссякаема фантазия природы: ее ваятели — вода, солнце и буйные ветры сотворили и этого статного, гордого — всем на удивление — великана.

Назвали его Перелочным вот почему. В девяноста километрах от Коуровской турбазы Чусовая делает почти пятикилометровую извилину и возвращается чуть ли не обратно,

образуя узкий — в сотню метров — перешеек. Когда-то бурлаки под «Дубинушку» перекатывали через этот бугор на бревнышках-кругляшках прямо под камень легкие челны-суденышки. Отсюда и пошло: место — Перелочка, камень — Перелочный...

В нынешних турпоходах дежурные обычно переходят через бывший волок и кашеварят у скал, а остальные, поспешая к готовому обеду, перегоняют лодки.

У Перелочного есть свей горливый прозрачный родник. В небольшом гроте у подножья камня-бойца, где ночевали у костра сплавщики, можно переждать дождь.

Особенно красив этот памятник

природы в лучах заходящего солнца. А в утреннем тумане раскидистые сосны на вершинах скал шатрами парят в воздухе. Призрачные очертания известняковых нагромождений напоминают руины древнего замка. В эти часы и вода в реке густая, вязкая, белая, Чусовая будто сказочная молочная река течет в зеленых берегах. Но чем сильнее алет заря, тем ярче и чище становятся краски. Просыпается природа, выдыхает свежий аромат утра.

Как подтверждает народная мудрость — утро вечера всегда мудрее.

Фото и текст В. Ветлугина